

В. И. Ленин (Ленин)

Полное собрание сочинений в 55-ти томах

Владимир Ленин (Ульянов)

**Полное собрание сочинений.
Том 34. Июль – октябрь 1917**

«Public Domain»

Ленин (Ульянов) В. И.

Полное собрание сочинений. Том 34. Июль – октябрь 1917
/ В. И. Ленин (Ульянов) — «Public Domain», — (Полное
собрание сочинений в 55-ти томах)

В тридцать четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина
входят произведения, написанные с 10 (23) июля по 24 октября
(6 ноября) 1917 года, в период подготовки Великой Октябрьской
социалистической революции.

Содержание

Предисловие	6
1917 г.	18
Политическое положение {1}	18
Письмо в редакцию «Новой жизни» {5}	21
Письмо в редакцию «Пролетарского дела» {12}	23
К лозунгам	24
Благодарность князю Г. Е. Львову	28
Ответ {19}	30
I	30
II	34
III	35
О конституционных иллюзиях {30}	37
I	37
II	39
III	41
Начало бонапартизма	45
Уроки революции	48
I	48
II	49
III	49
IV	51
V	51
VI	52
VII	54
VIII	54
IX	55
Послесловие	55
О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции {48}	57
Слухи о заговоре	59
За деревьями не видят леса	62
Письмо в связи с изданием «Листка по поводу взятия Риги» {51}	66
Политический шантаж	69
Бумажные резолюции	71
О Стокгольмской конференции	73
Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие	78
О клеветниках	83
В Центральный Комитет РСДРП	85
Из дневника публициста	87
1. Корень зла	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90
Комментарии	

В. И. Ленин
Полное собрание сочинений
Том 34
Июль ~ октябрь 1917

Пролетарии всех стран, соединяйтесь

Издание пятое

Печатается по постановлению Центрального Комитета Коммунистической Партии
Советского Союза

Предисловие

В тридцать четвертый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные с 10 (23) июля по 24 октября (6 ноября) 1917 года, в период подготовки Великой Октябрьской социалистической революции. Произведения, включенные в том, освещают героическую борьбу большевистской партии под руководством Ленина за политическую и организационную подготовку масс к вооруженному восстанию против буржуазного Временного правительства, за победу социалистической революции.

Положение в стране в этот период было исключительно сложным. Временное правительство, поддерживаемое меньшевиками и эсерами, выполняя волю русской буржуазии и империалистов Антанты, продолжало преступную, захватническую войну. Начавшееся в июне наступление русских войск на фронте провалилось, вызвав десятки тысяч новых жертв. В стране, измученной трехлетней империалистической войной, нарастали небывалая экономическая разруха и голод. С каждым днем расширялось и углублялось расстройство всех отраслей народного хозяйства. Капиталисты в целях борьбы с революцией срывали производство, организовывали саботаж, закрывали предприятия. Огромных размеров достигла разруха на транспорте. Страна находилась накануне финансового краха. Непрерывно увеличивался выпуск бумажных денег. В сельском хозяйстве почти наполовину по сравнению с довоенным уровнем сократились посевные площади. Капиталисты и помещики рассчитывали, что разруха и голод дадут им возможность быстрее задушить революцию, покончить с республикой и Советами.

Июльские события – расстрел Временным правительством с согласия меньшевистско-эсеровского Центрального Исполнительного Комитета Советов мирной демонстрации рабочих и солдат в Петрограде 4 (17) июля – явились переломным моментом в развитии революции. Двоевластие кончилось, власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционного Временного правительства.

7 (20) июля 1917 года Временным правительством был отдан приказ об аресте В. И. Ленина. Контрреволюция ставила своей задачей обезглавить партию большевиков. Партия укрыла своего вождя в подполье. Почти месяц Владимир Ильич жил в Разливе, недалеко от Петрограда; 9 (22) августа он был переправлен в Финляндию, где скрывался вначале в деревне Ялкала близ станции Териоки, затем два дня в городе Лахти, потом в Гельсингфорсе, а с 17 (30) сентября он, чтобы находиться ближе к Петрограду, переехал в Выборг. Развитие революции, необходимость непосредственного руководства подготовкой вооруженного восстания настоятельно требовали возвращения В. И. Ленина в Петроград; 7 (20) октября по решению ЦК он переехал в Петроград, где до вечера 24 октября (6 ноября) жил на конспиративной квартире.

Находясь в глубоком подполье, Ленин направлял деятельность партии, внимательно следил за положением в стране, давал указания по всем важнейшим вопросам развития революции. В период 110-дневного пребывания в подполье В. И. Ленин написал более 65 статей и писем. Он много трудился над разработкой теории марксизма. В это время им было написано выдающееся произведение – книга «Государство и революция», которая вошла в 33 том Полного собрания сочинений. Все работы, включенные в настоящий том, написаны В. И. Лениным в подполье.

В тезисах «Политическое положение», которыми открывается том, в произведениях «К лозунгам», «О конституционных иллюзиях», «Уроки революции» Ленин дает глубокий анализ резко изменившейся политической обстановки в стране, разрабатывает и обосновывает новую тактику большевистской партии. Контрреволюция, указывает Ленин, организовалась, укрепилась и фактически взяла государственную власть в свои руки. Меньшевики

и эсеры окончательно скатились в лагерь контрреволюции. Руководимые ими Советы стали придатком буржуазного Временного правительства. «Всякие надежды на мирное развитие русской революции, – писал Ленин, – исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны» (настоящий том, стр. 2). Ленин дает указания о собирании сил для подготовки к вооруженному восстанию, о новых формах работы среди масс, о сочетании легальной работы с нелегальной.

Новая политическая обстановка в стране потребовала от партии смены тактических лозунгов. В тезисах «Политическое положение», в статье «К лозунгам» Ленин обосновал необходимость временного снятия лозунга «Вся власть Советам!». В статье «К лозунгам» Ленин подчеркнул, что при крутых поворотах истории необходимо, в соответствии с изменившейся обстановкой, быстро менять и лозунги партии, так как каждый лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. Лозунг «Вся власть Советам!», указывал Ленин, был правилен до июльских дней, он исходил из установки партии на мирное развитие революции, которое тогда было возможно и наиболее желательно. Меншевики и эсеры своим предательством и окончательным переходом в лагерь контрреволюции сорвали этот путь развития революции. «Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков, – писал Ленин. – ... Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией» (стр. 17). Лозунг передачи власти Советам, указывал Ленин, может быть понят как призыв к переходу власти к данным Советам, а призывать к этому теперь – значило бы обманывать народ. В то же время он подчеркивал, что временное снятие лозунга «Вся власть Советам!» не означало отказа от Советской республики как нового типа государства. Советы могут и должны появиться вновь, на новом этапе революции, но не Советы с эсеро-меньшевицким руководством, органы соглашения с буржуазией, а как органы революционной борьбы с ней.

Одной из важнейших задач партии после июльских дней, в условиях разгула контрреволюции, Ленин считал систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, которыми были тогда охвачены широкие массы населения. В статье «О конституционных иллюзиях» Ленин на примерах бесконечного оттягивания правительством созыва Учредительного собрания, преследований и репрессий, проводимых по отношению к большевистской партии и рабочему классу, показал, что государственная власть в стране на деле перешла в руки контрреволюции, в руки военной клики. В «Письме в редакцию «Пролетарского Дела»», разъясняя недопустимость явки большевистских лидеров на суд Временного правительства, Ленин писал, что ни о каких конституционных гарантиях в России после июльских событий не может быть и речи. Подчиниться приказу властей и явиться на суд Временного правительства – значило бы отдать себя в руки разъяренных контрреволюционеров.

В статьях «Благодарность князю Г. Е. Львову», «Ответ», «Политический шантаж», «О клеветниках» В. И. Ленин разоблачил приемы и методы буржуазии, к которым она прибегает в борьбе против своих классовых врагов, против большевиков. Изобличая клеветников и шантажистов, готовых пойти на любое преступление против партии революционного пролетариата, Ленин указывал, что во всем мире буржуазия в союзе с социал-предателями преследует интернационалистов, истинных защитников интересов народа, используя самые гнусные приемы. Он призывал революционеров быть стойкими, не поддаваться крикам буржуазной прессы, твердо идти своей дорогой. С чувством великой гордости Ленин писал о героической партии рабочего класса, о партии большевиков: «ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи...» (стр. 93).

Тезисы Ленина «Политическое положение», его статьи «К лозунгам» и другие легли в основу решений VI съезда РСДРП(б), который происходил в Петрограде 26 июля – 3 августа (8–16 августа) 1917 года. Ленин руководил работой съезда из подполья, поддерживая связь с Петроградом через товарищей, выделенных для этой цели Центральным Комитетом, которые приезжали к нему в Разлив. Он принимал участие в разработке и написании важнейших резолюций съезда. Съезд избрал Ленина почетным председателем. На съезде единогласно было принято решение против явки В. И. Ленина на суд контрреволюционного Временного правительства.

Съезд выдвинул лозунг борьбы за полную ликвидацию диктатуры контрреволюционной буржуазии и завоевание власти пролетариатом и беднейшим крестьянством путем вооруженного восстания. В решениях съезда было с особой силой подчеркнуто ленинское положение о союзе пролетариата и беднейшего крестьянства как важнейшем условии победы социалистической революции.

Все решения, принятые VI съездом партии, были подчинены главной и основной цели: подготовить пролетариат и беднейшее крестьянство к вооруженному восстанию, к победе социалистической революции. Выпущенный от имени съезда манифест призывал рабочих, солдат и крестьян накапливать силы и под знаменем большевистской партии готовиться к решающей схватке с буржуазией.

Руководствуясь решениями VI съезда, большевистская партия развернула энергичную деятельность по организации и объединению всех революционных сил, боровшихся за мир, за землю, за национальное равноправие, за социализм, и направила их в одно русло – к победе социалистической революции. Партия проводила огромную работу по завоеванию на сторону рабочего класса широких трудящихся масс крестьянства, по разоблачению предательской роли соглашательских партий меньшевиков и эсеров.

В том входят статьи «Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие» и «Новый обман крестьян партией эсеров», в которых Ленин разъясняет большевистскую политику союза рабочего класса с крестьянством и разоблачает партию эсеров, ее лидеров, как прислужников буржуазии и помещиков. Характеризуя земельные требования крестьянства, выраженные в 242 местных крестьянских наказах, опубликованных в «Известиях Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» 19 августа (1 сентября) 1917 года, Ленин разъяснял, что в этих наказах речь идет прежде всего о конфискации помещичьих земель. Проведение такой меры нанесет гигантский удар по частной собственности, подорвет господство капиталистов. Эсеры обманывают крестьян, пытаясь уверить их, что подобные преобразования возможны без перехода власти к пролетариату. Только пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством, писал Ленин, свергнув власть капиталистов, может провести в жизнь конфискацию помещичьих земель, выполнить требования, выдвинутые в крестьянских наказах. В октябре 1917 года, когда в газете «Дело Народа» партия эсеров опубликовала свой новый земельный законопроект, в котором от крестьянских требований конфискации помещичьих земель ровно ничего не осталось, Ленин в статье «Новый обман крестьян партией эсеров» писал: «Пусть знают крестьяне, что только *рабочая* партия, только *большевики* стоят горой и до конца *против* капиталистов, *против* помещиков, за интересы *беднейшего* крестьянства и *всех* трудящихся» (стр. 433).

Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила вековые надежды и чаяния трудящихся крестьян о земле. Декрет о земле, принятый II Всероссийским съездом Советов, объявил о конфискации помещичьей земли и передаче ее в руки народа. В первый же день прихода к власти партия большевиков превратила крестьянский наказ в закон о земле.

Твердая и последовательная борьба за интересы народа высоко поднимала авторитет и влияние большевистской партии. Особенно ярко это выявилося в период подавления корни-

ловского мятежа, подготовленного контрреволюцией с целью установления в стране военной диктатуры, ликвидации Советов и реставрации монархии.

Партия большевиков подняла трудящиеся массы на борьбу против выступления генерала Корнилова, двинувшего в конце августа с фронта на Петроград армейский корпус и казачьи части. В статье «Слухи о заговоре», в письме «В Центральный Комитет РСДРП» Ленин указывал, что мятеж Корнилова крайне неожиданно изменил ход событий. Мы будем воевать против Корнилова, как и войска Керенского, писал Ленин, но мы не поддерживаем Керенского, а вскрываем его слабость. Ведя борьбу против Корнилова, большевики в то же время разоблачали Временное правительство как соучастника этого контрреволюционного выступления. Попытка буржуазии и помещиков задуть революцию провалилась. Корниловский мятеж был подавлен рабочими и крестьянами, организованными и руководимыми большевистской партией. В период борьбы с корниловщиной оживилась деятельность Советов, которые через головы своих руководителей меньшевиков и эсеров вели борьбу против мятежа.

В статье «О компромиссах», написанной 1 (14) сентября, Ленин писал, что в результате подавления корниловщины наступил крутой поворот в развитии русской революции. Он поставил вопрос о том, что партия большевиков может предложить добровольный компромисс мелкобуржуазным партиям и согласиться на возврат к доиюльскому требованию: «Вся власть Советам!», образование ответственного перед Советами правительства из эсеров и меньшевиков, которым представлялась возможность осуществить в этом правительстве программу их блока. Ленин считал, что большевики должны пойти на такой компромисс во имя вновь возникшей возможности мирного развития революции. В этой статье Ленин выдвинул важное принципиальное положение об отношении марксистской партии рабочего класса к компромиссам. «Задача истинно революционной партии, – писал он, – не в том, чтобы провозгласить невозможным отказ от всяких компромиссов, а в том, чтобы *через все компромиссы*, поскольку они неизбежны, уметь провести верность своим принципам, своему классу, своей революционной задаче, своему делу подготовки революции и воспитания масс народа к победе в революции» (стр. 133).

Ленин подчеркивал, что возможность компромисса с партиями эсеров и меньшевиков определялась возникшим в ходе борьбы с корниловщиной особым положением, которое продлится лишь самое короткое время. В приписке к статье «О компромиссах» 3 (16) сентября он писал: «... пожалуй, предложение компромисса уже запоздало. Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было *еще* возможно, *тоже* прошли» (стр. 138–139). Меньшевики и эсеры ответили отказом на предложения большевиков.

Корниловский мятеж со всей очевидностью показал трудящимся массам суть соглашательских партий меньшевиков и эсеров, фактически прикрывавших и защищавших помещиков и капиталистов. Своего истинного защитника трудящиеся массы видели в лице большевистской партии. Они отзывали из Советов эсеров-меньшевистских депутатов и заменяли их большевиками. 31 августа (13 сентября) Петроградским Советом была принята большевистская резолюция о переходе власти к Советам, а 5 (18) сентября аналогичную резолюцию принял Московский Совет. Вслед за столичными Советами на сторону большевиков стали переходить местные Советы. Началась полоса большевизации Советов.

В статьях «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции», написанных в первой половине сентября, Ленин вновь ставит вопрос о возможности мирного развития революции в России. Ленин учитывал политические изменения, которые происходили в стране после разгрома корниловщины. Он подчеркивал, что только переход власти к Советам является единственным средством, которое могло бы сделать «*дальнейшее развитие постепенным, мирным, спокойным...*», что только

Советская власть могла бы быть устойчивой и что только она способна обеспечить широкое развитие революции, мирную борьбу партий внутри Советов.

В статье «Задачи революции» Ленин сформулировал и обосновал конкретную программу Советского правительства, выдвинув следующие основные положения: немедленно предложить всем воюющим народам заключить мир на демократических условиях; провести конфискацию и национализацию помещичьих земель; осуществить национализацию банков и важнейших отраслей промышленности; ввести в общегосударственном масштабе рабочий контроль над производством и потреблением; повести твердую и последовательную борьбу с контрреволюцией помещиков и капиталистов. Ленин подчеркивал, что если Советы возьмут государственную власть для проведения этой программы, то им будет обеспечена не только поддержка девяти десятых населения, рабочего класса и громадного большинства крестьянства, но и величайший революционный энтузиазм армии и большинства народа, без которого победа над голодом и войной невозможна. «Пролетариат, – писал он, – не остановится ни перед какими жертвами для спасения революции, невозможного вне изложенной программы. Но пролетариат всемерно поддерживал бы Советы, если бы они осуществили последний их шанс на мирное развитие революции» (стр. 238). Ленин указывал, что если эта возможность мирного развития революции, перехода власти в руки Советов, будет упущена, то гражданская война между пролетариатом и буржуазией станет неизбежной.

Развитие событий – продолжение партиями меньшевиков и эсеров политики соглашения с контрреволюцией, подготовка Временным правительством контрреволюционных сил для удушения революции – все это привело к тому, что мирное развитие революции окончательно оказалось невозможным. Разъясняя значение лозунга «Вся власть Советам!» на различных этапах революции, Ленин в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», писал, что, «по крайней мере с половины сентября, этот лозунг *равносителен призыву к восстанию*» (стр. 388).

В произведениях, вошедших в том: тезисах «Политическое положение», статьях «К лозунгам», «О компромиссах», «Один из коренных вопросов революции», «Русская революция и гражданская война», «Задачи революции» и других, Ленин, глубоко анализируя и обобщая опыт революционных событий в России, всесторонне разработал важнейший вопрос о путях и формах развития социалистической революции.

Ленин исходил из того, что возможны две основные формы развития революции: мирная и немирная. Мирное развитие революции, писал он, – «вещь чрезвычайно редкая и трудная». Но Ленин считал реальной возможность такого пути революции, указывая, что «в истории, вообще говоря, бывали примеры мирных и легальных революций» (стр. 129). Называя возможность мирного развития революции «*крайне ценной*», Ленин подчеркивал, что марксисты предпочитают мирный переход власти к пролетариату. «Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа, – писал Ленин, говоря о возможности мирного перехода всей власти к Советам до июльских событий. – Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться» (стр. 12). Во имя этого большевистская партия выражала готовность пойти на компромисс с меньшевиками и эсерами.

Мирный путь развития революции в ленинском понимании не имеет ничего общего с реформистской и ревизионистской идеей о «врастании капитализма в социализм». В противоположность реформистскому пути, исключающему революционный переход к социализму, установление диктатуры пролетариата, мирный путь развития социалистической революции, – так же как и немирный путь, – это путь революционного преобразования общества, основанный на самой активной классовой борьбе широких масс рабочего класса и трудящегося крестьянства, руководимых марксистской партией, – за власть, за диктатуру пролетариата. Мирный путь становится возможным не в результате добровольного отказа господствующих классов от власти, а благодаря реальной силе революционных классов,

достаточной для того, чтобы принудить буржуазию отказаться от вооруженного сопротивления. Возможность мирного развития революции до июльских дней Ленин видел именно в том, что реальная сила находилась в руках народа и «ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам» (стр. 11). Эти ленинские положения приобретают особенное значение в наше время, когда в связи с образованием мировой социалистической системы и огромным ростом притягательной силы социализма среди масс возникла реальная возможность мирного развития революции в ряде капиталистических стран.

В условиях, когда буржуазия станет препятствовать воле подавляющего большинства народа, прибегнет, опираясь на военно-полицейский аппарат, к насилию, к репрессиям и террору против трудящихся масс, – в этих условиях пролетариат будет вынужден прибегнуть к восстанию. Такой вывод следует из анализа Лениным положения в России после июльских дней и намеченной им тактики большевистской партии.

Идеи Ленина о мирной и немирной формах социалистической революции получили творческую разработку – в соответствии с современным этапом общественного развития – в решениях XX съезда КПСС, Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС, в документах международных совещаний марксистско-ленинских партий. В них указывается, что форма осуществления революции будет зависеть от конкретного соотношения сил в той или иной стране, от организованности и зрелости рабочего класса и его партии, от степени сопротивления господствующих классов. Пролетариат и его авангард – марксистско-ленинские партии должны всегда иметь в виду и мирную и немирную возможности развития революции, владеть всеми формами борьбы, быть готовыми к самой быстрой и неожиданной смене одной формы борьбы другой.

В середине сентября Ленин пишет Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому комитетам партии письмо «Большевики должны взять власть» и письмо Центральному Комитету партии «Марксизм и восстание», в которых, на основе глубокого и всестороннего анализа внутренней и международной обстановки, выдвигает перед партией на очередь дня подготовку и организацию вооруженного восстания. Получив большинство в обоих столичных Советах, писал Ленин, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки. Остановившись на положении в стране, сложившемся в первой половине сентября, Ленин указывал, что русская буржуазия готовится сдать Петроград немцам, она готова идти на любые преступления и предательства Родины, лишь бы отстоять свою власть. В то же время англо-французские империалисты сговариваются о сепаратном мире с Германией за счет России. Только взяв власть в свои руки, партия большевиков может сорвать эти преступные замыслы, спасти страну и революцию. Оценивая соотношение классовых сил, Ленин указывал, что за партией большевиков идет большинство народа и ей обеспечена верная победа в революции. Вопрос идет не о дне восстания, не о моменте его, писал Ленин. «Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства» (стр. 240).

В письме «Марксизм и восстание» и статье «Советы постороннего» Ленин обобщил в стройную систему взгляды Маркса и Энгельса по вопросу о вооруженном восстании и развил их. Он подчеркнул, что эти взгляды не имеют ничего общего с бланкизмом и заговорщичеством. Восстание, чтобы быть успешным, учил Ленин, должно опираться на передовой класс, на революционный подъем народа, на такой переломный момент в истории революции, когда имеет место наибольшая активность среди передовых рядов народа и когда всего сильнее колебания среди врагов и в рядах слабых, половинчатых, нерешительных друзей революции. Вооруженное восстание – это «*особый* вид политической борьбы, подчиненный особым законам...» (стр. 382). К восстанию надо относиться как к искусству. Марксизм

установил главные правила этого искусства. Ленин указывал, что в России в тот период имелись налицо все условия для того, чтобы восстание было успешным. В этих произведениях Ленин разработал примерный план организации восстания, который в ходе Октября 1917 года был успешно осуществлен революционными рабочими и солдатами, руководимыми большевистской партией.

В том входит работа Ленина «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанная в Гельсингфорсе 10–14 (23–27) сентября 1917 года. В ней Ленин развил и обосновал экономическую платформу большевиков, выдвинул программу спасения революции, спасения страны от грозившей экономической катастрофы, от закабаления России иностранным капиталом. Ленин подробно охарактеризовал революционные меры, которые одни могли спасти страну от разрухи, голода и вместе с тем продвинуть ее вперед к социализму. Такими мерами были: рабочий контроль над производством и распределением продуктов, национализация банков и крупной промышленности, конфискация помещичьей земли и национализация всей земли в стране и другие.

Ленин указывал, что проведение в жизнь этих мероприятий хозяйственно обновит и переродит Россию, вызовет величайший подъем народных масс, смело и решительно осуществляющих великие экономические преобразования. В то же время Ленин ставил задачу немедленно покончить с захватнической, грабительской империалистической войной, предложить всем народам справедливый, демократический мир. Провести эту программу в жизнь, писал Ленин, может только пролетариат – самый революционный, самый организованный и передовой класс современного общества. В работе «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» Ленин развил дальше ранее выдвинутое и обоснованное им положение о возможности победы социализма первоначально в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Он показал, что и в России империалистическая война необыкновенно ускорила рост монополий, усилила их роль и значение, ускорила перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм. Тем самым были созданы материальные предпосылки для перехода к социализму, ибо государственно-монополистический капитализм, указывал Ленин, есть полнейшая материальная подготовка к социализму, есть преддверие его.

Ленин раскрыл контрреволюционную роль партий меньшевиков и эсеров, заявлявших, что Россия еще не созрела для социалистической революции. В истории стоять на месте нельзя, подчеркивал он. В России же, завоевавшей революционным путем республику и демократизм, нельзя идти вперед, «не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему...» (стр. 192). Намечая пути социалистического строительства в России, Ленин сформулировал свое знаменитое положение: «Революция сделала то, что в несколько месяцев Россия по своему *политическому* строю догнала передовые страны.

Но этого мало. Война неумолима, она ставит вопрос с беспощадной резкостью: либо погибнуть, либо догнать передовые страны и перегнать их также *и экономически*» (стр. 198).

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции экономическая платформа, разработанная Лениным, была претворена в жизнь. Рожденная революцией власть рабочих и крестьян вырвала Россию из империалистической войны, спасла страну от национальной катастрофы, от угрозы порабощения ее иностранным капиталом, осуществила переход основных средств производства в руки народа. Вооруженная ленинской программой построения социалистического общества, основные начала которой были намечены Лениным накануне Октября, Коммунистическая партия привела трудящихся нашей страны к полной и окончательной победе социализма. Советский народ под руководством Коммунистической партии осуществляет развернутое строительство коммунизма. Успешно решается поставленная Лениным задача – догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны в экономическом отношении.

В произведении «Удержат ли большевики государственную власть?», которое входит в настоящий том, Ленин дал сокрушительный отпор буржуазным и мелкобуржуазным партиям, пытавшимся подорвать доверие народных масс к большевистской партии, выступавшим в печати с лживыми утверждениями, что большевики либо никогда не решатся взять одни власть в свои руки, а если и возьмут, то не смогут удержать ее даже в течение самого короткого периода. Разоблачая клеветнические измышления врагов революции, Ленин подчеркнул, что в России имеются налицо все экономические и политические предпосылки для победы социалистической революции и что при наличии их не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, если они не дадут запугать себя, взять власть и удержать ее. Большевистская партия, указывал Ленин, выражает коренные интересы пролетариата и широких народных масс и, опираясь на их поддержку, может обеспечить руководство пролетарским государством и организовать строительство нового, социалистического общества.

Отвечая на утверждения меньшевиков, что пролетариат будто бы не сможет овладеть государственным аппаратом, Ленин показал, что меньшевики игнорируют учение Маркса о государстве, ревизуют положение марксизма о том, что в ходе пролетарской революции пролетариат должен не овладеть старой, буржуазной, государственной машиной, а разбить, сломать ее и создать свой новый аппарат государственной власти.

Ленин считал, что этим новым аппаратом государственной власти, созданным революционным творчеством народных масс, являются Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он раскрыл сущность Советов как самых демократических, массовых, подлинно народных органов государственной власти, подчеркнув, что по сравнению с буржуазным парламентаризмом они являются таким шагом вперед, который имеет всемирно-историческое значение. Если бы творчество революционных классов не создало Советов, указывал Ленин, то пролетарская революция в России была бы делом безнадежным.

Развивая марксистское учение о социалистической революции и диктатуре пролетариата, Ленин подчеркивал, что рабочий класс должен сломать «угнетательский» аппарат буржуазно-помещичьего государства – армию, полицию, чиновничество; что же касается, так сказать, «учетно-регистрационного» аппарата, то его разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, подчинить пролетарским Советам, сделать более широким, всеобъемлющим, всенародным. Ленин отмечал, что социализм предполагает централизованное плановое хозяйство, строгий учет и контроль за производством и распределением продуктов, за мерой труда и потребления. Победивший пролетариат, указывал Ленин, должен привлечь к делу социалистического строительства буржуазную интеллигенцию – организаторов банковского дела, инженеров, агрономов, техников, научно-образованных специалистов всякого рода, создав им благоприятные условия для работы и поставив их под всесторонний рабочий контроль.

Важнейшей задачей государственного строительства после победы социалистической революции Ленин считал привлечение к делу управления страной широчайших масс трудящихся. Он указывал, что проведение в жизнь первых же мероприятий Советского государства вызовет невиданный в истории революционный энтузиазм народных масс, поднимет на борьбу за новую жизнь ранее политически спавшие, задавленные нуждой и эксплуатацией, миллионы рабочих и крестьян. Пролетарское государство, писал Ленин, располагает чудесным средством, которое сразу, одним ударом удесатерит его силы, – это вовлечение трудящихся масс в управление государством, – средство, которым ни одно капиталистическое государство не располагало и располагать не может. Ленин подчеркивал, что самое главное – внушить трудящимся массам веру в свои силы, показать им на практике, что они могут и должны взяться за управление государством.

Выражая глубокое убеждение в том, что идеи большевизма, идеи мира, демократии и социализма, вдохновляющие массы, одержат победу, Ленин писал: «Идеи становятся силой, когда они овладевают массами. И именно теперь большевики, т. е. представители революционно-пролетарского интернационализма, своей политикой воплотили ту идею, которая двигает во всем мире необъятными трудящимися массами» (стр. 332).

Произведение Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?» сыграло огромную роль в деле мобилизации масс на борьбу за победу социалистической революции, создания и упрочения Советского государства. Социалистическая революция разбила старый, антинародный, буржуазно-помещичий аппарат государственной власти и создала новый аппарат власти, выражающий кровные интересы трудящихся. Советская власть воплотила в себе новый, высший тип демократии – демократию для трудящихся, миллионы которых вовлечены в управление государством. Освободившись от эксплуатации, трудящиеся массы показали безграничные способности к творчеству нового, чуда героизма и беспримерного мужества.

Положения и выводы Ленина, сформулированные в произведениях «Грозная катастрофа и как с ней бороться» и «Удержат ли большевики государственную власть?», имеют огромное принципиальное значение. Как показал опыт социалистической революции в России и в других странах, программа мероприятий пролетарской власти, которую наметил и теоретически обосновал Ленин в этих произведениях, выражает основные закономерности развития социалистической революции, начального этапа строительства нового строя, общие для всех стран.

В томе публикуется документ «По вопросу о программе партии» и статья Ленина «К пересмотру партийной программы», напечатанная в октябре 1917 года в журнале «Просвещение». Ленин считал необходимым ускорить работу по подготовке новой программы партии большевиков, подчеркивал, что это будет иметь огромное значение для всего международного рабочего движения. В статье «К пересмотру партийной программы» Ленин подверг резкой критике путаный, ошибочный проект общей теоретической части программы, с которым выступил в печати Сокольников. Он также показал несостоятельность предложения Бухарина и Смирнова – удалить программу-минимум. В тот период этого нельзя было делать, ибо Февральская революция не решила всех задач буржуазно-демократической революции. Ленин подчеркивал, что выкидывать программу-минимум в таких условиях, – значит перепрыгивать через неизжитый еще этап движения, отказываться работать в рамках буржуазного строя. Отсюда следует важный принципиальный вывод: и в условиях буржуазно-демократического строя марксистская партия должна иметь не только программу-максимум, формулирующую конечную цель – переход к социализму и к коммунизму, но и программу ближайших требований, поставив в ней задачи борьбы за укрепление и расширение демократии, на удовлетворение насущнейших нужд трудящихся.

Революционный кризис в стране расширился и углублялся. На фабриках и заводах росло стачечное движение. Бастовали металлисты, текстильщики, горняки, кожевники, печатники. В сентябре проходила Всероссийская стачка железнодорожников и почтово-телеграфных служащих. В деревнях борьба крестьян против помещиков принимала самые острые формы, переходя в восстание. Росло национально-освободительное движение. Стремясь остановить развитие революции, сохранить за собой руководство массами и поддержать буржуазное Временное правительство, меньшевики и эсеры 14 (27) сентября созвали в Петрограде так называемое Демократическое совещание и создали на нем предпарламент.

В письмах «Большевики должны взять власть» и «Марксизм и восстание» Ленин вскрыл политическую сущность Демократического совещания и наметил тактику большевиков по отношению к нему. Он указывал, что величайшей ошибкой со стороны большеви-

ков было бы отнести к Демократическому совещанию как к парламенту, что ни одного вопроса революции оно решить не в состоянии, – решение их лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы. В статье «О героях подлога и об ошибках большевиков» Ленин резко критиковал линию поведения большевиков, участников совещания. Большевики, писал он, должны были после выяснения обстановки на совещании уйти с него, оставив одного-трех делегатов для «службы связи», а остальных двинуть на заводы, в казармы, так как только там источник спасения революции. Позднее, в статье «Из дневника публициста. Ошибки нашей партии», Ленин, анализируя деятельность партии в связи с нарастающей в стране пролетарской революцией, писал, что большевики сделали ошибку, участвуя в Демократическом совещании, что надо было бойкотировать его. Что же касается предпарламента, то Ленин с самого начала настойчиво требовал его бойкота: «Тактика участия в предпарламенте *неверна*, она не соответствует объективному взаимоотношению классов, объективным условиям момента», – писал он (стр. 261). В соответствии с указаниями Ленина Центральный Комитет партии пересмотрел ранее вынесенное решение об участии в предпарламенте и 5 (18) октября 1917 года принял постановление об уходе большевиков из предпарламента в первый же день его работы, преодолев сопротивление Каменева и других капитулянтов, проводивших линию против вооруженного восстания и стоявших за участие в предпарламенте.

В статье «Кризис назрел», написанной 29 сентября (12 октября), и в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам Советов Питера и Москвы большевикам» от 1 (14) октября Ленин охарактеризовал обстановку и со всей остротой поставил перед партией вопрос, что дальше медлить с восстанием нельзя – в стране назрел общенациональный кризис. «Все будущее русской революции, – писал он, – поставлено на карту. Вся честь партии большевиков стоит под вопросом. Все будущее международной рабочей революции за социализм поставлено на карту» (стр. 280). Он подчеркивал, что ждать съезда Советов – это позорная игра в формальность, предательство революции. «Если нельзя взять власти без восстания, надо *идти на восстание тотчас*», – писал Ленин (стр. 341).

Находясь в Финляндии, Ленин рвался в Петроград, ставил перед Центральным Комитетом партии вопрос о своем возвращении. 3 (16) октября ЦК принял решение: «предложить Ильичу перебраться в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь».

8 (21) октября, на следующий день после своего приезда в Петроград, Ленин написал «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области». Этому съезду, происходившему в Петрограде 11–13 (24–26) октября, Ленин придавал исключительно большое значение в деле мобилизации революционных сил для победы восстания. В письме Ленин остановился на международных и внутренних условиях, позволяющих большевикам взять власть и требующих от них быстрых, решительных и энергичных действий в организации вооруженного восстания. Письмо Ленин закончил словами: «Промедление смерти подобно» (стр. 390).

В том включены ленинские документы исторических заседаний Центрального Комитета партии, происходивших 10 (23) и 16 (29) октября 1917 года: протокольные записи докладов и выступлений В. И. Ленина и написанные им резолюции о вооруженном восстании. В своих докладах и выступлениях Ленин обосновал необходимость вооруженного восстания, наметил задачи его организационно-технической подготовки. В резолюции ЦК, принятой по докладу Ленина 10 (23) октября, говорилось, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело и что вся работа партийных организаций должна быть подчинена задаче подготовки и проведения вооруженного восстания. Расширенное заседание ЦК 16 (29) октября приняло по докладу Ленина предложенную им резолюцию, в которой приветствовало и всецело поддержало решение ЦК о восстании, призвало рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания.

На обоих заседаниях против восстания выступили Зиновьев и Каменев. Троцкий на заседаниях ЦК не выступал против резолюции о восстании, но он стоял на ранее высказанной им точке зрения об отсрочке восстания до созыва II съезда Советов, что на деле означало срыв восстания. Зиновьев и Каменев 11 (24) октября обратились в Петроградский, Московский, Московский областной, Финляндский областной комитеты РСДРП(б), в большевистские фракции ЦИК Советов и съезда Советов Северной области с письмом против решения ЦК о вооруженном восстании. В. И. Ленин в «Письме к товарищам», опубликованном в газете «Рабочий Путь» 19, 20 и 21 октября (1, 2 и 3 ноября) 1917 года, подверг уничтожающей критике доводы, с которыми выступили Зиновьев и Каменев против вооруженного восстания: «... эти доводы, – писал он, – являются таким поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям» (стр. 399).

В опубликованных в томе письмах – «Письме к членам партии большевиков» и «Письме в Центральный Комитет РСДРП(б)» – Ленин разоблачает предательское поведение Каменева и Зиновьева. 18 (31) октября в заметке, опубликованной в полуменьшевистской газете «Новая Жизнь», Каменев от своего имени и от имени Зиновьева выражал несогласие с решением ЦК о вооруженном восстании. Тем самым Зиновьев и Каменев выдали врагу секретное решение ЦК партии о восстании. Ленин заклеил их как штрейкбрехеров, предателей революции, и потребовал исключения их из рядов партии. «Только так можно оздоровить рабочую партию, очиститься от дюжины бесхарактерных интеллигентиков, сплотив ряды революционеров, идти навстречу великим и величайшим трудностям, идти *с революционными рабочими*», – писал он (стр. 426).

Примиренческую позицию по отношению к штрейкбрехерству Зиновьева и Каменева занял И. В. Сталин. Он поместил в «Рабочем Пути» от 20 октября (2 ноября) письмо Зиновьева, в котором последний голословно отрицал выдвинутые против него Лениным обвинения. К этому письму Сталин без согласования с ЦК и другими членами редакции дал примечание «От редакции», в котором утверждал, что заявлениями Зиновьева в «Рабочем Пути» и Каменева (в Петроградском Совете) вопрос можно считать исчерпанным. «Резкость тона статьи тов. Ленина, – писал он (речь шла о статье Ленина «Письмо к товарищам». *Ред.*), – не меняет того, что в основном мы остаемся единомышленниками».

Письмо Ленина в ЦК о Зиновьеве и Каменеве с требованием об исключении их из партии обсуждалось на заседании ЦК 20 октября (2 ноября). ЦК принял отставку Каменева о выходе из ЦК и вменил в обязанность Каменеву и Зиновьеву не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы. В письме Я. М. Свердлову, которое в Сочинениях публикуется впервые, Ленин выразил свое несогласие с этим решением ЦК назвав его компромиссным. Это письмо говорит о величайшей принципиальности Ленина, о его неуклонной борьбе за правильную, последовательную политику партии.

Руководствуясь решениями ЦК о вооруженном восстании, партия большевиков развернула энергичную деятельность, готовя народные массы к решающей борьбе за победу социалистической революции. Центральный Комитет во главе с Лениным руководил всей работой по организации вооруженного восстания. «Весь целиком, без остатка, – писала Н. К. Крупская в своих воспоминаниях о Ленине, – жил Ленин этот последний месяц мыслью о восстании, только об этом и думал, заражал товарищей своим настроением, своей убежденностью». Ленин настаивал начать восстание до II съезда Советов, чтобы опередить врагов, ожидавших вооруженного выступления в день открытия съезда. В историческом письме членам ЦК написанном вечером 24 октября (6 ноября), Ленин указал, что нельзя ждать, нужно решать дело «сегодня непременно вечером или ночью», – арестовать правительство Керенского, обезоружить юнкеров, взять власть. «История не простит промедления революцио-

нерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя терять много завтра, рискуя потерять все» (стр. 436). Поздно вечером 24 октября (6 ноября) Ленин прибыл в Смольный и взял непосредственное руководство начавшимся восстанием в свои руки.

Коммунистическая партия, направляемая Лениным, привела рабочий класс России к победе Великой Октябрьской социалистической революции. Идеи Ленина, овладев массами, явились могучей материальной, организующей и преобразующей силой. Неразрывно связанная с рабочим классом и трудящимся крестьянством, опираясь на революционную активность народа, Коммунистическая партия претворила эти идеи в жизнь. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало новой эре в истории человечества – эре крушения капитализма, торжества социализма и коммунизма.

* * *

В тридцать четвертый том включается впервые публикуемый документ В. И. Ленина – «Письмо в связи с изданием «Листка по поводу взятия Риги»». Это письмо, как видно из его содержания, предназначалось для Центрального Комитета партии. В нем Ленин настоятельно ставил задачу организовать издание нелегальных, «полным голосом говорящих», неурезанных цензурой листков и листовок в целях сохранения от закрытия контрреволюционным Временным правительством выходящих легально большевистских газет.

«Тезисы для доклада на конференции 8 октября Петербургской организации, а равно для резолюции и для наказа выбранным на партийный съезд» дополнены впервые полностью публикуемым разделом «О списке кандидатов в Учредительное собрание». Этот раздел в первом и четвертом изданиях Сочинений В. И. Ленина не публиковался совсем, а во втором и третьем изданиях Сочинений он был напечатан неполностью.

В разделе «Подготовительные материалы» публикуется «План приложений к листовке». Ленин намечал включить в эти приложения документы, в которых разоблачался обман крестьянских масс партией эсеров.

В приложениях к тому впервые в Сочинениях публикуются «Заметки для памяти» и заявления В. И. Ленина о его согласии баллотироваться в Учредительное собрание.

Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС

1917 г.

Политическое положение^[1] (четыре тезиса)

1. Контрреволюция организовалась, укрепилась и фактически взяла власть в государстве в свои руки^[2].

Полная организация и укрепление контрреволюции состоит в превосходно обдуманном, проведенном уже в жизнь соединении трех главных сил контрреволюции: (1) партия кадетов^[3], т. е. настоящий вождь организованной буржуазии, уйдя из министерства, поставила ему ультиматум, расчистив поле для свержения этого министерства контрреволюцией; (2) генеральный штаб и командные верхи армии с сознательной или полусознательной помощью Керенского, коего даже виднейшие эсеры^[4] называли теперь Кавеньяком, захватил в руки фактическую государственную власть, перейдя к расстрелу революционных частей войска на фронте, к разоружению революционных войск и рабочих в Питере и в Москве, к подавлению и усмирению в Нижнем, к арестам большевиков и закрытию их газет не только без суда, но и без постановления правительства. Фактически основная государственная власть в России теперь есть военная диктатура; этот факт затемнен еще рядом революционных на словах, но бессильных на деле учреждений. Но это несомненный факт и настолько коренной, что без понимания его ничего понять в политическом положении нельзя. (3) Черносотенно-монархистская и буржуазная пресса, перейдя уже от бешеной травли большевиков к травле Советов, «поджигателя» Чернова и т. д., яснее ясного показала, что настоящая суть политики военной диктатуры, царящей ныне и поддерживаемой кадетами и монархистами, состоит в подготовке разгона Советов. Многие вожди эсеров и меньшевиков, т. е. теперешнего большинства Советов, уже признали и высказали это в эти последние дни, но, как истые мелкие буржуа, они отделяются от этой грозной действительности пустейшим звонким фразерством.

2. Вожди Советов и партий социалистов-революционеров и меньшевиков, с Церетели и Черновым во главе, окончательно предали дело революции, отдав его в руки контрреволюционерам и превратив себя и свои партии и Советы в фиговый листок контрреволюции.

Этот факт доказан тем, что социалисты-революционеры и меньшевики выдали большевиков и молча утвердили разгром их газет, не посмея даже прямо и открыто сказать народу о том, что они это делают, и почему они это делают. Узаконив разоружения рабочих и революционных полков, они отняли у себя всякую реальную власть. Они стали пустейшими говорунами, помогающими реакции «занять» внимание народа, пока она dokonчит свои последние приготовления к разгону Советов. Не сознавши этого полного и окончательного банкротства партий социалистов-революционеров и меньшевиков и теперешнего большинства Советов, не сознав полнейшей фиктивности их «директории» и прочих маскарадов, нельзя ровно ничего понять во всем теперешнем политическом положении.

3. Всякие надежды на мирное развитие русской революции исчезли окончательно. Объективное положение: либо победа военной диктатуры до конца, либо победа вооруженного восстания рабочих, возможная лишь при совпадении его с глубоким массовым подъемом против правительства и против буржуазии на почве экономической разрухи и затягивания войны.

Лозунг перехода всей власти к Советам был лозунгом мирного развития революции, возможного в апреле, мае, июне, до 5–9 июля, т. е. до перехода фактической власти в руки

военной диктатуры. Теперь этот лозунг уже неверен, ибо не считается с этим состоявшимся переходом и с полной изменой эсеров и меньшевиков революции на деле. Не авантюры, не бунты, не сопротивления по частям, не безнадежные попытки по частям противостать реакции могут помочь делу, а только ясное сознание положения, выдержка и стойкость рабочего авангарда, подготовка сил к вооруженному восстанию, условия победы коего теперь страшно трудны, но возможны все же при совпадении отмеченных в тексте тезиса фактов и течений. Никаких конституционных и республиканских иллюзий, никаких иллюзий мирного пути больше, никаких разрозненных действий, не поддаваться *теперь* провокации черных сотен и казаков, а собрать силы, переорганизовать их и стойко готовить к вооруженному восстанию, если ход кризиса позволит применить его в действительно массовом, общенародном размере. Переход земли к крестьянам невозможен теперь без вооруженного восстания, ибо контрреволюция, взяв власть, вполне объединилась с помещиками, как классом.

Кубовые Понизовские полевые,
(~~Кубовые Понизовские полевые~~)

В Конгресс-революции организовалась, устроилась
и формально была связана в союз с парламентом в
свои руки.

Полная организация и осуществление контр-революции состоит в следующем: (1) партии кн., г.с. казачества во главе с... (2) казачеством... (3) казачеством... (4) казачеством... (5) казачеством... (6) казачеством... (7) казачеством... (8) казачеством... (9) казачеством... (10) казачеством... (11) казачеством... (12) казачеством... (13) казачеством... (14) казачеством... (15) казачеством... (16) казачеством... (17) казачеством... (18) казачеством... (19) казачеством... (20) казачеством... (21) казачеством... (22) казачеством... (23) казачеством... (24) казачеством... (25) казачеством... (26) казачеством... (27) казачеством... (28) казачеством... (29) казачеством... (30) казачеством... (31) казачеством... (32) казачеством... (33) казачеством... (34) казачеством... (35) казачеством... (36) казачеством... (37) казачеством... (38) казачеством... (39) казачеством... (40) казачеством... (41) казачеством... (42) казачеством... (43) казачеством... (44) казачеством... (45) казачеством... (46) казачеством... (47) казачеством... (48) казачеством... (49) казачеством... (50) казачеством... (51) казачеством... (52) казачеством... (53) казачеством... (54) казачеством... (55) казачеством... (56) казачеством... (57) казачеством... (58) казачеством... (59) казачеством... (60) казачеством... (61) казачеством... (62) казачеством... (63) казачеством... (64) казачеством... (65) казачеством... (66) казачеством... (67) казачеством... (68) казачеством... (69) казачеством... (70) казачеством... (71) казачеством... (72) казачеством... (73) казачеством... (74) казачеством... (75) казачеством... (76) казачеством... (77) казачеством... (78) казачеством... (79) казачеством... (80) казачеством... (81) казачеством... (82) казачеством... (83) казачеством... (84) казачеством... (85) казачеством... (86) казачеством... (87) казачеством... (88) казачеством... (89) казачеством... (90) казачеством... (91) казачеством... (92) казачеством... (93) казачеством... (94) казачеством... (95) казачеством... (96) казачеством... (97) казачеством... (98) казачеством... (99) казачеством... (100) казачеством...

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Политическое положение» 10 (23) июля 1917 г. (*Уменьшено*)

Цель вооруженного восстания может быть лишь переход власти в руки пролетариата, поддержанного беднейшим крестьянством, для осуществления программы нашей партии.

4. Партия рабочего класса, не бросая легальности, но и ни на минуту не преувеличивая ее, должна *соединить* легальную работу с нелегальной, как в 1912–1914 годах.

Ни единого часа легальной работы не бросать. Но ни на йоту и конституционным и «мирным» иллюзиям не верить. Тотчас всюду и во всем основать нелегальные организации или ячейки для издания листков и пр. Переорганизоваться тотчас, выдержанно, стойко, по всей линии.

Действовать так, как в 1912–1914 гг., когда мы умели говорить о свержении царизма революцией и вооруженным восстанием, не теряя легальной базы ни в Государственной думе, ни в страховых кассах, ни в профессиональных союзах и т. д.

Написано 10 (23) июля 1917 г.

Напечатано 2 августа (20 июля) 1917 г. в газете «Пролетарское Дело» № 6 Подпись:

W

Печатается по рукописи

Письмо в редакцию «Новой жизни»^[5]

Позвольте, товарищи, обратиться к вашему гостеприимству вследствие вынужденной приостановки газеты нашей партии^[6]. Газеты известного рода повели бешеную травлю против нас, обвиняя в шпионстве или в сношениях с вражеским правительством.

С каким неслыханным... легкомыслием (это – неподходящее, слишком слабое слово) ведется эта травля, показывают следующие простые факты. «Живое Слово»^[7] сначала напечатало, что Ленин – шпион, а потом, под видом не меняющей дело «поправки», заявило, что в шпионстве он не обвиняется! Сначала выдвигают показания Ермоленки, потом вынуждены признать, что прямо неловко и стыдно в подобных показаниях подобного человека видеть довод.

Приплетают имя Парвуса, но умалчивают о том, что никто с такой беспощадной резкостью не осудил Парвуса еще в 1915 году, как женеvский «Социал-Демократ»^[8], который мы редактировали и который в статье «У последней черты» заклеил Парвуса как «ренегата», «лижущего сапог Гинденбурга»¹, и т. п. Всякий грамотный человек знает или легко может узнать, что ни о каких абсолютно политических или иных отношениях наших к Парвусу не может быть и речи.

Припутывают имя какой-то Суменсон, с которой мы не только никогда дел не имели, но которой никогда и в глаза не видели. Впутывают коммерческие дела Ганецкого и Козловского, не приводя ни одного факта, в чем же именно, где, когда, как, коммерция была прикрытием шпионства. А мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получали.

Доходят до того, что ставят нам в вину перепечатку телеграмм «Правды» – с искажениями – немецкими газетами, «забывая» упомянуть, что «Правда» выпускает за границей бюллетень по-немецки и по-французски^[9] и что перепечатка из этого бюллетеня вполне свободна!

И все это – при участии или даже по инициативе Алексинского, недопущенного в Совет, признанного, иначе говоря, заведомым клеветником!! Неужели можно не понять, *что такой* путь против нас есть *юридическое убийство из-за угла*? Обсуждение Центральным Исполнительным Комитетом вопроса об условиях привлечения к суду членов Центрального Исполнительного Комитета вообще вносит, несомненно, элемент упорядочения^[10]. Захотят ли партии социалистов-революционеров и меньшевиков участвовать в покушении на юридическое убийство? в предании суду даже без указания на то, в шпионстве или в мятеже мы обвиняемся? – вообще в предании суду без всякой юридически точной квалификации преступления? в явно тенденциозном процессе, могущем помешать кандидатуре в Учредительное собрание лиц, заведомо намечаемых их партиями в кандидаты? Захотят ли эти партии канун созыва Учредительного собрания в России сделать началом дрейфусиады^[11] на русской почве?

Недалекое будущее даст ответ на эти вопросы. Открытая постановка их представляется нам долгом свободной печати.

О буржуазной прессе мы не говорим. Разумеется, Милюков столько же верит в наше шпионство или в получение нами немецких денег, сколько Марков и Замысловский верили в то, что евреи пьют детскую кровь.

Но Милюков и К^о знают, что делают.

¹ См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 82–83. *Ред.*

Н. Ленин

«Новая Жизнь» № 71, 11 (24) июля 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Новая Жизнь»

Письмо в редакцию «Пролетарского дела»^[12]

Товарищи!

Мы переменили свое намерение подчиниться указу Временного правительства о нашем аресте – по следующим мотивам.

Из письма бывшего министра юстиции Переверзева, напечатанного в воскресенье в газете «Новое Время»^[13], стало совершенно ясно, что «дело» о «шпионстве» Ленина и других подстроено совершенно обдуманно партией контрреволюции.

Переверзев вполне открыто признает, что он пустил в ход непроверенные обвинения, дабы поднять ярость (дословное выражение) солдат против нашей партии. Это признает вчерашний министр юстиции, человек, вчера еще называвший себя социалистом! Переверзев ушел. Но остановится ли новый министр юстиции перед приемами Переверзева-Алексинского, никто сказать не возьмется.

Контрреволюционная буржуазия пытается создать новое дело Дрейфуса. Она столько же верит в наше «шпионство», сколько вожди русской реакции, создавшие дело Бейлиса^[14], верили в то, что евреи пьют детскую кровь. Никаких гарантий правосудия в России в данный момент нет.

Центральный Исполнительный Комитет, считающий себя полномочным органом русской демократии, назначил было комиссию по делу о шпионстве, но под давлением контрреволюционных сил эту комиссию распустил. Приказ о нашем аресте он не захотел ни прямо подтвердить, ни отменить. Он умыл руки, фактически выдав нас контрреволюции.

Обвинение нас в «заговоре» и в «моральном» «подстрекательстве» к мятежу носит уже вполне определенный характер. Никакой юридически точной квалификации нашего мнимого преступления не дает ни Временное правительство, ни Совет, которые оба прекрасно знают, что говорить о «заговоре» в таком движении, как 3–5 июля, просто бессмысленно. Вожди меньшевиков и эсеров просто-напросто пытаются умиловить напуганную уже и против них контрреволюцию, выдав ей по ее указанию ряд членов нашей партии. Ни о какой легальной почве, ни даже о таких конституционных гарантиях, которые существуют в буржуазных упорядоченных странах, в России сейчас не может быть и речи. Отдать себя сейчас в руки властей, значило бы отдать себя в руки Милюковых, Алексинских, Переверзевых, в руки разъяренных контрреволюционеров, для которых все обвинения против нас являются простым эпизодом в гражданской войне.

После происшедшего в дни 6–8 июля ни один русский революционер не может питать более конституционных иллюзий. Происходит решающая схватка между революцией и контрреволюцией. Мы будем по-прежнему бороться на стороне первой.

Мы будем по мере наших сил по-прежнему помогать революционной борьбе пролетариата. Учредительное собрание, если оно соберется и будет созвано не буржуазией, одно только будет правомочно сказать свое слово по поводу приказа Временного правительства о нашем аресте.

Н. Ленин

«Пролетарское Дело» № 2, 28 (15) июля 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарское Дело»

К лозунгам

Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапен» был крутой поворот истории.

Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля – 4 июля.

Тогда, в этот миновавший период революции, господствовало в государстве так называемое «двоевластие», и материально и формально выражавшее неопределенно-переходное состояние государственной власти. Не забудем, что вопрос о власти есть коренной вопрос всякой революции.

Тогда власть находилась в колеблющемся состоянии. Ее делили, по добровольному соглашению между собой, Временное правительство и Советы. Советы представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат. Оружие в руках народа, отсутствие насилия извне над народом – вот в чем была *суть* дела. Вот что открывало и обеспечивало мирный путь развития вперед всей революции. Лозунг: «переход всей власти к Советам» был лозунгом ближайшего шага, непосредственно осуществимого шага на этом мирном пути развития. Это был лозунг мирного развития революции, которое было с 27 февраля по 4 июля возможно и, конечно, наиболее желательно, и которое теперь безусловно невозможно.

По всей видимости, не все сторонники лозунга: «переход всей власти к Советам» достаточно вдумались в то, что это был лозунг мирного развития революции вперед. Мирного не только в том смысле, что никто, ни один класс, ни одна серьезная сила не могли бы тогда (с 27 февраля по 4 июля) воспротивиться и помешать переходу власти к Советам. Это еще не все. Мирное развитие было бы тогда возможно, даже также в том отношении, что борьба классов и партий *внутри* Советов могла бы тогда, при условии своевременного перехода к ним всей полноты государственной власти, уживаться наиболее мирно и наиболее безболезненно.

На эту последнюю сторону дела тоже недостаточно еще обращено внимание. Советы, по своему классовому составу, были органами движения рабочих и крестьян, готовой формой их диктатуры. Будь у них полнота власти, главный недостаток мелкобуржуазных слоев, главный грех их, доверчивость к капиталистам, изжилась бы на практике, критиковался бы опытом их собственных мероприятий. Смена классов и партий, имеющих власть, могла бы внутри Советов, на почве их единовластия и всевластия, идти мирно; связь всех советских партий с массами могла бы оставаться прочной и неослабленной. Нельзя ни на минуту упускать из виду, что только эта теснейшая и свободно растущая вширь и вглубь связь советских партий с массами могла бы помочь мирно изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с буржуазией. Переход власти к Советам не изменил бы сам по себе и не мог бы изменить соотношения классов; он ничего не изменил бы в мелкобуржуазности крестьянства. Но он своевременно сделал бы крупный шаг к отрыву крестьян от буржуазии, к сближению, а затем и к соединению их с рабочими.

Так могло бы быть, если бы власть своевременно перешла к Советам. Так было бы всего легче, всего выгоднее для народа. Такой путь был бы самый безболезненный, и потому за него надо было всего энергичнее бороться. Но теперь эта борьба, борьба за своевременный переход власти к Советам, окончилась. Мирный путь развития сделан невозможным. Начался немирный, наиболее болезненный путь.

Перелом 4 июля именно в том и состоит, что после него объективное положение круто изменилось. Колеблющееся состояние власти прекратилось, власть перешла в решающем месте в руки контрреволюции. Развитие партий на почве соглашения мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков с контрреволюционными кадетами привело к тому, что обе эти мелкобуржуазные партии оказались фактическими участниками и пособниками контрреволюционного палачества. Несознательная доверчивость мелких буржуа к капиталистам довела первых, ходом развития партийной борьбы, до сознательной поддержки ими контрреволюционеров. Цикл развития партийных отношений закончился. 27 февраля все классы оказались вместе против монархии. После 4 июля контрреволюционная буржуазия, об руку с монархистами и черной сотней, присоединила к себе мелкобуржуазных эсеров и меньшевиков, частью запугав их, и отдала фактическую государственную власть в руки Кавеньяков, в руки военной шайки, расстреливающей неповинуемых на фронте, разгромляющих большевиков в Питере.

Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие себя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим.

Глубочайшей ошибкой было бы думать, что революционный пролетариат способен, так сказать, из «мести» эсерам и меньшевикам за их поддержку разгрома большевиков, расстрелов на фронте и разоружение рабочих, «отказаться» поддерживать их против контрреволюции. Такая постановка вопроса была бы, во-первых, перенесением мещанских понятий о морали на пролетариат (ибо *для пользы дела* пролетариат поддержит всегда не только колеблющуюся мелкую буржуазию, но и крупную буржуазию); она была бы, во-вторых, – и это главное – мещанской попыткой затемнить посредством «морализирования» политическую суть дела.

Эта суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить, только победив в решительной борьбе действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку, Кавеньяков, опирающихся на привезенные в Питер реакционные войска, на кадетов и на монархистов.

Суть дела в том, что победить этих новых обладателей государственной власти могут только революционные массы народа, условием движения которых является не только то, чтобы они были руководимы пролетариатом, но и то, чтобы они отвернулись от предавших дело революции партий эсеров и меньшевиков.

Кто вносит в политику мещанскую мораль, тот рассуждает так: допустим, что эсеры и меньшевики сделали «ошибку», поддержав Кавеньяков, разоружающих пролетариат и революционные полки; но надо дать возможность им «поправить» ошибку, «не затруднять» им исправление «ошибки»; облегчить колебание мелкой буржуазии в сторону рабочих. Подобное рассуждение было бы детской наивностью или просто глупостью, если не новым обманом рабочих. Ибо колебание мелкобуржуазных масс в сторону рабочих состояло бы только в том, и именно в том, что эти массы отвернулись бы от эсеров и меньшевиков. Исправление «ошибки» партиями эсеров и меньшевиков могло бы теперь состоять только в том, чтобы эти партии объявили Церетели и Чернова, Дана и Ракитникова пособниками палачей. Мы вполне и безусловно за такое «исправление ошибки»...

Коренной вопрос о революции есть вопрос о власти, сказали мы. Надо добавить: именно революции показывают нам на каждом шагу затемнение вопроса о том, *где* настоящая власть, показывают нам расхождение между формальной и реальной властью. Именно в этом и состоит одна из главных особенностей всякого революционного периода. В марте и апреле 1917 года неизвестно было, находится ли реальная власть в руках правительства или в руках Совета.

Теперь же особенно важно, чтобы сознательные рабочие посмотрели трезво на коренной вопрос революции: в чьих руках в данный момент государственная власть. Подумайте, каковы материальные ее проявления, не принимайте фразы за дела, и вы не затруднитесь ответом.

Государство есть прежде всего отряды вооруженных людей с материальными привесками вроде тюрем – писал Фридрих Энгельс^[15]. Теперь это – юнкера, реакционные казаки, специально свезенные в Питер; это те, кто держит в тюрьме Каменева и других; кто закрыл газету «Правда»; кто разоружил рабочих и определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть солдат; кто расстреливает столь же определенную часть войска в армии. Вот эти палачи, это – реальная власть. Церетели и Черновы – министры без власти, министры-куклы, вожди партий, поддерживающих палачество. Это – факт. И этот факт не меняется от того, что ни Церетели, ни Чернов лично, наверное, «не одобряют» палачество, что их газеты робко отговариваются от него: такое видоизменение политического наряда не меняет сути дела.

Закрывание органа 150 000 петроградских избирателей, убийство юнкерами рабочего Воинова (6 июля) за вынос из типографии «Листка Правды»^[16] – разве это не палачество? разве это не дело Кавеньяков? Ни правительство, ни Советы «не виноваты» в этом, – скажут нам.

Тем хуже для правительства и для Советов, – ответим мы, – ибо тогда, значит, они – ноли; они марионетки, реальная власть не у них.

Народ должен прежде всего и больше всего знать *правду* – знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, чрез «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр.

Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, «самообман и обман народа».

Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии: надо разъяснять народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая^[17], 9 июня^[18], 4 июля, после их одобрения политики наступления, – политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы она учитывала конкретный опыт именно теперешней революции и в особенности июльских дней, т. е., чтобы она ясно указывала настоящего врага народа, военную клику, кадетов и черносотенцев, и чтобы она определенно разоблачала те мелкобуржуазные партии, партии эсеров и меньшевиков, которые сыграли и играют роль пособников палачества.

Всю агитацию в народе надо перестроить так, чтобы выяснить полнейшую безнадежность получения земли крестьянами, пока не свергнута власть военной клики, пока не разоблачены и не лишены народного доверия партии эсеров и меньшевиков. Это был бы очень долгий и очень трудный процесс при «нормальных» условиях капиталистического развития, но и война и экономическая разруха ускорят дело в громадных размерах. Это – такие «ускорители», которые месяц и даже неделю могут приравнять году.

Вероятно, против сказанного выше выдвинуты были бы два возражения: первое, что говорить сейчас о решительной борьбе значит поощрять разрозненные выступления, которые помогли бы именно контрреволюции; второе, что ее свержение означает переход власти все же в руки Советов.

В ответ на первое возражение мы скажем: рабочие России уже достаточно сознательны, чтобы не поддаваться на провокацию в заведомо невыгодный для них момент. Что теперь выступать и сопротивляться им значило бы помочь контрреволюции, это бесспорно. Что решительная борьба возможна лишь при новом подъеме революции в самых глубоких массах, это тоже бесспорно. Но не достаточно говорить о подъеме революции, о приливе ее, о помощи западных рабочих и т. д. вообще, надо сделать определенный вывод из нашего прошлого, надо учесть именно наши уроки. А этот учет даст именно лозунг решительной борьбы против захватившей власть контрреволюции.

Второе возражение тоже сводится к подмену конкретных истин чересчур общими рассуждениями. Свержение буржуазной контрреволюции не может дать ничто, никакая сила, кроме революционного пролетариата. Именно революционный пролетариат, после опыта июля 1917 года, и должен самостоятельно взять в свои руки государственную власть – вне этого победы революции *быть не может*. Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариями, – вот единственный выход, и мы ответили уже, какие именно обстоятельства могут чрезвычайно ускорить его.

Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так. Это не вопрос о Советах вообще, а вопрос о борьбе с *данной* контрреволюцией и с предательством *данных* Советов.

Подменять конкретное абстрактным один из самых главных грехов, самых опасных грехов в революции. Данные Советы провалились, потерпели полный крах из-за господства в них партий эсеров и меньшевиков. В данную минуту эти Советы похожи на баранов, которые приведены на бойню, поставлены под топор и жалобно мычат. Советы *теперь* бессильны и беспомощны перед победившей и побеждающей контрреволюцией. Лозунг передачи власти Советам может быть понят, как «простой» призыв к переходу власти именно к данным Советам, а говорить это, призывать к этому значило бы теперь обманывать народ. Нет ничего опаснее обмана.

Цикл развития классовой и партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многообразные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...

Написано в середине июля 1917 г.

Напечатано в 1917 г. отдельной брошюрой, изданной Кронштадтским комитетом РСДРП(б)

Печатается по тексту брошюры

Благодарность князю Г. Е. Львову

Бывший глава Временного правительства князь Г. Е. Львов в прощальной беседе с представителями комитета журналистов при Временном правительстве сделал ценные признания, обеспечивающие ему благодарность рабочих.

«Особенно укрепляют мой оптимизм, – сказал Львов, – события последних дней внутри страны. Наш «глубокий прорыв» на фронте Ленина имеет, по моему убеждению, несравненно большее значение для России, чем прорыв немцев на нашем юго-западном фронте».

Как же рабочим не быть благодарным князю за эту трезвость в оценке классовой борьбы? Рабочие не только будут благодарны, они будут учиться у Львова.

С каким безудержным краснобайством и безмерным лицемерием ораторствовали все буржуа и помещики, а равно плетущиеся за ними эсеры и меньшевики, против «гражданской войны»? Посмотрите на ценное признание князя Львова и вы увидите, что он спокойнейшим образом оценивает внутреннее положение России именно с точки зрения гражданской войны. Буржуазия, стоя во главе контрреволюции, глубоко прорвала фронт революционных рабочих, – вот к чему сводится ничтожная правда признаний князя. Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого – вот к чему сводит князь Львов внутреннее положение России. Поблагодарим же от души князя Львова за откровенность! Ведь он в тысячу раз более прав, чем сентиментальные мещане из эсеров и меньшевиков, которые думают, что классовая борьба между буржуазией и пролетариатом, неизбежно обостряющаяся до крайности во время революции, способна исчезнуть от их проклятий и заклинаний!

Два врага, два неприятельских стана, один прорвал фронт другого – такова правильная философия истории князя Львова. Он прав, что снижает фактически со счетов третий стан, мелкую буржуазию, эсеров и меньшевиков. Этот третий стан кажется большим, на деле он – ничего самостоятельно решать не может; это ясно рассуждающему трезво князю, как это ясно всякому марксисту, понимающему экономическое положение мелкой буржуазии, – как это ясно, наконец, всякому, вдумывавшемуся в уроки истории революции, всегда показывавшие бессилие мелкобуржуазных партий при обострении борьбы между буржуазией и пролетариатом.

Внутренняя классовая борьба даже во время войны гораздо важнее, чем борьба с внешним врагом – какой только дикой брани ни изрыгали на большевиков представители крупной и мелкой буржуазии за признание этой истины! Как только ни зарекались от нее бесчисленные любители широковещательных фраз о «единстве», «революционной демократии» и пр. и т. п.!

А когда дошло до серьезного, решающего момента, князь Львов сразу и целиком признал эту истину, провозгласив открыто, что «победа» над классовым врагом внутри страны важнее, чем положение на фронте борьбы с внешним врагом. Бесспорная истина. Полезная истина. Рабочие будут очень благодарны князю Львову за ее признание, за ее напоминание, за ее распространение. И в благодарность князю рабочие приложат партийные усилия к тому, чтобы самые широкие массы трудящихся и эксплуатируемых получше поняли и усвоили эту истину. Ничто так не пригодится рабочему классу в борьбе за его освобождение, как эта истина.

В чем состоит тот «прорыв» на фронте гражданской войны, по поводу которого столь торжествует князь Львов? На этом вопросе надо особенно внимательно остановиться, чтобы рабочие могли хорошенько поучиться у Львова.

«Прорыв на фронте» внутренней войны состоял на этот раз, во-первых, в том, что буржуазия облила своих классовых врагов, большевиков, морями вонь и клеветы, проявив в этом гнуснейшем и грязнейшем деле оклеветания политических противников неслыханное упорство. Это была, с позволения сказать, «идейная подготовка» «прорыва на фронте классовой борьбы».

Во-вторых, материальный, существа дела касающийся, «прорыв» состоял в аресте представителей политических враждебных течений, в объявлении их вне закона, в убийстве части их на улице без суда (убийство 6 июля Воинова за вынос из типографии «Правды» ее изданий), в закрытии их газет, в разоружении рабочих и революционных солдат.

Вот что такое «прорыв на фронте войны с классовым врагом». Пусть же рабочие хорошенько вдумаются в это, чтобы суметь применять это – когда назовет время – к буржуазии.

Никогда пролетариат не прибегнет к клеветам. Он закроет газеты буржуазии, прямо заявляя, в законе, в распоряжении от имени правительства, что врагами народа являются капиталисты и их защитники. Буржуазия, в лице нашего врага – правительства, и мелкая буржуазия, в лице Советов, боится сказать хоть слово прямо и открыто о запрещении «Правды», о причинах ее закрытия. Пролетариат будет действовать не клеветами, а словом истины. Он скажет крестьянам и всему народу правду про буржуазные газеты и про необходимость закрывать их.

В отличие от болтунов мелкой буржуазии, эсеров и меньшевиков, пролетариат будет твердо знать, в чем состоит на деле «прорыв на фронте» классовой борьбы, обезврежение врага, обезврежение эксплуататоров. Князь Львов помог пролетариату познать эту истину. Поблагодарим князя Львова.

«Пролетарское Дело» № 5, 2 августа (19 июля) 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарское Дело»

Ответ^[19]

I

В газетах от 22 июля напечатано сообщение «от прокурора Петроградской судебной палаты» о расследовании событий 3–5 июля и о привлечении к суду, за измену и за организацию вооруженного восстания, меня вместе с рядом других большевиков.

Правительство вынуждено было опубликовать это сообщение, ибо слишком уже скандально все это гнусное дело, явно – для всякого грамотного человека, явно – подделанное при участии клеветника Алексинского во исполнение давних пожеланий и требований контрреволюционной кадетской партии.

Но опубликованием сообщения правительство Церетели и К^о сугубо осрамит себя, ибо грубость подделки теперь особенно бьет в глаза.

Я уехал из Петрограда по болезни в четверг 29 июня и вернулся только во вторник 4 июля утром^[20]. Но само собою разумеется, что за все решительно шаги и меры как Центрального Комитета нашей партии, так и вообще нашей партии в целом я беру на себя полную и безусловную ответственность. На мое отсутствие мне необходимо было указать, чтобы объяснить мою неосведомленность насчет некоторых деталей и мою ссылку, главным образом, на появившиеся в печати документы.

Очевидно, что именно этого рода документы, особенно, если они появились во враждебной большевикам прессе, должны были прежде всего быть тщательно собраны, сведены вместе и проанализированы прокурором. Но «республиканский» прокурор, проводящий политику «социалистического» министра Церетели, именно этой своей, самой основной обязанности не пожелал выполнить!

В министерской газете «Дело Народа»^[21], вскоре после 4 июля, было признано, как факт, что большевики 2 июля в гренадерском полку выступали, агитировали *против* выступления.

Имел ли право прокурор умолчать об этом документе? Имел ли он основания скинуть со счета показание такого свидетеля?

А это показание устанавливает тот первостепенной важности факт, что движение нарастало стихийно и что большевики старались не ускорить, а отсрочить выступление.

Далее. Та же газета напечатала еще более важный документ, именно текст воззвания, подписанного ЦК нашей партии и составленного 3 июля ночью. Это воззвание было составлено и сдано в набор уже *после* того, как движение, вопреки нашим усилиям сдержать или, вернее, регулировать его, перелилось через край, – после того, как выступление уже стало фактом.

Вся безмерная низость и подлость, все вероломство церетелевского прокурора проявляется именно в *обходе* им вопроса о том, когда именно, в какой день и час, до большевистского воззвания или после него, выступление *началось*.

В тексте же этого воззвания говорится о необходимости придать движению *мирный и организованный* характер!

Можно ли себе представить более смехотворное обвинение в «организации вооруженного восстания», как обвинение организации, в ночь на 4-ое, т. е. в ночь перед решающим днем, выпустившей воззвание о «мирном и организованном выступлении»?^[22] И другой вопрос: чем отличается от прокуроров по делу Дрейфуса или по делу Бейлиса тот «республиканский» прокурор «социалистического» министра Церетели, прокурор, обходящий полным молчанием это воззвание?

Далее. Прокурор умалчивает о том, что 4-го ночью ЦК нашей партии составил воззвание о прекращении демонстрации и напечатал это воззвание в «Правде», которую именно в эту ночь разгромил отряд контрреволюционных войск^[23].

Далее. Прокурор умалчивает о том, что Троцкий и Зиновьев *в ряде* речей к рабочим и солдатам, подходившим к Таврическому дворцу 4-го июля, призывали их *разойтись* после того, как они уже продемонстрировали свою волю.

Эти речи слушали сотни и тысячи людей. Пусть же каждый честный гражданин, который не хочет, чтобы его страну позорили подстраиванием «дел Бейлиса», позаботится о том, чтобы независимо от их партийной принадлежности слушатели этих речей сделали письменные заявления прокурору (оставив у себя копии), заявления относительно того, был ли призыв расходиться в речах Троцкого и Зиновьева. Порядочный прокурор сам бы обратился к населению с таким призывом. Но где же это мыслимо, чтобы в министерстве Керенского, Ефремова, Церетели и К^о были порядочные прокуроры? И не пора ли русским гражданам самим заботиться о том, чтобы «дела Бейлиса» стали в их стране невозможны?

Кстати. Я лично, вследствие болезни, сказал только одну речь 4-го июля, с балкона дома Кшесинской. Прокурор упоминает ее, пробует изложить ее содержание, но не только не называет свидетелей, а опять умалчивает о свидетельских показаниях, данных в печати! Я далеко не обладал возможностью иметь полные комплекты газет, но все же видел два показания в печати: 1) в большевистском «Пролетарском Деле» (Кронштадт) и 2) в меньшевистской, министерской «Рабочей Газете»^[24]. Почему бы этими документами и гласным обращением к населению не проверить содержания моей речи?

Ее содержание состояло в следующем: (1) извинение, что по случаю болезни я ограничиваюсь несколькими словами; (2) привет революционным кронштадтцам от имени питерских рабочих; (3) выражение уверенности, что наш лозунг «вся власть Советам» должен победить и победит несмотря на все зигзаги исторического пути; (4) призыв к «выдержке, стойкости и бдительности».

Я останавливаюсь на этих частностях, чтобы не обходить того ничтожного, действительно фактического, материала, который столь бегло, небрежно, неряшливо задет – едва только задет – прокурором.

Но, конечно, главное не в частностях, а в общей картине, в общем значении 4-го июля. Об этом хотя бы только подумать прокурор обнаружил полную неспособность.

Мы имеем, прежде всего, по этому вопросу ценнейшее показание в печати, сделанное ярким врагом большевизма, обливающим нас целым дождем ругательств и выражений ненависти, корреспондентом министерской «Рабочей Газеты». Этот корреспондент поместил свои личные наблюдения вскоре после 4 июля. Точно устанавливаемые им факты сводятся к тому, что наблюдения и переживания автора разделяются на две резко различные половины, из которых вторую автор противопоставляет первой словами, что дело приняло для пего «благоприятный оборот».

Первая половина переживаний состоит в том, что автор пробует защищать министров в бушующей толпе. Его подвергают оскорблениям, насилиям, наконец, личному задержанию. Автор выслушивает возгласы и лозунги, до последней степени возбужденные, из коих он в особенности запомнил: «смерть Керенскому» (за то, что он перешел к наступлению, «уложил 40 000 человек» и т. д.).

Вторая половина переживаний автора, давшая его делу «благоприятный», как он выражается, оборот, начинается с того момента, когда бушующая толпа приводит его «на суд» в дом Кшесинской. Там автора сейчас же отпускают на свободу.

Таковы факты, дающие автору повод извергнуть бездну ругательств против большевиков. Ругань со стороны политического противника вещь естественная, особенно, когда этот противник меньшевик, чувствующий, что массы, угнетенные капиталом и империа-

листскую войной, не с ним, а против него. Но ругань не меняет фактов, которые, и в изложении самого *бешеного* врага большевиков, говорят, свидетельствуют, что возбужденные массы доходили до лозунга «смерть Керенскому», а организация большевиков придала движению в общем и целом лозунг: «вся власть Советам», что организация большевиков имела одна только моральный авторитет перед массой, побуждая ее отказываться от насилий.

Таковы факты. Пусть вольные и невольные слуги буржуазии кричат и бранятся по поводу них, обвиняя большевиков в «потворстве стихии» и т. д. и т. под. Мы, как представители партии революционного пролетариата, скажем, что наша партия всегда была и всегда будет вместе с угнетенными массами, когда они выражают свое тысячу раз справедливое и законное возмущение дороговизной, бездеятельностью и предательством «социалистических» министров, империалистской войной и ее затягиванием. Наша партия исполнила свой безусловный долг, идя вместе с справедливо возмущенными массами 4-го июля и стараясь внести в их движение, в их выступление возможно более мирный и организованный характер. Ибо 4-го июля *еще* возможен был мирный переход власти к Советам, *еще* возможно было мирное развитие вперед русской революции.

До какой степени глупа сказка прокурора об «организации вооруженного восстания», видно из следующего: никто не оспаривает, что 4-го июля из находящихся на улицах Петрограда вооруженных солдат и матросов огромное большинство было на стороне нашей партии. Она имела полную возможность приступить к смещению и аресту сотен начальствующих лиц, к занятию десятков казенных и правительственных зданий и учреждений и т. под. Ничего подобного сделано не было. Только люди, которые так запутались, что повторяют все небылицы, распространяемые контрреволюционными кадетами, способны не видеть смехотворной нелепости утверждения, будто 3 или 4-го июля имела место «организация вооруженного восстания».

Первым вопросом, который должно бы было поставить следствие, будь оно хоть сколько-нибудь похоже на следствие, явился бы вопрос, кто начал стрельбу, затем вопрос о том, сколько именно убитых и раненых с той и с другой стороны, при каких обстоятельствах имел место каждый случай убийства и нанесения раны. Будь следствие похоже сколько-нибудь на следствие (а не на склочную статью в органах Данов, Алексинских и т. п.), тогда обязанностью следователей было бы устроить гласный, открытый для публики, допрос свидетелей по этим вопросам с немедленной публикацией протоколов допроса.

Именно так поступали всегда следственные комиссии в Англии, когда Англия была свободной страной. Именно так или приблизительно так почувствовал себя обязанным поступить Исполнительный комитет Совета в первую минуту, когда страх перед кадетами еще не затемнил окончательно его совести. Известно, что Исполнительный комитет печатно обещал тогда два раза в день выпускать бюллетени о работах его следственной комиссии. Известно также, что Исполнительный комитет (т. е. эсеры и меньшевики) обманули народ, дав это обещание, которого они *не* выполнили. Но текст этого обещания остался перед историей, как признание со стороны наших врагов, признание того, что должен был бы сделать всякий сколько-нибудь честный следователь.

Поучительно во всяком случае отметить, что одной из первых *буржуазных*, бешено ненавидящих большевизм, газет, которая дала сообщение о стрельбе 4-го июля, была вечерняя «Биржевка»^[25] от того же числа. И как раз из сообщения этой газеты вытекает, что стрельбу начали *не* демонстранты, что первые выстрелы были *против* демонстрантов!! Разумеется, «республиканский» прокурор «социалистического» министерства предпочел умолчать об этом свидетельском показании «Биржевки»!! А между тем это показание безусловно враждебной большевизму «Биржевки» вполне соответствует общей картине события, как ее представляет себе наша партия. Будь это событие вооруженным восстанием, тогда, конечно, повстанцы стреляли бы не в контрманифестантов, а окружили бы определен-

ные казармы, определенные здания, истребили бы определенные части войск и т. п. Напротив, если событие было демонстрацией против правительства, с контрдемонстрацией его защитников, то совершенно естественно, что стреляли первыми контрреволюционеры отчасти из озлобления против громадной массы демонстрантов, отчасти с провокационными целями, и так же естественно, что демонстранты отвечали на выстрелы выстрелами.

Списки убитых, хотя вероятно и не совсем полные, были все же напечатаны в некоторых газетах (помнится, в «Речи»^[26] и в «Деле Народа»). Прямым и первейшим долгом следствия было проверить, пополнить и официально напечатать эти списки. Уклониться от этого значит *прятать* доказательства того, что стрельбу начали контрреволюционеры.

В самом деле, уже беглый просмотр напечатанных списков показывает, что две главные и особенно ясные группы, казаки и матросы, насчитывают приблизительно равное число убитых. Возможно ли было бы такое явление, если бы 10 000 вооруженных матросов, пришедших 4-го июля в Питер и соединившихся с рабочими и солдатами, особенно с пулеметчиками, имевшими много пулеметов, если бы они преследовали цели вооруженного восстания?

Ясно, что тогда число убитых на стороне казаков и других противников восстания было бы раз в 10 больше, ибо никто не оспаривает, что преобладание большевиков среди вооруженных людей на улицах Питера 4-го июля было гигантское. Об этом есть длинный ряд появившихся в печати свидетельских показаний противников нашей партии, и скольконибудь честное следствие, несомненно, собрало бы и опубликовало все эти показания.

Если число убитых приблизительно одинаково с обеих сторон, то это указывает на то, что стрелять начали именно контрреволюционеры против манифестантов, а манифестанты только отвечали. Иначе равенства числа убитых получиться не могло.

Наконец, из появившихся в печати сведений крайне важно следующее: убийства казаков известны 4-го июля, когда была открытая перестрелка между манифестантами и контрманифестантами. Такие перестрелки бывают даже в нереволюционные времена при известном возбуждении населения; например, они нередки в романских странах, особенно на юге. Убийства же большевиков известны также за время позже 4-го июля, когда никакой встречи возбужденных манифестантов и контрманифестантов *не* было, когда, следовательно, убийство безоружного вооруженными было уже прямо палачеством. Таково убийство большевика Воинова на Шпалерной улице 6-го июля.

Что же это за следствие, которое не собирает полностью даже появившегося в печати материала о числе убитых с обеих сторон, о времени и обстоятельствах каждого случая причинения смерти? Это не следствие, а издевательство.

Понятно, что при таком характере «следствия» ждать от него хоть попытки исторически оценить 4-ое июля не доводится. А такая оценка необходима для всякого, кто хочет вдумчиво относиться к политике.

Кто попытается исторически оценить 3 и 4 июля, тот не сможет закрыть глаз на полнейшую однородность этого движения с движением 20 и 21 апреля.

В обоих случаях стихийный взрыв возмущения масс.

В обоих случаях выход вооруженных масс на улицу.

В обоих случаях перестрелка между манифестантами и контрманифестантами, при известном (приблизительно одинаковом) числе жертв с обеих сторон.

В обоих случаях вспышка крайнего обострения в борьбе между революционными массами и контрреволюционными элементами, буржуазией, при устранении на время с поля действия средних, промежуточных, склонных к соглашательству элементов.

В обоих случаях противоправительственная манифестация особого вида (особенности эти перечислены выше) связана с глубоким и длительным кризисом власти.

Различие между обоими движениями в том, что второе гораздо острее первого, и в том, что партии эсеров и меньшевиков, нейтральные 20–21 апреля, запутались с тех пор в своей зависимости от контрреволюционных кадетов (через коалиционное министерство и через политику наступления) и оказались поэтому 3 и 4-го июля на стороне контрреволюции.

Контрреволюционная партия кадетов и после 20–21 апреля также нагло лгала, крича: «на Невском стреляли ленинцы», и также комедиантски требовала следствия. Кадеты и их друзья были тогда в большинстве в правительстве, следствие было, значит, всецело в их руках. Его начали, но бросили, ничего не опубликовав.

Почему? Очевидно, потому, что факты никак не подтверждали того, чего хотелось кадетам. Другими словами: следствие о 20–21 апреля «затушили», ибо факты подтверждали, что стрельбу начали контрреволюционеры, кадеты и их друзья. Это ясно.

То же самое было, видимо, 3–4 июля, и потому так груба, топорна, подделка господина прокурора, который, чтобы доставить удовольствие Церетели и К^о, издевается над всеми правилами сколько-нибудь добросовестного следствия.

Движение 3 и 4-го июля было последней попыткой путем манифестации побудить Советы взять власть. С этого момента Советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, вызывая контрреволюционные войска в Питер, разоружая и расформировывая революционные полки и рабочих, одобряя и терпя произвол и насилия против большевиков, введение смертной казни на фронте и т. д.

Теперь военная, а следовательно, и государственная власть фактически уже перешла в руки контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция.

II

Обвинение в шпионстве и в сношениях с Германией, это уже чистейшее дело Бейлиса, на котором приходится остановиться совсем кратко. Здесь «следствие» просто повторяет клеветы известного клеветника Алексинского, особенно грубо подтасовывая факты.

Неверно, что арестованы были в 1914 году в Австрии я и Зиновьев. Арестован был только я.

Неверно, что я арестован был, как русский подданный. Я был арестован по подозрению в шпионстве: местный жандарм принял за «планы» диаграммы аграрной статистики в моих тетрадках! Видимо, этот австрийский жандарм стоял вполне на уровне Алексинского и группы «Единства». Но я, кажется, все-таки побил рекорд по части преследования интернационализма, ибо меня в *обеих* воюющих коалициях преследовали как шпиона, в Австрии жандарм, в России – кадеты, Алексинский и К^о.

Неверно, что в моем освобождении из тюрьмы в Австрии сыграл роль Ганецкий. Роль сыграл Виктор Адлер, стыдивший австрийские власти. Роль сыграли поляки, коим стыдно было, что в польской стране возможен такой гнусный арест русского революционера.

Гнусная ложь, что я состоял в сношениях с Парвусом, ездил в лагеря и т. п. Ничего подобного не было и быть не могло. Парвус в нашей газете «Социал-Демократ» был назван после первых же номеров парвусовского журнала «Колокол»^[27] – ренегатом, немецким Плехановым². Парвус такой же социал-шовинист на стороне Германии, как Плеханов социал-шовинист на стороне России. Как революционные интернационалисты, мы ни с немецкими, ни с русскими, ни с украинскими социал-шовинистами («Союз освобождения Украины»^[28]) не имели и не могли иметь ничего общего.

² См. Сочинения, 5 изд., том 27, стр. 82–83. Ред.

Штейнберг – член эмигрантского комитета в Стокгольме. Я первый раз видел его в Стокгольме. Штейнберг около 20 апреля или попозже приезжал в Питер и, помнится, хлопотал о субсидии эмигрантскому обществу. Проверить это прокурору совсем легко, если бы было желание проверять.

Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких.

Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса или торговал вместе. Но целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служили в предприятиях и учреждениях Парвуса.

Прокурор играет на том, что коммерческая переписка могла прикрывать сношения шпионского характера. Интересно, скольких членов партии к.-д., меньшевиков и эсеров пришлось бы обвинить по этому великолепному рецепту за коммерческую переписку!

Но если прокурор имеет в руках ряд телеграмм Ганецкого к Суменсон (эти телеграммы уже напечатаны), если прокурор знает, в каком банке, сколько и когда было денег у Суменсон (а прокурор печатает пару цифр этого рода), то отчего бы прокурору не привлечь к участию в следствии 2–3 конторских или торговых служащих? Ведь они бы в 2 дня дали ему *полную* выписку из всех торговых книг и из книг банков?

Едва ли в чем еще так наглядно обнаружился характер этого «дела Бейлиса», как в том, что прокурор приводит лишь отрывочные цифры: Суменсон за полгода сняла со своего текущего счета 750 000 руб., у нее осталось 180 000 руб.!! Если уже печатать цифры, отчего же не печатать полностью: когда именно, от кого именно Суменсон получала деньги «за полгода» и кому платила? Когда именно и какие именно партии товара получались?

Чего же легче, как такие полные цифры собрать? Это в 2–3 дня можно и должно было сделать! Это вскрыло бы весь круг коммерческих дел Ганецкого и Суменсон! Это не оставило бы места темным намекам, коими прокурор оперирует!

Самая грязная и гнусная клевета Алексинского, переписанная на «государственный» манер чиновниками министерства Церетели и К^о – вот как низко пали эсеры и меньшевики!

III

Было бы, конечно, величайшей наивностью принимать «судебные дела», поднятые министерством Церетели, Керенского и К^о против большевиков, за действительные судебные дела. Это была бы совершенно непростительная конституционная иллюзия.

Эсеры и меньшевики, войдя в коалицию с контрреволюционными кадетами 6 мая и приняв политику наступления, т. е. возобновления и затягивания империалистской войны, оказались неизбежно в плену у кадетов.

Как пленники, они вынуждены участвовать в самых грязных делах кадетов, в самых подлых клеветнических подвоях их.

«Дело» Чернова^[29] быстро начинает просвещать и отсталых, т. е. подтверждать правильность этого нашего взгляда. А за Черновым «Речь» травит уже и Церетели, как «лицемера» и «циммервальдиста».

Теперь и слепые увидят, и камни заговорят.

Контрреволюция спланируется. Кадеты – вот ее основа. Штаб и военные начальники, Керенский в их руках, черносотенные газеты к их услугам – таковы союзники буржуазной контрреволюции.

Гнусные клеветы на политических противников помогут пролетариату поскорее понять, где контрреволюция, – и *смест* ее во имя свободы, мира, хлеба голодным, земли крестьянам.

Написано между 22 и 26 июля (4 и 8 августа) 1917 г.

Напечатано 26 и 27 июля 1917 г. в газете «Рабочий и Солдат» №№ 3 и 4. Подпись:
Н. Ленин
Печатается по рукописи

О конституционных иллюзиях^[30]

Конституционными иллюзиями называется политическая ошибка, состоящая в том, что люди принимают за существующий нормальный, правовой, упорядоченный, подзаконный, короче: «конституционный» порядок, хотя его в действительности не существует. Может показаться на первый взгляд, что в современной России, в июле 1917 года, когда конституции никакой еще не выработано, не может быть и речи о возникновении конституционных иллюзий. Но это – глубокая ошибка. На самом деле весь гвоздь всего современного политического положения в России состоит в том, что чрезвычайно широкие массы населения проникнуты конституционными иллюзиями. Нельзя ровно ничего понять в современном политическом положении России, не поняв этого. Нельзя сделать решительно ни одного шага к правильной постановке тактических задач в современной России, не поставив во главу угла систематическое и беспощадное разоблачение конституционных иллюзий, раскрытие всех их корней, восстановление правильной политической перспективы.

Возьмем три мнения, наиболее типичные для современных конституционных иллюзий, и разберем их повнимательнее.

Первое мнение: наша страна переживает канун Учредительного собрания^[31]; поэтому все происходящее теперь имеет временный, преходящий, не очень существенный, не решающий характер, все будет вскоре пересмотрено и окончательно установлено Учредительным собранием. Второе мнение: известные партии, – например, эсеры или меньшевики или союз их – имеют явное и несомненное большинство в народе или в «влиятельнейших» учреждениях, вроде Советов; поэтому воля этих партий, этих учреждений, как и вообще воля большинства народа не может быть обойдена или тем более нарушена в республиканской, демократической, революционной России. Третье мнение: *известная мера*, например, закрытие газеты «Правда», не узаконена ни Временным правительством, ни Советами; поэтому она является лишь эпизодом, случайным явлением, она никак не может быть рассматриваема, как нечто решающее.

Перейдем к разбору каждого из этих мнений.

I

Созыв Учредительного собрания обещан Временным правительством еще первого состава. Оно признало главной своей задачей доведение страны до Учредительного собрания. Временное правительство второго состава назначило срок созыва Учредительного собрания на 30 сентября. Временное правительство 3-го состава, после 4 июля, торжественнейшим образом подтвердило этот срок.

А между тем 99 шансов из ста за то, что в этот срок Учредительное собрание создано не будет. Будь оно создано в этот срок, – 99 шансов из ста опять-таки за то, что оно будет столь же бессильно и никчемно, как первая Дума^[32], – пока не победит вторая революция в России. Чтобы убедиться в этом, достаточно отвлечься хоть на минуту от той шумихи фраз, обещаний и мелочей дня, которая засоряет мозги, и поглядеть на основное, на всеопределяющее в общественной жизни: на классовую борьбу.

Что буржуазия в России теснейшим образом слилась с помещиками, это ясно. Вся пресса, все выборы, вся политика партии к.-д. и партий правее их, все выступления «съездов» «заинтересованных» лиц доказывают это. Буржуазия превосходно понимает то, чего не понимают мелкобуржуазные болтуны из эсеров и «левых» меньшевиков, именно, что *нельзя* отменить частную собственность на землю в России, и притом без выкупа, без гигантской экономической революции, без взятия под общенародный контроль банков, без национали-

зации синдикатов, без ряда самых беспощадных революционных мер против капитала. Буржуазия превосходно понимает это. И в то же время она не может не знать, не видеть, не осязать, что громадное большинство крестьян в России не только выскажется теперь за конфискацию помещичьих земель, но и окажется значительно левее Чернова. Ибо буржуазия знает больше нашего как о том, сколько частичных уступочек делал ей Чернов хотя бы с 6 мая по 2 июля в вопросах об оттягивании и урезывании различных крестьянских требований, так и о том, сколько труда стоило *правым* эсерам (Чернов ведь считается у эсеров «центром»!) на крестьянском съезде^[33] и в Исполнительном комитете Всероссийского Совета крестьянских депутатов «успокаивать» крестьян и кормить их завтраками.

Буржуазия отличается от мелкой буржуазии тем, что из своего экономического и политического опыта она извлекла понимание условий сохранения «порядка» (т. е. порабощения масс) при капиталистическом строе. Буржуа – люди деловые, люди крупного торгового расчета, привыкшие и к вопросам политики подходить строго деловым образом, с недоверием к словам, с умением брать быка за рога.

Учредительное собрание в современной России даст большинству крестьянам более левым, чем эсеры. Это буржуазия знает. Зная это, она не может не бороться самым решительным образом против скорого созыва Учредительного собрания. Вести империалистскую войну в духе тайных договоров, заключенных Николаем II, отстаивать помещичье землевладение или выкуп, – все это – невозможное или неимоверно трудное дело *при* Учредительном собрании. Война не ждет. Классовая борьба не ждет. Даже короткий промежуток времени с 28 февраля по 21 апреля наглядно показал это.

С самого начала революции наметились два взгляда на Учредительное собрание. Эсеры и меньшевики, насквозь пропитанные конституционными иллюзиями, смотрели на дело с доверчивостью мелкого буржуа, не желающего знать классовой борьбы: Учредительное собрание провозглашено, Учредительное собрание будет, и баста! Что сверх того, то от лукавого! А большевики говорили: лишь в меру укрепления силы и власти Советов созыв Учредительного собрания и успех его обеспечен. У меньшевиков и эсеров центр тяжести переносился на юридический акт: провозглашение, обещание, декларирование созыва Учредительного собрания. У большевиков центр тяжести переносился на классовую борьбу: если Советы победят, Учредительное собрание будет обеспечено, если нет, оно не обеспечено.

Так и вышло. Буржуазия все время вела то скрытую, то явную, но непрерывную, неуклонную борьбу против созыва Учредительного собрания. Эта борьба выражалась в желании оттянуть его созыв до окончания войны. Эта борьба выражалась в ряде оттяжек назначения срока созыва Учредительного собрания. Когда, наконец, после 18 июня, более месяца спустя после образования коалиционного министерства, был назначен срок созыва Учредительного собрания, московская буржуазная газета заявила, что это сделано под влиянием агитации большевиков. В «Правде» была приведена точная цитата из этой газеты.

После 4-го июля, когда услужливость и запуганность эсеров и меньшевиков дала «победу» контрреволюции, в «Речи» проскользнуло краткое, но в высшей степени замечательное выражение: «невозможно скорый» созыв Учредительного собрания!! А 16-го июля в «Воле Народа»^[34] и в «Русской Воле»^[35] появляется заметка, что кадеты требуют отсрочки созыва Учредительного собрания под предлогом «невозможности» созвать его в такой «короткий» срок, и лакействующий перед контрреволюцией меньшевик Церетели соглашается уже, согласно этой заметке, на отсрочку до 20 ноября!

Нет сомнения, что подобная заметка могла проскользнуть только против воли буржуазии. Ей невыгодны такие «разоблачения». Но – шила в мешке не утаишь. Распоясавшаяся после 4 июля контрреволюция пробалтывается. Первый же захват власти контрреволюционной буржуазией после 4 июля сопровождается немедленно шагом (и очень серьезным шагом) *против* созыва Учредительного собрания.

Это факт. И этот факт вскрывает всю пустоту конституционных иллюзий. Без новой революции в России, без свержения власти контрреволюционной буржуазии (кадетов в первую голову), без отказа народом в доверии партиям эсеров и меньшевиков, партиям соглашательства с буржуазией, Учредительное собрание либо не будет собрано вовсе, либо будет «франкфуртской говорильней»^[36], бессильным, никчемным собранием мелких буржуа, до смерти запуганных войной и перспективой «бойкота власти» буржуазией, беспомощно мечущихся между потугами править без буржуазии и боязнью обойтись без буржуазии.

Вопрос об Учредительном собрании *подчинен* вопросу о ходе и исходе классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом. Помнится, «Рабочая Газета» сболтнула однажды, что Учредительное собрание будет конвентом. Это – один из образцов пустой, жалкой, презренной похвалы наших меньшевистских лакеев контрреволюционной буржуазии. Чтобы не быть «франкфуртской говорильней» или первой Думой, чтобы быть конвентом, для этого надо сметь, уметь, иметь силу наносить беспощадные удары контрреволюции, а не соглашаться с нею. Для этого надо, чтобы власть была в руках самого передового, самого решительного, самого революционного для данной эпохи класса. Для этого надо, чтобы он был поддержан всей массой городской и деревенской бедноты (полупролетариев). Для этого нужна беспощадная расправа с контрреволюционной буржуазией, т. е. с кадетами и с командными верхами армии прежде всего. Таковы реальные, классовые, материальные условия конвента. Достаточно точно и ясно перечислить эти условия, чтобы понять, как смешна похвальба «Рабочей Газеты», как бездонно глупы конституционные иллюзии эсеров и меньшевиков насчет Учредительного собрания в современной России.

II

Бичуя мелкобуржуазных «социал-демократов» 1848 года, Маркс особенно жестоко клеймил их безудержное фразерство насчет «народа» и большинства народа вообще^[37]. Именно это уместно вспомнить при разборе второго мнения, при анализе конституционных иллюзий насчет «большинства».

Чтобы большинство действительно решало в государстве, для этого нужны определенные реальные условия. Именно: должен быть прочно установлен такой государственный порядок, такая государственная власть, которая давала бы возможность решать дела по большинству и обеспечивала превращение этой возможности в действительность. Это с одной стороны. С другой стороны, необходимо, чтобы это большинство по своему классовому составу, по соотношению тех или иных классов внутри этого большинства (и вне его) *могло* дружно и успешно везти государственную колесницу. Для всякого марксиста ясно, что эти два реальные условия играют решающую роль в вопросе о большинстве народа и о ходе государственных дел согласно воле этого большинства. А между тем вся политическая литература эсеров и меньшевиков, а еще более все политическое поведение их обнаруживает полнейшее непонимание этих условий.

Если политическая власть в государстве находится в руках такого класса, интересы коего совпадают с интересами большинства, тогда управление государством действительно согласно воле большинства возможно. Если же политическая власть находится в руках класса, интересы коего с интересами большинства расходятся, тогда всякое правление по большинству неизбежно превращается в обман или подавление этого большинства. Всякая буржуазная республика показывает нам сотни и тысячи примеров этого. В России буржуазия господствует и экономически и политически. Интересы ее, особенно во время империалистской войны, самым резким образом расходятся с интересами большинства. Поэтому весь гвоздь вопроса, при материалистической, марксистской, а не формально-юридической

постановке его, состоит в разоблачении этого расхождения, в борьбе против обмана масс буржуазией.

Наши эсеры и меньшевики, наоборот, вполне доказали и показали свою действительную роль, как орудия обмана масс («большинства») буржуазией, проводников и пособников такого обмана. Как бы искренни ни были отдельные лица эсеров и меньшевиков, их основные политические идеи – будто можно вырваться из империалистской войны к «миру без аннексий и контрибуций», без диктатуры пролетариата и победы социализма, будто возможен переход земли к народу без выкупа и «контроль» над производством в интересах народа, без того же самого условия, – эти основные политические (и экономические, конечно) идеи эсеров и меньшевиков представляют из себя, объективно, именно мелкобуржуазный самообман или, что то же, обман масс («большинства») буржуазией.

Вот наша первая и главная «поправка» к постановке вопроса о большинстве мелкобуржуазными демократами, социалистами лублановского типа, эсерами и меньшевиками: чего стоит на деле «большинство», когда большинство само по себе есть лишь момент формальный, а материально, в действительности, это большинство есть большинство партий, проводящих в жизнь обман этого большинства буржуазией?

И конечно – здесь мы подходим ко второй «поправке», ко второму из указанных выше основных обстоятельств – конечно, этот обман можно правильно понять, лишь выяснив его классовые корни и его классовое значение. Это не личный обман, не «жульничество» (выражаясь грубо), это обманчивая идея, вытекающая из экономического положения класса. Мелкий буржуа находится в таком экономическом положении, его жизненные условия таковы, что он не может не обманываться, он тяготеет невольно и неизбежно то к буржуазии, то к пролетариату. Самостоятельной «линии» у него *экономически* быть *не* может.

Его прошлое влечет его к буржуазии, его будущее к пролетариату. Его рассудок – тяготеет к последнему, его предрассудок (по известному выражению Маркса) к первой^[38]. Чтобы большинство народа могло стать действительным большинством в управлении государством, действительным служением интересам большинства, действительной охраной его прав и так далее, для этого нужно определенное классовое условие. Это условие: присоединение большинства мелкой буржуазии, по крайней мере в решающий момент и в решающем месте, к революционному пролетариату.

Без этого большинство есть фикция, которая может держаться некоторое время, блистать, сверкать, шуметь, пожинать лавры, но которая все же с абсолютной неизбежностью осуждена на крах. Именно таков, между прочим, крах большинства, имевшегося у эсеров и меньшевиков, обнаружившийся в русской революции в июле 1917 года.

Далее. Революция именно тем и отличается от «обычного» положения дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до вооруженной борьбы их. Иначе не может быть, раз массы свободны и вооружены. Из этого основного факта вытекает то, что в революционное время недостаточно выявить «волю большинства», – нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*. Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии и продолжая всеми крупными революционными движениями и эпохами, вплоть до 1848 и 1871 годов, вплоть до 1905 года мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его.

Фр. Энгельс особенно подчеркивал урок опыта, объединяющий до известной степени крестьянское восстание XVI века и революцию 1848 года в Германии, именно: разрозненность выступлений, отсутствие централизации у угнетенных масс, связанное с их мелкобуржуазным жизненным положением^[39]. И с этой стороны подходя к делу, мы приходим к тому же выводу: простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить

не может, ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата.

В конце концов, решает, как известно, вопросы общественной жизни классовая борьба в ее самой резкой, самой острой форме, именно в форме гражданской войны. А в этой войне, как и во всякой войне, решает – это тоже известный и никем в принципе не оспариваемый факт – экономика. Крайне характерно и знаменательно, что ни эсеры, ни меньшевики, не отрицая этого «в принципе» и превосходно сознавая капиталистический характер современной России, не решаются трезво посмотреть в лицо правде. Они боятся признать правду, именно: основное деление всякой капиталистической страны, России в том числе, на три коренные, главные силы, буржуазию, мелкую буржуазию, пролетариат. О первой и о третьей говорят все, их признают все. Вторую – то есть как раз *большинство* по численности! – не хотят трезво оценить ни с экономической, ни с политической, ни с военной точки зрения.

Правда глаза колет – к этому сводится боязнь самопознания эсеров и меньшевиков.

III

Закрытие «Правды», когда мы начинали данную статейку, было только «случайным» фактом, еще не закрепленным государственной властью. Теперь, после 16 июля, эта власть формально закрыла «Правду».

Это закрытие, если взглянуть на него исторически, в целом, во всем процессе подготовки и осуществления этой меры, проливает замечательно яркий свет на «сущность конституции» в России и на опасность конституционных иллюзий.

Известно, что кадетская партия, с Милюковым и газетой «Речь» во главе, уже с апреля месяца требует репрессий против большевиков. В самых различных формах, от «государственных» статей «Речи» вплоть до многократных восклицаний Милюкова «арестовать» (Ленина и других большевиков), это требование репрессий составляло одну из главных, если не главную, часть политической программы кадетов в революции.

Задолго до придуманного и сочиненного Алексинским и К^о в июне и в июле гнусно-клеветнического обвинения в немецком шпионстве или в получении немецких денег, задолго до столь же клеветнического, противоречащего общеизвестным фактам и опубликованным документам, обвинения в «вооруженном восстании» или в «мятеже», – задолго до всего этого кадетская партия систематически, неуклонно, непрестанно требует репрессий против большевиков. Если теперь это требование осуществлено, то какого же мнения надо быть о честности или о сообразительности тех людей, которые забывают или делают вид, что забывают настоящий классовый и партийный источник этого требования? Как же не назвать грубейшей фальсификацией или невероятным в политике тупоумием, если эсеры и меньшевики тешатся теперь представить дело так, будто они верят в «случайный» или «единичный», 4-го июля появившийся, «повод» к репрессиям против большевиков? Есть же в самом деле пределы извращения бесспорных исторических истин!

Достаточно сравнить движение 20–21 апреля с движением 3–4 июля, чтобы сразу убедиться в их однородном характере: стихийный взрыв недовольства, нетерпения и возмущения масс, провокационные выстрелы справа, убитые на Невском, клеветнические вопли буржуазии и кадетов в особенности, что-де «ленинцы стреляли на Невском», крайнее озлобление и обострение борьбы между пролетарской массой и буржуазией, полнейшая растерянность мелкобуржуазных партий, эсеров и меньшевиков, гигантский размах колебаний в их политике и в вопросе о государственной власти вообще, – все эти объективные факты

характеризуют оба движения. А 9–10 и 18 июня, в другой форме, показывают нам совершенно такую же классовую картину.

Ход событий яснее ясного: все большее нарастание недовольства, нетерпения и возмущения масс, все большее обострение борьбы между пролетариатом и буржуазией в особенности из-за влияния на мелкобуржуазные массы, а в связи с этим два крупнейших исторических события, подготовивших зависимость эсеров и меньшевиков от контрреволюционных кадетов. Эти события: коалиционное министерство 6 мая, в котором эсеры и меньшевики оказались прислужниками буржуазии, все более и более запутываясь в сделки и соглашения с нею, в тысячи «услуг» ей, в оттяжки необходимейших революционных мер, а затем наступление на фронте. Наступление неизбежно означало возобновление империалистской войны, гигантское усиление влияния, веса, роли империалистской буржуазии, широчайшее распространение шовинизма в массах, наконец – last but not least (последнее по счету, но не по важности) передачу власти, сначала военной, а потом и государственной вообще, в руки контрреволюционных командных верхов армии.

Таков ход исторических событий, углублявший и обострявший классовые противоречия с 20–21 апреля по 3–4 июля и позволивший контрреволюционной буржуазии после 4 июля осуществить то, что уже 20–21 апреля с полнейшей ясностью обрисовалось как ее программа и тактика, ее ближайшая цель и ее «чистенькие» средства, долженствующие вести к цели.

Нет ничего бессодержательнее с исторической точки зрения, нет ничего более жалкого теоретически и более смешного практически, как мещанские хныканья по поводу 4-го июля (повторяемые, между прочим, и Л. Мартовым) насчет того, что большевики «ухитрились» нанести себе поражение, что их «авантюризм» вызвал его и так далее и тому подобное. Все эти хныканья, все эти рассуждения, что «не надо бы» участвовать (в попытке придать «мирный и организованный» характер архизаконному недовольству и возмущению масс!), – либо сводятся к ренегатству, если исходят от большевиков, либо являются обычным для мелкого буржуа проявлением обычной его запуганности и запутанности. На самом деле движение 3–4 июля с такой же неизбежностью выросло из движения 20–21 апреля и после него, с какой лето следует за весной. Безусловным долгом пролетарской партии было оставаться с массами, стараясь придать наиболее мирный и организованный характер их справедливым выступлениям, не отходить в сторону, не умыть себе по-пилатовски рук на том педантском основании, что масса не организована до последнего человека и что в ее движении бывают эксцессы (точно не было эксцессов 20–21 апреля! точно было в истории хоть одно серьезное движение масс без эксцессов!).

А поражение большевиков после 4 июля с исторической неизбежностью вытекло из всего предыдущего хода событий именно потому, что мелкобуржуазная масса и ее вожди, эсеры и меньшевики, 20–21 апреля не были еще связаны наступлением, не были еще запутаны в «коалиционном министерстве» сделочками с буржуазией, а к 4 июля они связали себя и запутали настолько, что не могли не скатиться к сотрудничеству (в репрессиях, в клеветах, в палачестве) с контрреволюционными кадетами. Эсеры и меньшевики окончательно скатились 4-го июля в помойную яму контрреволюционности, потому что они неуклонно катились в эту яму в мае и в июне, в коалиционном министерстве и в одобрении политики наступления.

Мы несколько отклонились, по-видимому, от своей темы, от вопроса о закрытии «Правды» к вопросу об исторической оценке 4-го июля. Но это только по-видимому. Ибо одного нельзя понять без другого. Мы видели, что закрытие «Правды», аресты большевиков и другие преследования их представляют из себя – если взглянуть на суть дела и на связь событий – не что иное, как выполнение давней программы контрреволюции и кадетов в частности.

Крайне поучительно теперь рассмотреть, *кто* именно и какими приемами осуществил эту программу.

Взглянем на факты. 2 и 3 июля движение нарастает, массы кипят, возмущенные бездействием правительства, дороговизной, разрухой, наступлением. Кадеты уходят, играя «в поддавки» и ставя ультиматум эсерам и меньшевикам, предоставляя им, привязанным к власти, но не имеющим власти, расплатиться за поражение и за возмущение масс.

Большевики 2-го и 3-го удерживают от выступления. Это признал *даже* свидетель из «Дела Народа», рассказав о том, что было 2 июля в гренадерском полку. 3-го вечером движение переливается через край, и большевики составляют воззвание о необходимости придать движению «мирный и организованный» характер. 4-го июля провокационные выстрелы справа увеличивают число жертв стрельбы с обеих сторон: надо подчеркнуть, что обещание Исполнительного комитета расследовать события, выпускать дважды в день бюллетени и проч. и проч. осталось пустым обещанием! Ровно ничего эсеры и меньшевики не сделали, *даже* полного списка убитых с обеих сторон они не опубликовали!!

4-го ночью большевики составили воззвание о прекращении выступлений и той же ночью оно напечатано в «Правде». Но в эту самую ночь начинается, во-первых, приход контрреволюционных войск в Питер (видимо, по призыву или с согласия эсеров и меньшевиков, их Советов, причем, конечно, об этом «деликатном» пункте до сих пор, по миновании самой малейшей надобности в тайне, больше всего и строже всего хранят молчание!). Во-вторых, в эту же ночь начинаются погромы большевиков отрядами юнкеров и т. п., действующими явно по поручению командующего войсками Половцева и генерального штаба. С 4-го на 5-ое громят «Правду», 5-го и 6-го громят ее типографию «Труд», убивают рабочего Воинова среди белого дня за то, что он выносил «Листок Правды» из типографии, производят обыски и аресты большевиков, разоружают революционные полки.

Кто начал все это выполнять? Не правительство и не Совет, а контрреволюционная военная шайка, сконцентрированная около генерального штаба, действующая от имени «контрразведки», пускающая в ход фабрикат Переверзева и Алексинского, дабы «поднять ярость» войск и так далее.

Правительство отсутствует. Советы отсутствуют; они дрожат за свою собственную судьбу, они получают ряд сообщений, что казаки могут прийти и разгромить их. Черносотенная и кадетская пресса, проводшая травлю против большевиков, начинает травлю против Советов.

Эсеры и меньшевики связали себя всей своей политикой по рукам и по ногам. Как связанные люди, звали они (или терпели призыв) контрреволюционные войска в Питер. А это связало их еще более. Они скатились на самое дно отвратительной контрреволюционной ямы. Они трусливо распускают свою собственную комиссию, назначенную расследовать «дело» большевиков. Они подло выдают большевиков контрреволюции. Они униженно участвуют в демонстрации похорон убитых казаков, целуют таким образом руку контрреволюционерам.

Они связанные люди. Они на дне ямы.

Они мечутся, отдавая портфель Керенскому, идя в Каноссу^[40] к кадетам, устраивая «Земский собор» или «коронацию» контрреволюционного правительства в Москве^[41]. Керенский увольняет Половцева.

Но эти метания остаются метаниями, нисколько не меняя *сути дела*. Керенский увольняет Половцева и в то же время оформливает, узаконяет *меры* Половцева, его политику, закрывает «Правду», вводит смертную казнь для солдат, запрещение митингов на фронте, продолжает аресты большевиков (даже Коллонтай!) по программе Алексинского.

«Сущность конституции» в России определяется с поразительной ясностью: наступление на фронте и коалиция с кадетами в тылу сваливает эсеров и меньшевиков в яму контр-

революции. *На деле* государственная власть переходит в ее руки, в руки военной шайки. Керенский и правительство Церетели и Чернова *лишь ширма ей*, они вынуждены *задним числом* узаконить ее меры, ее шаги, ее политику.

Торговля Керенского, Церетели, Чернова с кадетами имеет второстепенное, если не десятистепенное, значение. Победят ли кадеты в этой торговле, продержатся ли еще Церетели и Чернов «одни», суть дела не изменится, поворот эсеров и меньшевиков к контрреволюции (поворот, вынужденный всей их политикой с 6 мая) остается основным, главным, решающим фактом.

Цикл партийного развития завершился. Эсеры и меньшевики катились со ступеньки на ступеньку, от «доверия» к Керенскому 28 февраля к 6-му мая, привязавшего их к контрреволюции, к 5-му июля, когда они скатились к ней до низу.

Начинается новая полоса. Победа контрреволюции вызывает разочарование масс в партиях эсеров и меньшевиков и открывает дорогу для их перехода к политике поддержки революционного пролетариата.

Написано 26 июля (8 августа) 1917 г.

Напечатано 4 и 5 августа 1917 г. в газете «Рабочий и Солдат» №№ 11 и 12

Печатается по рукописи

Начало бонапартизма

Самая большая, самая роковая ошибка, которую могли бы теперь, после образования министерства Керенского, Некрасова, Авксентьева и К^о^[42], сделать марксисты, состояла бы в принятии слова за дело, обманчивой внешности за сущность или вообще за нечто серьезное.

Предоставим это занятие меньшевикам и эсерам, которые играют уже прямо-таки роль шутов гороховых около бонапартиста Керенского. В самом деле, разве же это не шутовство, когда Керенский, явно под диктовку кадетов, составляет нечто вроде негласной директории из себя, Некрасова, Терещенко и Савинкова, умалчивает и об Учредительном собрании и вообще о декларации 8 июля^[43], провозглашает в обращении к населению священное единение между классами, заключает на никому не известных условиях соглашение с поставившим наглейший ультиматум Корниловым, продолжает политику скандально-возмутительных арестов, а Черновы, Авксентьевы и Церетели занимаются фразерством и позерством?

Неужели это не шутовство, когда Чернов занялся в такое время вызовом на третейский суд Милюкова, когда Авксентьев декламирует о непригодности узкоклассовой точки зрения, когда Церетели и Дан проводят в Центральном Исполнительном Комитете Советов пустейшие, начиненные бессодержательнейшими фразами, резолюции, напоминающие худшие времена бессилия кадетской первой Думы перед лицом царизма.

Как кадеты в 1906 году проституировали первое собрание народных представителей в России, сведя его к жалкой говорильне, перед лицом крепнущей царистской контрреволюции, так эсеры и меньшевики в 1917 году проституировали Советы, сведя их к жалкой говорильне перед лицом крепнущей бонапартистской контрреволюции.

Министерство Керенского, несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма.

Перед нами налицо основной исторический признак бонапартизма: лавирование опирающейся на военщину (на худшие элементы войска) государственной власти между двумя враждебными классами и силами, более или менее уравнивающими друг друга.

Классовая борьба между буржуазией и пролетариатом обострена до крайних пределов: и 20–21 апреля и 3–5 июля страна была на волосок от гражданской войны. Разве это социально-экономическое условие не представляет из себя классической почвы бонапартизма? А ведь к этому условию присоединяются другие, вполне ему родственные; буржуазия рвет и мечет против Советов, но она *еще* бессильна сразу разогнать их, а они *уже* бессильны, проституированные господами Церетели, Черновыми и К^о, оказать серьезное сопротивление буржуазии.

Помещики и крестьянство живут тоже в обстановке кануна гражданской войны: крестьяне требуют земли и воли, их может – если может – сдержать только бонапартистское правительство, способное раздавать самые беспардонные обещания всем классам и ни одного обещания не выполняющее.

Добавьте к этому момент, вызванных авантюрой наступления, военных поражений, когда особенно ходки фразы о спасении родины (прикрывающие желание спасти империалистическую программу буржуазии) – и вы увидите перед собой самую полную картину социально-политической обстановки бонапартизма.

Не будем же обманываться фразами. Не дадим ввести себя в заблуждение тем, что перед нами только еще первые шаги бонапартизма. Именно первые-то шаги и надо уметь разгадать, чтобы не попасть в смешное положение туповатого филистера, который будет ахать по поводу второго шага, хотя сам же помогал первому.

Не чем иным, как тупым филистерством, были бы теперь конституционные иллюзии вроде того, например, что настоящее министерство, пожалуй, левее всех предыдущих (см. «Известия»^[44]), или что благожелательная критика Советов может исправить ошибки правительства, или что произвольные аресты и закрытия газет были единичны и следует надеяться, что они не повторятся, или что Зарудный честный человек и в республиканской демократической России возможен правильный суд, на который всем надо являться, и так далее и т. п.

Глупость этих конституционных филистерских иллюзий слишком очевидна, чтобы на опровержении их стоило особо останавливаться.

Нет, борьба с буржуазной контрреволюцией требует трезвости и умения видеть и говорить то, что есть.

Бонапартизм в России не случайность, а естественный продукт развития классовой борьбы в мелкобуржуазной стране с значительно развитым капитализмом и с революционным пролетариатом. Такие исторические этапы, как 20–21 апреля, 6 мая, 9–10 июня, 18–19 июня, 3–5 июля, суть вехи, наглядно показывающие, как шла подготовка бонапартизма. Величайшей ошибкой было бы думать, что бонапартизм исключается демократической обстановкой. Как раз наоборот, он именно в этой обстановке (история Франции дважды подтвердила это) и вырастает при определенном взаимоотношении классов и их борьбы.

Однако признать неизбежность бонапартизма вовсе не значит забыть неизбежность его краха.

Если мы скажем *только* то, что в России наблюдается временное торжество контрреволюции, это будет отпиской.

Если мы проанализируем возникновение бонапартизма и, безбоязненно смотря правде в лицо, скажем рабочему классу и всему народу, что начало бонапартизма есть факт, то мы тем самым положим начало серьезной и упорной, в широком политическом масштабе ведущейся, на глубокие классовые интересы опирающейся, борьбе за свержение бонапартизма.

От начала французского бонапартизма в 1799 и в 1849 годах русский бонапартизм 1917 года отличается рядом условий, например, тем, что ни одна коренная задача революции не решена. Борьба за решение земельного и национального вопроса только еще начинает разгораться.

Керенский и контрреволюционные кадеты, которые играют им, как пешкой, не могут ни созвать в назначенный срок Учредительного собрания, ни отсрочить его созыва, не углубляя в обоих случаях революции. А катастрофа, порождаемая затягиванием империалистской войны, продолжает надвигаться с еще гораздо большей силой и быстротой, чем прежде.

Передовые отряды пролетариата России сумели выйти из наших июньских и июльских дней без массового обескровления. Партия пролетариата имеет полную возможность выбрать такую тактику и такую форму или такие формы организации, чтобы внезапные (будто бы внезапные) преследования бонапартистов не могли ни в коем случае прекратить ее существование и ее систематическое обращение со своим словом к народу.

Пусть партия ясно и громко скажет народу правду без урезок, что мы переживаем начало бонапартизма; что «новое» правительство Керенского, Авксентьева и К^о есть лишь ширма для прикрытия контрреволюционных кадетов и военной клики, имеющей власть в руках; что народ не получит мира, крестьяне не получают земли, рабочие не получают 8-часового рабочего дня, голодные не получают хлеба без полной ликвидации контрреволюции, — пусть партия скажет это, и каждый шаг в развитии событий будет подтверждать ее правоту.

Россия с замечательной быстротой пережила целую эпоху, когда большинство народа доверилось мелкобуржуазным партиям эсеров и меньшевиков. И теперь уже начинается жестокая расплата большинства трудящихся масс за эту доверчивость.

Все признаки указывают на то, что ход событий продолжает идти самым ускоренным темпом, и страна приближается к следующей эпохе, когда большинство трудящихся вынуждено будет доверить свою судьбу революционному пролетариату. Революционный пролетариат возьмет власть, начнет социалистическую революцию, привлечет к ней – несмотря на все трудности и возможные зигзаги развития – пролетариев всех передовых стран, и победит и войну и капитализм.

«Рабочий и Солдат» № 6, 29 июля 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Рабочий и Солдат»

Уроки революции

Написано в конце июля; Послесловие – 6 (19) сентября 1917 г.

Напечатано 12 и 13 сентября (30 и 31 августа) 1917 г. в газете «Рабочий» №№ 8 и 9.

*Подпись: в № 8 – **Н—ков**, в № 9 – **Н. Ленин***

Послесловие – в 1917 г. в брошюре: Н. Ленин. «Уроки революции», П., изд. «Прибой»

Печатается по тексту брошюры

Всякая революция означает крутой перелом в жизни громадных масс народа. Если не назрел такой перелом, то настоящей революции произойти не может. И как всякий перелом в жизни любого человека многому его учит, заставляет его многое пережить и перечувствовать, так и революция дает всему народу в короткое время самые содержательные и ценные уроки.

За время революции миллионы и десятки миллионов людей учатся в каждую неделю большему, чем в год обычной, сонной жизни. Ибо на крутом переломе жизни целого народа становится особенно ясно видно, какие классы народа преследуют те или иные цели, какую силою они обладают, какими средствами они действуют.

Всякий сознательный рабочий, солдат, крестьянин должен внимательно вдуматься в уроки русской революции, особенно теперь в конце июля, когда ясно стало видно, что первая полоса нашей революции кончилась неудачей.

I

В самом деле, посмотрим, чего добивались массы рабочих и крестьян, совершая революцию? Чего ждали они от революции? Известно, что они ждали свободы, мира, хлеба, земли.

Что же мы видим теперь?

Вместо свободы начинают восстанавливать прежний произвол. Вводят смертную казнь для солдат на фронте^[45], привлекают крестьян к суду за самочинный захват помещичьей земли. Громят типографии рабочих газет. Закрывают без суда рабочие газеты. Арестуют большевиков, часто не предъявляя даже никаких обвинений или предъявляя обвинения явно клеветнические.

Возразят, пожалуй, что преследования большевиков не составляют нарушения свободы, ибо преследуют только определенных лиц за определенные обвинения. Но это возражение – заведомая и очевидная неправда, ибо как же можно громить типографию и закрывать газеты за преступления отдельных лиц, будь даже эти обвинения доказаны и признаны судом. Другое дело, если бы правительство признало законом преступными всю партию большевиков, самое направление их, взгляды их. Но всякий знает, что ничего подобного правительство свободной России сделать не могло и не сделало.

Главное разоблачение клеветнического характера обвинений против большевиков состоит в том, что газеты помещиков и капиталистов бешено бранили большевиков за их борьбу против войны, против помещиков и против капиталистов, и требовали открыто ареста и преследования большевиков еще тогда, когда ни одно обвинение ни против одного большевика не было еще придумано.

Народ хочет мира. А революционное правительство свободной России снова повело захватную войну, на основе тех самых тайных договоров, которые бывший царь Николай II заключил с английскими и французскими капиталистами в интересах ограбления чужих народов русскими капиталистами. Эти тайные договоры так и остались неопубликован-

ными. Правительство свободной России отделалось отговорками, так и не предложив справедливого мира всем народам.

Хлеба нет. Голод опять надвигается. Все видят, что капиталисты и богатые бессовестно обманывают казну на военных поставках (война стоит теперь народу 50 миллионов рублей ежедневно), наживают неслыханные прибыли на высоких ценах, а для серьезного учета производства продуктов и распределения их рабочими ровно ничего не сделано. Капиталисты наглеют все больше, выбрасывая рабочих на улицу, – и это в такое время, когда народ бедствует от бестоварья.

Громадное большинство крестьян заявило громко и ясно на длинном ряде съездов, что они объявляют помещичью собственность на землю несправедливостью и грабежом. А правительство, называющее себя революционным и демократическим, продолжает месяцами водить крестьян за нос и надувать их обещаниями и оттяжками. Министру Чернову капиталисты месяцами не позволяли издавать законы о запрещении купли-продажи земли. А когда, наконец, этот закон был издан, то капиталисты подняли гнусную клеветническую травлю против Чернова и продолжают эту травлю посейчас. Правительство дошло до такой наглости в защите помещиков, что начинает привлекать крестьян к суду за «самочинные» захваты.

Крестьян водят за нос, убеждая подождать до Учредительного собрания. А созыв этого собрания капиталисты все оттягивают. Теперь, когда этот созыв, под влиянием требования большевиков, назначен на 30-е сентября, капиталисты открыто кричат, что это «невозможно» короткий срок и требуют отложить созыв Учредительного собрания... Самые влиятельные члены партии капиталистов и помещиков, партии «кадетов» или партии «народной свободы», например, Панина, прямо проповедуют отсрочку созыва Учредительного собрания до окончания войны.

С землей подожди до Учредительного собрания. С Учредительным собранием подожди до конца войны. С концом войны подожди до полной победы. Вот что выходит. Над крестьянами прямо издеваются капиталисты и помещики, имея свое большинство в правительстве.

II

Но как же могло это случиться в свободной стране, после свержения царской власти?

В несвободной стране управляют народом царь и кучка помещиков, капиталистов, чиновников, никем не выбранные.

В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, например, помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой.

После свержения царской власти 27-го февраля 1917 года Россия управлялась в течение приблизительно 4-х месяцев как свободная страна, именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними. Чтобы понять развитие русской революции, всего необходимее, следовательно, изучить, каковы были главные партии, интересы каких классов они защищали, каковы были взаимоотношения всех этих партий.

III

После свержения царской власти государственная власть перешла в руки первого Временного правительства. Оно состояло из представителей буржуазии, т. е. капиталистов, к

которым присоединились и помещики. Партия «кадетов», главная партия капиталистов, стояла на первом месте, как правящая и правительственная партия буржуазии.

Власть досталась в руки этой партии не случайно, хотя боролись с царскими войсками, проливали кровь за свободу не капиталисты, конечно, а рабочие и крестьяне, матросы и солдаты. Власть досталась в руки партии капиталистов потому, что этот класс имел в руках силу богатства, организации и знания. За время после 1905 года и особенно в течение войны класс капиталистов и примыкающих к ним помещиков в России сделал больше всего успехов в деле своей организации.

Партия кадетов всегда была монархической, и в 1905 году, и с 1905 по 1917 год. После победы народа над царской тиранией эта партия объявила себя республиканской. Опыт истории показывает, что партии капиталистов, когда народ побеждал монархию, всегда соглашались быть республиканскими, лишь бы отстоять привилегии капиталистов и их всевластие над народом.

На словах партия кадетов стоит за «народную свободу». На деле она стоит за капиталистов, и на ее сторону тотчас же встали все помещики, все монархисты, все черносотенцы. Доказательство тому – печать и выборы. Все буржуазные газеты и вся черносотенная печать запела после революции в один голос с кадетами. Все монархические партии, не смея выступать открыто, поддерживали на выборах, например, в Петрограде, партию кадетов.

Получив правительственную власть, кадеты все усилия направили на то, чтобы продолжать захватную грабительскую войну, которую начал царь Николай II, заключивший тайные грабительские договоры с английскими и французскими капиталистами. По этим договорам, русским капиталистам обещан, в случае победы, захват и Константинополя, и Галиции, и Армении и т. д. От народа же правительство кадетов отделялось пустыми отговорками и обещаниями, откладывая все решения важных, необходимых для рабочих и крестьян, дел до Учредительного собрания и не назначая срока его созыва.

Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти Советы стали образовываться уже во время февральской революции, и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные передовые люди рабочего класса и крестьянства были объединены Советами.

Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями масс народа, рабочих и крестьян. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа. Рабочие и крестьяне, одетые в военную форму, были вооружены.

Само собой понятно, что Советы могли и должны были взять в свои руки всю государственную власть. Никакой иной власти в государстве, впредь до созыва Учредительного собрания, кроме Советов, не должно было быть. Только тогда наша революция стала бы действительно народной, действительно демократической революцией. Только тогда трудящиеся массы, действительно добивающиеся мира, действительно не заинтересованные в захватной войне, могли бы начать решительно и твердо проводить в жизнь такую политику, которая положила бы конец и захватной войне, и привела бы к миру. Только тогда рабочие и крестьяне смогли бы обуздать капиталистов, наживающих бешеные деньги «на войне» и доведших страну до разрухи и голода. Но в Советах меньшая часть депутатов была на стороне партии революционных рабочих, социал-демократов большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки Советов. Большая же часть депутатов в Советах была на стороне партий социал-демократов меньшевиков и эсеров, которые были против передачи власти Советам. Вместо устранения правительства буржуазии и замены его правительством Советов эти партии отстаивали поддержку правительства буржуазии и соглашения с ним, образования общего с ним правительства. В этой политике соглашений с

буржуазией партий, которым доверяло большинство народа, эсеров и меньшевиков, заключается главное содержание всего хода развития революции за все 5 месяцев, протекшие с ее начала.

IV

Посмотрим прежде всего на то, как шло это соглашательство эсеров и меньшевиков с буржуазией, а затем поищем объяснения тому обстоятельству, что большинство народа им доверилось.

V

Соглашательство меньшевиков и эсеров с капиталистами происходило во время всех периодов русской революции то в одной, то в другой форме.

В самом конце февраля 1917 года, как только народ победил и царская власть оказалась свергнута, Временное правительство капиталистов включило в свой состав Керенского, как «социалиста». На самом деле Керенский никогда социалистом не был, был только трудовиком, а в «социалистах-революционерах» он стал числиться только с марта 1917 г., когда это было уже безопасно и не безвыгодно. Через Керенского, как товарища председателя Петроградского Совета, Временное правительство капиталистов сейчас же постаралось привязать к себе и приручить Совет. Совет, т. е. преобладавшие в нем эсеры и меньшевики, дал себя приручить, согласившись тотчас после образования Временного правительства капиталистов «поддерживать его», «поскольку» оно выполняет свои обещания.

Совет считал себя проверяющим, контролирующим действия Временного правительства. Вожди Совета учредили так называемую «контактную комиссию», т. е. комиссию для контакта, для соприкосновения с правительством^[46]. В этой контактной комиссии эсеровские и меньшевистские вожди Совета вели постоянные переговоры с правительством капиталистов, будучи, собственно говоря, на положении министров без портфеля или неофициальных министров.

Весь март и почти весь апрель продолжалось такое положение дел. Капиталисты действовали оттяжками и отговорками, стараясь выиграть время. Ни единого, сколько-нибудь серьезного шага для развития революции правительство капиталистов за это время не сделало. Даже для своей прямой непосредственной задачи, для созыва Учредительного собрания, правительство не сделало ровнехонько ничего, не передало вопрос на места, не основало даже еще центральной комиссии по подготовке вопроса. Правительство заботилось об одном: возобновить тайком те грабительские международные договоры, которые царь заключил с капиталистами Англии и Франции, тормозить как можно осторожнее и незаметнее революцию, все обещать, ничего не исполнять. Эсеры и меньшевики играли в «контактной комиссии» роль дурачков, которых кормили пышными фразами, обещаниями, «завтраками». Эсеры и меньшевики, как ворона в известной басне, поддавались на лесть, с удовольствием выслушивали уверения капиталистов, что они высоко ценят Советы и ни шагу не делают без них.

В действительности же время шло, и правительство капиталистов ровно ничего не сделало для революции. Против же революции оно успело за это время возобновить тайные грабительские договоры, вернее, подтвердить их и «оживить» дополнительными столь же тайными переговорами с дипломатами англо-французского империализма. Против революции оно успело за это время положить основание контрреволюционной организации (или по крайней мере сближению) генералов и офицеров действующей армии. Против революции оно успело начать организацию промышленников, фабрикантов, заводчиков, которые

вынуждены были делать уступку за уступкой под напором рабочих, но в то же время начинали саботировать (портить) производство и подготавливать остановку его, выжидая для этого удобный момент.

Но организация передовых рабочих и крестьян в Советах неуклонно шла вперед. Лучшие люди угнетенных классов чувствовали, что правительство, несмотря на его соглашение с Петроградским Советом, несмотря на велеречивость Керенского, несмотря на «контактную комиссию», остается врагом народа, врагом революции. Массы чувствовали, что если не сломить сопротивление капиталистов, то дело мира, дело свободы, дело революции будет неизбежно проиграно. В массах нарастало нетерпение и озлобление.

VI

Оно прорвалось 20–21 апреля. Движение вспыхнуло стихийно, никем не подготовленное. Движение было настолько резко направлено против правительства, что один полк выступил даже вооруженным и явился к Мариинскому дворцу, чтобы арестовать министров. Всем стало до очевидности ясно, что правительство держаться не может. Советы могли (и должны были) взять власть в свои руки без малейшего сопротивления с чьей бы то ни было стороны. Вместо этого эсеры и меньшевики поддержали падающее правительство капиталистов, запутали себя еще больше соглашательством с ним, сделали еще более роковые, ведущие к гибели революции, шаги.

Революция учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессиления рабочих. Этот прием – так называемое «коалиционное», т. е. соединенное, составленное из буржуазии и перебежчиков социализма, общее министерство.

В тех странах, где дольше всего существует свобода и демократия наряду с революционным рабочим движением, в Англии и во Франции, капиталисты много раз и с большим успехом употребляли этот прием. «Социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, непременно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, орудием обмана рабочих. «Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием. Эсеры и меньшевики сразу дали себя одурачить, и 6-го мая «коалиционное» министерство с участием Чернова, Церетели и К^о стало фактом.

Дурачки эсеровской и меньшевистской партий ликовали, купаясь самовлюбленно в лучах министерской славы их вождей. Капиталисты потирали руки от удовольствия, получив себе помощников против народа в лице «вождей Советов», получив обещание от них поддерживать «наступательные действия на фронте», т. е. возобновление приостановившейся было империалистической, грабительской войны. Капиталисты знали все надутое бессилие этих вождей, знали, что обещания со стороны буржуазии – насчет контроля и даже организации производства, насчет политики мира и т. п. – никогда не будут исполнены.

Так и оказалось. Вторая полоса в развитии революции, с 6 мая по 9 или по 18 июня, вполне подтвердила расчет капиталистов на легкость одурачения эсеров и меньшевиков.

Пока Пешехонов и Скобелев обманывали себя и народ пышными фразами, что с капиталистов возьмут 100 % прибыли, что их «сопротивление сломлено» и т. п., – капиталисты продолжали укрепляться. Ничего, ровнехонько ничего на деле не было за это время предпринято для обуздания капиталистов. Министры из перебежчиков социализма оказывались говорильными машинами для отвода глаз угнетенным классам, а весь аппарат государственного управления оставался на деле в руках бюрократии (чиновничества) и буржуазии. Пре-

словутый Пальчинский, товарищ министра промышленности, был типичным представителем этого аппарата, тормозящим какие бы то ни было меры против капиталистов. Министры болтали – все оставалось по-старому.

Министр Церетели в особенности был употребляем буржуазией для борьбы против революции. Его посылали «успокаивать» Кронштадт, когда тамошние революционеры дошли до такой дерзости, что посмели сместить назначенного комиссара. Буржуазия открывала в своих газетах неимоверно шумную, злостную, бешеную кампанию лжи, клеветы и травли против Кронштадта, обвиняя его в желании «отложиться от России», повторяя эту и подобные нелепости на тысячу ладов, запугивая мелкую буржуазию и филистеров. Типичнейший представитель тупого, запуганного филистерства, Церетели всех «добросовестнее» попадался на удочку буржуазной травли, всех усерднее «громил и умирал» Кронштадт, не понимая своей роли лакея контрреволюционной буржуазии. Выходило так, что он являлся орудием проведения такого «соглашения» с революционным Кронштадтом, что комиссар в Кронштадте не назначался просто-напросто правительством, а выбирался на месте и *утверждался* правительством. На подобные жалкие компромиссы тратили свое время министры, перебежавшие от социализма к буржуазии.

Там, где не мог бы появиться министр-буржуа с защитой правительства, перед революционными рабочими или в Советах, там появлялся (вернее: туда посылался буржуазией) «социалистический» министр Скобелев, Церетели, Чернов и т. п. и добросовестно выполнял буржуазное дело, лез из кожи, защищая министерство, обелял капиталистов, одурачивал народ повторением обещаний, обещаний и обещаний, советами погодить, погодить и погодить.

Министр Чернов был занят в особенности торговлей со своими буржуазными коллегами: до самого июля месяца, до открывшегося тогда, после движения 3–4 июля, нового «кризиса власти», до ухода кадетов из министерства, министр Чернов все время занят был полезным, интересным, глубоконародным делом «уговаривания» своих буржуазных коллег, усовещивания их согласиться хотя бы на запрещение земельных сделок купли-продажи. Это запрещение было торжественнейшим образом обещано крестьянам на Всероссийском съезде (совете) крестьянских депутатов в Питере. Но обещание так и осталось обещанием. Чернов так и не мог выполнить его ни в мае, ни в июне, до тех самых нор, пока революционная волна стихийного взрыва 3–4 июля, совпавшая с уходом кадетов из министерства, не дала возможность провести этой меры. Но и тогда эта мера оказалась одинокой, бессильной внести серьезные улучшения в дело борьбы крестьянства против помещиков за землю.

На фронте в это время ту контрреволюционную, империалистическую задачу возобновления империалистической, грабительской войны, ту задачу, которую не мог выполнить ненавистный народу Гучков, с успехом и блеском выполнял «революционный демократ» Керенский, новоиспеченный член партии социалистов-революционеров. Он упивался собственным красноречием, ему курили фимиам империалисты, игравшие им, как пешкой, ему льстили, его боготворили – все за то, что он верой и правдой служил капиталистам, убеждая «революционные войска» согласиться на возобновление войны, ведущейся во исполнение договоров царя Николая II с капиталистами Англии и Франции, войны ради получения русскими капиталистами Константинополя и Львова, Эрзерума и Трапезунда.

Так прошла вторая полоса русской революции с 6 мая по 9 июня. Контрреволюционная буржуазия усилилась, укрепилась под прикрытием и под защитой «социалистических» министров, подготовив наступление и против внешнего врага и против внутреннего, т. е. революционных рабочих.

VII

9-го июня партия революционных рабочих, большевиков, готовила демонстрацию в Питере, чтобы дать организованное выражение неудержимо нараставшему недовольству и возмущению масс. Запутавшиеся в соглашениях с буржуазией, связанные империалистской политикой наступления, эсеровские и меньшевистские вожди пришли в ужас, чувствуя потерю своего влияния в массах. Поднялся всеобщий вой против демонстрации, вой, объединивший на этот раз контрреволюционных кадетов с эсерами и меньшевиками. Под их руководством, в результате их политики соглашательства с капиталистами, поворот мелкобуржуазных масс к союзу с контрреволюционной буржуазией определился вполне, обрисовался с поразительной наглядностью. В этом историческое значение, в этом классовый смысл кризиса 9 июня.

Большевики отменили демонстрацию, вовсе не желая вести рабочих на отчаянный бой, в данный момент, против объединенных кадетов, эсеров и меньшевиков. Но эти последние, чтобы сохранить хоть какой-нибудь остаточек доверия масс, вынуждены были назначить общую демонстрацию на 18-ое июня. Буржуазия была вне себя от ярости, справедливо видя в этом колебание мелкобуржуазной демократии на сторону пролетариата и решая наступлением на фронте парализовать действие демократии.

Действительно, 18-ое июня дало замечательно внушительную победу лозунгов революционного пролетариата, лозунгов большевизма, среди петербургских масс, а 19-го июня было торжественно объявлено буржуазией и бонапартистом³ Керенским о начавшемся именно 18-го июня наступлении на фронте.

Наступление означало фактически возобновление грабительской войны в интересах капиталистов, вопреки воле громадного большинства трудящихся. Поэтому с наступлением неизбежно было связано, с одной стороны, гигантское усиление шовинизма и переход военной (а следовательно, и государственной) власти к военной шайке бонапартистов, а с другой стороны, переход к насилию над массами, к преследованию интернационалистов, к отмене свободы агитации, к арестам и расстрелам тех, кто против войны.

Если 6-ое мая привязало эсеров и меньшевиков к победной колеснице буржуазии канатом, то 19-ое июня приковало их, как слуг капиталистов, цепью.

VIII

Озлобление масс, вследствие возобновившейся грабительской войны, естественно возросло еще быстрее и сильнее. 3–4 июля последовал взрыв их возмущения, взрыв, который большевики пытались сдержать и которому они, разумеется, должны были постараться придать наиболее организованную форму.

Эсеры и меньшевики, как рабы буржуазии, прикованные господином, согласились на все: и на привод реакционных войск в Питер, и на восстановление смертной казни, и на разоружение рабочих и революционных войск, и на аресты, преследования, закрытие газет без суда. Власть, которую не могла взять целиком буржуазия в правительстве, которую не хотели взять Советы, власть скатилась в руки военной клики, бонапартистов, целиком подержанной, разумеется, кадетами и черносотенцами, помещиками и капиталистами.

Со ступеньки на ступеньку. Раз вступив на наклонную плоскость соглашательства с буржуазией, эсеры и меньшевики покатались неудержимо вниз и докатились до дна. 28-го

³ Бонапартизмом (по имени двух французских императоров Бонапартов) называется такое правительство, которое старается казаться непартийным, используя крайне острую борьбу партий капиталистов и рабочих друг с другом. На деле служа капиталистам, такое правительство всего больше обманывает рабочих обещаниями и мелкими подачками.

февраля они обещали в Петроградском Совете условную поддержку буржуазному правительству. 6-го мая они спасли его от краха и дали превратить себя в слуг и защитников его, согласившись на наступление. 9-го июня они соединились с контрреволюционной буржуазией в походе бешеной злобы, лжи и клеветы против революционного пролетариата. 19-го июня они одобрили начавшееся возобновление грабительской войны. 3-го июля они согласились на вызов реакционных войск: начало окончательной сдачи власти бонапартистам. Со ступеньки на ступеньку.

Такой позорный финал партий эсеров и меньшевиков не случайность, а подтвержденный много раз опытом Европы результат экономического положения мелких хозяев, мелкой буржуазии.

IX

Всякий наблюдал, конечно, как мелкие хозяйчики выбиваются из сил, тянутся «выйти в люди», попасть в настоящие хозяева, подняться до положения «крепкого» хозяина, до положения буржуазии. Пока господствует капитализм иного выхода мелким хозяевам нет: либо перейти самим на положение капиталистов (а это возможно в лучшем случае для одного мелкого хозяйчика из сотни), либо перейти в положение разоренного хозяйчика, полупролетария, а затем – пролетария. Так и в политике: мелкобуржуазная демократия, особенно в лице ее вождей, тянется за буржуазией. Вожди мелкобуржуазной демократии утешают свои массы обещаниями и уверениями насчет возможности соглашения с крупными капиталистами, – в лучшем случае, на самое короткое время они получают от капиталистов уступочки для небольшого верхнего слоя трудящихся масс, а во всем решающем, во всем важном мелкобуржуазная демократия всегда оказывалась в хвосте буржуазии, бессильным придатком ее, послушным орудием в руках финансовых королей. Опыт Англии и Франции много раз подтверждал это.

Опыт русской революции, когда события, особенно под влиянием империалистской войны и созданного ею глубочайшего кризиса, развивались с необычайной быстротой, этот опыт с февраля по июль 1917 года подтвердил старую марксистскую истину о неустойчивости положения мелкой буржуазии замечательно ярко, наглядно.

Урок русской революции: трудящимся массам нет спасения от железных тисков войны, голода, порабощения помещикам и капиталистам, иначе как в полном разрыве с партиями эсеров и меньшевиков, в ясном сознании их предательской роли, в отказе от каких бы то ни было соглашательств с буржуазией, в решительном переходе на сторону революционных рабочих. Революционные рабочие, если их поддержат беднейшие крестьяне, одни только в состоянии сломить сопротивление капиталистов, повести народ к завоеванию земли без выкупа, к полной свободе, к победе над голодом, к победе над войной, к справедливому и прочному миру.

Послесловие

Статья эта, как видно из текста, написана в конце июля.

История революции за август вполне подтвердила сказанное в статье. Затем в конце августа восстание Корнилова^[47] создало новый поворот революции, показав наглядно всему народу, что кадеты в союзе с контрреволюционными генералами стремятся разогнать Советы и восстановить монархию. Насколько силен этот новый поворот революции, удастся ли ему положить конец губительной политике соглашательства с буржуазией, – покажет недалекое будущее...

6 сентября 1917 г.

Н. Ленин

О выступлении Каменева в ЦИК по поводу Стокгольмской конференции^[48]

Речь тов. Каменева в ЦИК 6 августа по поводу Стокгольмской конференции не может не вызвать отпора со стороны верных своей партии и своим принципам большевиков.

В первой же фразе своей речи т. Каменев сделал заявление формального характера, которое придает его выступлению прямо чудовищный характер. Тов. Каменев оговаривается, что выступает от себя лично, что «наша фракция этого вопроса не обсуждала».

Во-первых, с каких это пор в организованной партии по важным вопросам выступают отдельные члены «от себя лично», раз фракция вопроса не обсуждала, т. Каменев не имел права выступать. Вот первый вывод из его же слов.

Во-вторых, какое право имел т. Каменев забыть, что есть решение ЦК партии против участия в Стокгольме. Если это решение не отменено съездом или новым решением ЦК, то оно остается законом для партии. Если оно отменено, тогда бы т. Каменев не мог бы умолчать об этом, не мог бы говорить в прошлом времени: «мы, большевики, до сих пор относились к Стокгольмской конференции отрицательно».

Опять-таки вывод тот, что Каменев не только не имел права выступать, но и прямо нарушил постановление партии, прямо говорил против партии, срывал ее волю, не упоминая ни словом об обязательном для него решении ЦК. А решение это в свое время было опубликовано в «Правде» и даже с добавлением, что представитель партии уйдет с Циммервальдской конференции, если она выскажется за участие в Стокгольме⁴.

Доводы «прежнего» отрицательного отношения большевиков к участию в Стокгольме Каменев изложил неверно. Он умолчал о том, что там будут участвовать социал-империалисты, что общаться с таковыми позорно для революционного с.-д.

Как ни печально в этом сознаться, но сознаться надо: Старостин, часто и много путавший, в 1000 раз лучше, вернее, достойнее выразил точку зрения революционной социал-демократии, чем Каменев. Идти на совещания с социал-империалистами, с министрами, с пособниками палачества в России – позор и предательство. Об интернационализме тогда нечего и говорить.

Доводы Каменева по существу дела за «изменение» нашего взгляда на Стокгольм слабы до смешного.

«Нам стало ясно, – говорил Каменев, – что Стокгольм с этого (??) момента перестает (??) быть слепым орудием в руках империалистических государств».

Это неправда. Ни единого факта нет, и привести ничего серьезного Каменев не мог. Если англо-французские социал-империалисты не идут, а немецкие идут, неужели это есть принципиальное изменение?? Неужели это вообще изменение с точки зрения интернационалиста? Неужели Каменев уже «забыл» решение конференции нашей партии (29 апреля) по вполне аналогичному случаю с датским социал-империалистом?

«Над Стокгольмом, – сказал Каменев, по передаче газет, далее, – начинает развеваться широкое революционное знамя, под которым мобилизуются силы всемирного пролетариата».

Это – пустейшая декламация в духе Чернова и Церетели. Это – вопиющая неправда. Не революционное знамя, а знамя сделок, соглашений, амнистии социал-империалистов,

⁴ См. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 66. Ред.

переговоров банкиров о дележе аннексий, – вот какое знамя на деле начинает развеваться над Стокгольмом.

Нельзя терпеть, чтобы партия интернационалистов, перед всем миром ответственная за революционный интернационализм, компрометировала себя кокетничаньем с проделками социал-империалистов русских и немецких, с проделками министров буржуазного империалистического правительства Черновых, Скобелевых и К^о.

Мы решили строить III Интернационал. Мы должны осуществлять это вопреки всем трудностям. Ни шагу назад, к сделкам между социал-империалистами и перебежчиками социализма!

*«Пролетарий» № 3, 29 (16) августа 1917 г. Подпись: **Н. Ленин***

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Слухи о заговоре

Заметка, помещенная под этим заглавием в № 103 «Новой Жизни», от 17 августа, заслуживает очень серьезного внимания и на ней следует [еще и еще раз] остановиться, несмотря на полную несерьезность того, что выдается за нечто серьезное в заметке.

Содержание ее сводится к тому, что в Москве 14 августа распространились слухи, будто некоторые казачьи части идут к Москве с фронта и что наряду с этим «определенные военные группы при сочувствии некоторых общественных кругов Москвы» организуют «решительные контрреволюционные выступления». Будто бы, далее, военные власти поставили в известность Московский Совет солдатских и рабочих депутатов и «при участии представителей ЦИК» (т. е. меньшевиков и эсеров) приняли меры для ознакомления солдат с необходимостью охраны города и т. п. «К этим приготовлениям были привлечены и представители московских большевиков, пользующиеся влиянием во многих воинских частях, — так заканчивается заметка, — куда им на этот случай был открыт доступ».

Эта последняя фраза построена намеренно неясно и двусмысленно: если большевики пользуются влиянием во многих воинских частях (что бесспорно и общеизвестно), то каким образом и кто *мог* «открывать доступ» большевикам в эти части? Ведь это явный абсурд. Если же действительно большевикам «на этот случай» «открывали доступ» (кто? очевидно, меньшевики и эсеры!) в *какие бы то ни было* воинские части, то это означает, что был известный *блок*, союз, сговор, между большевиками и оборонцами на предмет «защиты от контрреволюции».

Вот это обстоятельство придает серьезное значение несерьезной заметке и требует от всех сознательных рабочих внимательнейшего отношения к рассказанным фактам.

Слухи, распространявшиеся оборонцами, т. е. меньшевиками и эсерами, явно вздорны, и совершенно очевиден тот грязный и гнусный политический расчет, с которым эти слухи распускаются. Действительно контрреволюционным является как раз то Временное правительство, которое оборонцы хотят будто бы защищать. Действительно вызывались казачьи войска с фронта в столицы, например, в Петроград 3 июля, именно Временным правительством и «социалистами»-министрами, как это и подтвердил формально казачий генерал Каледин на Московском контрреволюционном империалистском совещании. Это факт.

Вот этот факт, разоблачающий меньшевиков и эсеров, доказывающий их предательство революции, *их союз* с контрреволюционерами, *их союз* с Каледиными, этот факт меньшевикам и эсерам хочется замять, затушевать, заставить забыть посредством «слухов», будто казаки идут на Москву помимо Керенского, Церетели, Скобелева, Авксентьева, будто меньшевики и эсеры «защищают революцию» и т. под. Политический расчет предателей меньшевиков и оборонцев яснее ясного: они хотят надуть рабочих, выдать себя за революционеров, разузнать кое-что про большевиков (для передачи в контрразведку, конечно), починить свою репутацию! Расчетец столь же подлый, как и грубо шитый белыми нитками! Дешевой ценой, состряпав глупенький «слух», мы-де получим «доступ» к большевистским воинским частям и подкрепим вообще доверие к Временному правительству, уверив наивных людей, будто это правительство хотят свергать казаки, будто оно *не* в блоке с казаками, будто оно «защищает революцию» и прочее и тому подобное.

Расчетец ясный. Слухи-то вздорные и сфабрикованные. А доверие-то к Временному правительству мы-де получим чистой монетой, да кстати и большевиков втянем в «блок» с нами!

Трудно поверить, чтобы могли найтись такие дурачки и негодяи из большевиков, которые пошли бы в блок с оборонцами теперь. Трудно поверить этому, ибо, во-первых, имеется прямая резолюция VI съезда РСДРП^[49], в которой говорится (см. «Пролетарий»^[50] № 4), что

«меньшевики окончательно перешли в стан врагов пролетариата». С людьми, окончательно перешедшими в стан врагов, не договариваются, блоков с ними не заключают. «Первейшей задачей революционной социал-демократии», – говорит далее та же резолюция, – является «полнейшее изолирование их (меньшевиков-оборонцев) от всех сколько-нибудь революционных элементов рабочего класса». Ясно, что против этого изолирования меньшевики с эсерами и борются пусканием вздорных слухов. Ясно, что в Москве, как и в Питере, рабочие все более отворачиваются от меньшевиков и эсеров, все яснее видя их предательскую, контрреволюционную политику, и для «поправки дела» оборонцам приходится пускаться «во вся тяжкие».

При такой резолюции съезда, большевики, которые пошли бы в блок с оборонцами об «открывании доступа» или о косвенном вынесении доверия Временному правительству (якобы защищаемому от казаков), такие большевики, разумеется, были бы немедленно – и по заслугам – исключены из партии.

Но еще и по другим причинам трудно поверить, чтобы могли найтись, в Москве или где бы то ни было, большевики, способные пойти на блок с оборонцами, на образование чего-либо подобного общим, хотя бы и временным учреждениям, на какой-либо сговор и т. п. Допустим самое лучшее, для таких мало правдоподобных большевиков, предположение: допустим, что они, по наивности, в самом деле поверили в слухи, переданные им меньшевиками и эсерами, допустим даже, что им сообщили какие-либо, тоже сочиненные, «факты» для внушения доверия. Ясно, что и в этом случае ни один честный или не потерявший совершенно головы большевик не пошел бы ни на какой блок с оборонцами, ни в какой сговор об «открывании доступа» и т. п. Даже в этом случае большевик сказал бы: наши рабочие, наши солдаты будут сражаться с контрреволюционными войсками, если те начнут наступление сейчас против Временного правительства, защищая *не* это правительство, звавшее Каледина и К^о третьего июля, а самостоятельно защищая революцию, преследуя цели свои, цели победы рабочих, победы бедных, победы дела мира, а не победы империалистов – Керенского, Авксентьева, Церетели, Скобелева и К^о. Даже в том исключительно-редком случае, который мы предположили, большевик сказал бы меньшевикам: конечно, мы будем сражаться, но ни на малейший политический союз с вами, ни на малейшее выражение доверия к вам мы не пойдем, – совершенно так же, как в феврале 1917 года социал-демократы сражались против царизма совместно с кадетами, не идя ни в какой союз с кадетами, не веря им ни на секунду. Малейшее доверие к меньшевикам было бы такой же изменой революции теперь, как доверие кадетам в 1905–1917 годах.

Большевик сказал бы рабочим и солдатам: будемте сражаться, но ни тени доверия к меньшевикам, если вы не хотите отнять у себя плоды победы.

Меньшевикам слишком выгодно распространять ложные слухи и предположения, будто поддерживаемое ими правительство спасает революцию, когда на деле оно *уже в блоке* с Калединами, *уже* контрреволюционно, *уже* сделало массу шагов и ежедневно делает новые во исполнение условий этого своего блока с Калединами.

Верить этим слухам, прямо или косвенно поддерживать их значило бы со стороны большевиков изменять делу революции. Главный залог ее успеха теперь – ясное сознание массами предательства меньшевиков и эсеров, полный разрыв с ними, такой же безусловный бойкот их всяким революционным пролетариатом, каков был бойкот кадета после опыта 1905 года.

* * *

((Эту статью я прошу переписать в нескольких экземплярах, чтобы одновременно и послать для печати в несколько партийных газет и журналов, и одновременно внести в ЦК от моего имени с такой припиской:

Настоящую статью я прошу рассматривать как мой доклад ЦК с добавлением моего предложения – назначить официальное расследование ЦК при участии москвичей не членов ЦК для установления факта, были ли общие учреждения на этой почве у большевиков с оборонцами, были ли блоки или сговоры, в чем они состояли и т. д. Необходимо официально расследовать факты и подробности, узнать все детали. Необходимо отстранить от работы членов ЦК или МК, ежели бы факт блока подтвердился, и внести вопрос о формальном отстранении их до съезда на первый же пленум ЦК, Ибо именно Москва *теперь*, после Московского совещания, после забастовки, после 3–5 июля, приобретает или может приобрести значение *центра*. В этом громадном пролетарском центре, который больше Петрограда, вполне возможно нарастание движения типа 3–5 июля. Тогда в Питере задача была: придать мирный и организованный характер. Это *был* верный лозунг. Теперь в Москве задача *стоит* совсем иная; старый лозунг был бы архиневерен. Теперь задача была бы *взять власть* самим и объявить себя правительством во имя мира, земли крестьянам, созыва Учредительного собрания в срок по соглашению с крестьянами на местах и т. д. Весьма возможно, что на почве безработицы, голода, железнодорожной стачки, разрухи и т. п. подобное движение в Москве вспыхнет. Крайне важно, чтобы в Москве «у руля» стояли люди, которые бы не колебались вправо, не способны были на блоки с меньшевиками, которые бы в случае движения понимали *новые* задачи, *новый* лозунг взятия власти, *новые* пути и средства к нему. Вот почему «следствие» по делу о блоке и порицание блокистам-большевикам, если таковые были, отстранение их, необходимо не только во имя дисциплины, не только для исправления уже допущенной глупости, а необходимо в существеннейших интересах *будущего* движения. Стачка в Москве 12 августа доказала, что *активный* пролетариат за большевиками несмотря на большинство, при голосованиях в Думу, у эсеров. Это очень похоже на ситуацию в Питере перед 3–5 июля 1917 г. Но разница гигантская: тогда Питер не мог бы взять власти даже физически, а если бы взял физически, то политически не мог бы удержать, ибо Церетели и К^о еще не упали до поддержки палачества. Вот почему *тогда*, 3–5 июля 1917 г. в Питере, лозунг взятия власти был бы *неверен*. Тогда даже у большевиков не было и быть не могло сознательной решимости трактовать Церетели и К^о, как контрреволюционеров. Тогда ни у солдат, ни у рабочих не могло быть опыта, созданного месяцем июлем.

Теперь совсем не то. Теперь в Москве, если вспыхнет стихийное движение, лозунг должен быть именно взятия власти. Поэтому сугубо важно и стократ важно, чтобы в Москве руководили движением подходящие люди, *вполне* понявшие и продумавшие этот лозунг. Вот почему еще и еще раз приходится настаивать на следствии и отстранении виновных.))

Написано 18–19 августа (31 августа – 1 сентября) 1917 г.

Впервые напечатано в 1928 г. в Ленинском сборнике VII

Печатается по рукописи

За деревьями не видят леса

В заседании ЦИК Советов 4-го августа Л. Мартов сказал (цитируем по отчету «Новой Жизни»), что «критика Церетели слишком мягка», что «правительство не дает отпора контрреволюционным попыткам в военной среде» и что «в наши цели не входит свержение нынешнего правительства или подрыв доверия к нему...». «Реальное соотношение сил, – продолжал Мартов, – не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой». «Мы не намерены свергать правительство, – заканчивает Мартов, – но мы должны указать ему, что в стране есть силы, кроме кадетов и военных. Это – силы революционной демократии и на них должно опираться Временное правительство».

Это – замечательные рассуждения Мартова, на которых стоит со всем вниманием остановиться. Замечательны они тем, что необыкновенно рельефно воспроизводят самые пространственные, самые вредные, самые опасные политические ошибки мелкобуржуазной массы, ее типичнейшие предрассудки. Из всех представителей этой массы Мартов, как публицист, наверное, один из наиболее «левых», из наиболее революционных, из наиболее сознательных и искусных. Именно поэтому полезнее разобрать как раз его рассуждения, чем какого-нибудь кокетничающего пустым набором слов Чернова или тупицы Церетели и т. п. Разбирая Мартова, мы будем разбирать то, что есть сейчас в идеях мелкой буржуазии наиболее разумного.

Крайне характерны, прежде всего, колебания Мартова по вопросу о переходе власти к Советам. До 4 июля Мартов был *против* этого лозунга. После 4 июля он – *за*. В начале августа он опять против, и заметьте, как чудовищно нелогична, как забавна с точки зрения марксизма его аргументация. Он против, ибо «реальное соотношение сил не дает сейчас основания требовать перехода власти к Советам. Это могло бы явиться лишь в процессе гражданской войны, сейчас недопустимой».

Вот путаница-то. Выходит, что до 4 июля такой переход власти возможен был *без* гражданской войны (святая истина!), но именно тогда Мартов был против перехода... Выходит, во-вторых, будто после 4 июля, когда Мартов был за переход власти к Советам, такой переход возможен был без гражданской войны: это явная, вопиющая фактическая неправда, ибо именно в ночь с 4 на 5 июля бонапартисты при поддержке кадетов и при лакейском услужении Черновых и Церетели приводят контрреволюционные войска в Питер. Взять власть мирным путем в этих условиях было бы абсолютно невозможно.

Наконец, у Мартова выходит, будто марксист или хотя бы даже просто революционный демократ вправе был отказаться от правильно выражающего интересы народа и интересы революции лозунга на том основании, что этот лозунг мог бы осуществиться «лишь в процессе гражданской войны»... Но ведь это же явный абсурд, явный отказ от всякой классовой борьбы, от всякой революции. Ибо кто же не знает, что всемирная история всех революций показывает нам не случайное, а неизбежное превращение классовой борьбы в гражданскую войну. Кто же не знает, что как раз *после* 4-го июля мы видим в России начало гражданской войны со стороны контрреволюционной буржуазии, разоружение полков, расстрелы на фронте, убийства большевиков. Гражданская война, извольте видеть, «недопустима» для революционной демократии как раз тогда, когда ход развития событий с железной необходимостью привел к тому, что ее повела контрреволюционная буржуазия.

Мартов запутался самым невероятным, забавным, самым беспомощным образом.

Распутывая внесенную им путаницу, надо сказать:

Именно до 4-го июля лозунг перехода всей власти к данным, тогдашним Советам был единственно правильным. Тогда это было возможно мирно, без гражданской войны, ибо

тогда не было еще систематических насилий над массой, над народом, введенных после 4-го июля. Тогда это обеспечивало мирное развитие вперед всей революции и, в частности, возможность мирного изживания борьбы классов и партий *внутри* Советов.

После 4-го июля переход власти к Советам стал невозможным без гражданской войны, ибо власть перешла с 4–5 июля к военной, бонапартистской клике, поддержанной кадетами и черносотенцами. Отсюда вытекает то, что все марксисты, все сторонники революционного пролетариата, все честные революционные демократы *должны* теперь выяснить рабочим и крестьянам коренную перемену положения, обуславливающую другой путь перехода власти к пролетариям и полупролетариям.

Мартов не привел доводов в защиту своей «мысли» о недопустимости «сейчас» гражданской войны, в защиту заявления, что в его цели «не входит свержение нынешнего правительства». Без мотивировки его мнение, особенно высказанное в оборонческом собрании, неизбежно смахивает на оборонческий довод: дескать, недопустима гражданская война внутри, грозит внешний враг.

Не знаем, решился ли бы Мартов открыто выдвинуть такой довод. Среди массы мелкой буржуазии довод этот из самых ходких. И довод этот, конечно, из самых пошлых. Буржуазия не боялась революции и гражданской войны в такие моменты, когда грозил внешний враг, ни в сентябре 1870 года во Франции, ни в феврале 1917 года в России. Буржуазия не боялась, ценой гражданской войны, захватывать власть в свои руки в такие моменты, когда грозил внешний враг. Так же мало будет считаться с этим «доводом» лжецов и лакеев буржуазии революционный пролетариат.

* * *

Одна из самых вопиющих теоретических ошибок, которую делает Мартов и которая тоже крайне типична для всего круга политических идей мелкой буржуазии, состоит в смешении контрреволюции царистской и вообще монархической с контрреволюцией буржуазной. Это – именно специфическая узость или специфическая тупость мелкобуржуазного демократа, который не может вырваться из своей экономической, политической и идейной зависимости от буржуазии, уступает ей первенство, видит в ней «идеал», доверяет ее крикам об опасности «контрреволюции справа».

Мартов выразил этот круг идей или, вернее, это недомыслие мелкой буржуазии, сказав в своей речи: «Мы должны в противовес давлению на него (на правительство), оказываемому справа, создать контрдавление».

Вот образчик филистерской доверчивости и забвения классовой борьбы. Правительство выходит чем-то вроде надклассового и надпартийного, на него только «давят» слишком сильно справа, надо посильнее давить слева. О, премудрость, достойная Луи Блана, Чернова, Церетели и всей этой презренной братии. И как бесконечно выгодна эта филистерская премудрость бонапартистам, как хочется им представить «глупым мужичкам» дело именно в таком виде, что вот-де нынешнее правительство борется и направо и налево, только с крайностями, осуществляя истинную государственность, проводя в жизнь истинный демократизм, а на деле именно это бонапартистское правительство является правительством контрреволюционной буржуазии.

Буржуазии выгодно (и для увековечения ее господства необходимо) обманывать народ, изображая дело так, что она представляет будто бы «революцию вообще, а справа, от царя, грозит контрреволюция». Только бесконечной тупостью Данов и Церетели, бесконечной влюбленностью в себя Черновых и Авксентьевых держится, питаемая условиями жизни мелкой буржуазии, эта идея в среде «революционной демократии» вообще.

Но всякий, кто хоть чему-нибудь научился из истории или из марксистского учения, должен будет признать, что во главу угла политического анализа надо поставить вопрос о *классах*: о революции какого класса идет речь? А контрреволюция какого класса?

История Франции показывает нам, что бонапартистская контрреволюция выросла к концу XVIII века (а потом второй раз к 1848–1852 гг.) на почве контрреволюционной буржуазии, прокладывая в свою очередь дорогу к реставрации монархии легитимной. Бонапартизм есть форма правления, которая вырастает из контрреволюционности буржуазии в обстановке демократических преобразований и демократической революции.

Надо нарочно закрыть глаза, чтобы не видеть, как на наших глазах растет бонапартизм в России при очень схожих условиях. Контрреволюция царистская сейчас ничтожна, ни тени политического значения не имеет, никакой политической роли не играет. Пугало царистской контрреволюции нарочно выдвигают и раздувают шарлатаны, чтобы пугать дураков, чтобы потчевать политической сенсацией филистеров, чтобы отвлекать внимание народа от настоящей серьезной контрреволюции. Нельзя без смеха читать рассуждение какого-нибудь Зарудного, который пыжится взвесить контрреволюционную роль какого-то задворочного союзника «Святая Русь» и который «не замечает» контрреволюционной роли союза всей буржуазии России, называемого партией кадетов.

Кадетская партия есть главная политическая сила буржуазной контрреволюции в России. Эта сила великолепно сплотила вокруг себя всех черносотенцев как на выборах, так (что еще важнее) в аппарате военного и гражданского управления и в кампании газетной лжи, клевет, травли, направляемых сначала против большевиков, т. е. партии революционного пролетариата, потом против Советов.

Нынешнее правительство проводит постепенно, но неуклонно, именно ту политику, которую партия кадетов систематически проповедовала и подготавливала с марта 1917 года. Возобновление и затягивание империалистской войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контрреволюционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты, – вот далеко еще не полный список мер, которые яснее ясного рисуют картину буржуазной контрреволюции бонапартизма.

А отсрочка созыва Учредительного собрания и «коронация» бонапартистской политики «Земским собором» в Москве, этот переходный шаг к отсрочке Учредительного собрания до окончания войны? Разве это не перл бонапартистской политики? И Мартов не видит, где главный штаб буржуазной контрреволюции... Поистине – за деревьями не видят леса.

* * *

Какую бесконечно грязную лакейскую роль сыграл ЦИК Советов, т. е. господствующие в нем эсеры и меньшевики, в деле отсрочки созыва Учредительного собрания! Кадеты дали тон, бросили идею отсрочки, начали кампанию в печати, выдвинули *казачий съезд* с требованием отсрочки. (Казачий съезд! Как же не лакействовать Либерам, Авксентьевым, Черновым и Церетели!) Меньшевики и эсеры петушком побежали за кадетами, как собака поползла на хозяйский свист, под угрозой хозяйского кнута.

Вместо того, чтобы дать народу простую сводку фактических данных, показывающих, как нагло, как бесстыдно кадеты оттягивали и тормозили с марта дело созыва Учредительного собрания; вместо того, чтобы разоблачать лживые увертки и уверения, будто созыв Учредительного собрания в срок невозможен; вместо этого Бюро ЦИК быстро отбросило «сомнения», выдвинутые даже Даном (даже Даном!), и послало двух лакеев от этой лакей-

ской коллегии, Брамсона и Бронзова, во Временное правительство с докладом «о необходимости отсрочить выборы в Учредительное собрание до 28–29 октября...». Великолепное введение к коронации бонапартистов Земским собором в Москве. Кто не дошел до полной подлости, должен сплотиться вокруг партии революционного пролетариата. Без его победы ни мира народу, ни земли крестьянам, ни хлеба рабочим и всем трудящимся *не получить*.

*«Пролетарий» № 6, 1 сентября (19 августа) 1917 г. Подпись: **Н. Карпов***

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Письмо в связи с изданием «Листка по поводу взятия Риги»^[51]

Этот листок, конечно, нельзя издать легально, но необходимо добиваться его издания нелегально. Было бы архиглупо, если бы мы вздумали подвергать опасности закрытия наши легальные газеты (и без того с громадным трудом сохраняемые и страшно для нас важные) и не сумев сделать то, что умели в 1912–1914 гг.: использовать легальные возможности. Ни печатать легально, ни портить статьи (листка), переделывая под легальность, не следует.

И было бы не только глупо, но и подло, если бы мы *ограничились* легальным словом, когда свобода его явно урезана правительством и урезывается ежедневно.

Я знаю, что косность наших большевиков велика и что много труда стоит будет добиться издания нелегальных листков. Но я буду настаивать и настаивать, ибо это требования жизни, требования движения.

Надо издавать нелегально свободные, полным голосом говорящие, не урезающие себя, листки и листовки. Надо подписывать их: «Группа преследуемых большевиков». Можно ограничиться этой подписью, можно добавить на ней, внизу, мелким шрифтом: «Группа преследуемых большевиков составила из тех большевиков, коих преследования правительства заставили работать нелегально». Или еще так: «Группа преследуемых большевиков составила из большевиков, вынужденных преследованиями правительства и отнятием свободы печати издавать нелегально свободные листки, действуя вне рамок легальной большевистской партии».

ЛИСТОК ПО ПОВОДУ ВЗЯТИЯ РИГИ

Рабочие, солдаты и все трудящиеся!

Неприятельские войска заняли Ригу. Мы потерпели еще одно тяжелое поражение. Бедствия, неслыханные бедствия, причиненные народу войной, все усиливаются, все затягиваются.

Из-за чего затягивается война? По-прежнему из-за дележа добычи между разбойниками капиталистами, из-за того, сохраняют ли немецкие хищники-капиталисты Бельгию, Сербию, Польшу, Ригу и пр., сохраняют ли английские хищники-капиталисты Багдад, награбленные ими немецкие колонии, сохраняют ли русские хищники-капиталисты Армению и т. д. Правительство Керенского при участии и поддержке меньшевиков и эсеров бесстыдно обманывает народ, усыпляя его ничего не говорящими и ни к чему не обязывающими фразами об их желании мира, а на деле затягивая грабительскую войну, не публикуя тайные договоры, которые царь заключил с английскими и французскими капиталистами ради обогащения русских капиталистов, получивших обещание Константинополя, Галиции, Армении.

Русский народ и при республике проливает свою кровь ради выполнения тайных договоров, грабительских договоров между капиталистами.

Русских рабочих и крестьян месяцами обманывают «республиканцы» Керенский, Скобелев, Чернов и К^о вместо того, чтобы расторгнуть тайные грабительские договоры, вместо того, чтобы предложить всем воюющим народам точные, ясные, справедливые условия мира.

Керенский с меньшевиками и эсерами обманули народ. Только рабочее правительство может спасти страну, избавить ее от уронов войны, от грабежа мародеров-капиталистов.

Буржуазия по поводу рижского поражения уже предвкушает введение новых каторжных законов и каторжных мер для солдат, рабочих и крестьян. У крестьян уже начали отнимать хлеб, а у капиталистов оставляют их безобразно-высокие прибыли, сохраняют их священную «коммерческую тайну», охраняющую банкиров и миллионеров от разоблачения, не допуская рабочего контроля.

А меньшевики и эсеры, позорно лакействуя перед буржуазией, продолжают поддерживать ее и кричат о необходимости «оставить» «все партийные распри», т. е. об оставлении всевластия капиталистов и грабежа страны капиталистами, о сохранении за ними «свободы» затягивать войну...

Десятки и сотни тысяч народа погибли от наступления, которое в июне начало правительство Керенского, меньшевиков и эсеров. Десятки и сотни тысяч погибли от затягивания войны, пока народ будет терпеть такое правительство.

Только рабочее правительство может спасти страну. Только оно не обманет народа, а немедленно предложит всем странам точные, ясные, справедливые условия мира.

Буржуазия запугивает народ, старается создать панику и уверить темных людей, что нельзя теперь сразу предложить мир, что это значило бы «потерять Ригу» и прочее. Это обман народа.

Даже если бы о мире договаривались правительства, т. е. правительства, охраняющие священные права капиталистов на их награбленные богатства и захваты чужих земель (аннексии), даже тогда предложение мира не означало бы отказа от Риги. Рига есть добыча немецких капиталистов-разбойников. Армения есть добыча русских капиталистов-разбойников. Когда разбойники договариваются о мире, они либо сохраняют каждый свою добычу, либо обмениваются кусками добычи. Так кончались и так будут кончаться все войны, пока власть остается у капиталистов.

Но мы говорим о правительстве *рабочем*, которое одно только может тотчас предложить справедливые условия мира, об этом сотни раз говорили рабочие и крестьяне всей России в бесчисленных наказах и решениях. Эти условия – мир без аннексий, т. е. без захватов чужих земель. Это значит: ни немец, ни русский не сможет насильственно, без добровольного согласия поляков присоединить Польши или Латышского края, ни турок, ни русский не сможет заграбить Армении и так далее.

Но такие справедливые условия мира тотчас предложит рабочее правительство всем воюющим странам без исключения. Пока это не сделано, пока точные, ясные, формальные предложения мира не сделаны, пока остаются тайные грабительские договоры, пока не сломлено всевластие и мародерство капиталистов, наживающих сотни миллионов на военных поставках, – до тех пор все фразы о мире один обман народа, сплошной и бесстыдный обман.

Этим обманом народа заняты все капиталистические правительства, в том числе и правительство Керенского, эсеров и меньшевиков. Все говорят пустые, ни к чему не обязывающие фразы о мире, никто не предлагает точных условий мира, никто не разрывает тайных договоров,

все продолжают на деле затягивать губящую народы преступную, грабительскую войну из-за прибылей капиталистов.

Долой войну! Долой правительство Керенского, меньшевиков и эсеров, обманывающее народ, затягивающее войну, защищающее грабительские интересы капиталистов, оттягивающее выборы в Учредительное собрание!

Только рабочее правительство, поддержанное беднейшими крестьянами, предложит мир, положит конец грабежу капиталистов, даст хлеб и свободу трудящимся. Пусть всякий рабочий и солдат разъясняют народу необходимость свержения правительства Керенского и установления рабочего правительства.

Написано в августе, позднее 22 (4 сентября), 1917 г.

Печатается впервые, по машинописной копии

Политический шантаж

Шантажом называется вымогательство денег под угрозой разоблачения каких-нибудь фактов или вымышленных «историй», могущих быть неприятными разоблачаемому, или под угрозой причинения ему каких-либо других неприятностей.

Политический шантаж есть угроза разоблачением или разоблачение фактических, а чаще вымышленных «историй» в целях политически нанести ущерб, оклеветать, отнять или затруднить противнику возможность политической деятельности.

Наши республиканские, извините за выражение, даже демократические буржуа и мелкие буржуа проявили себя героями политического шантажа, поднимая «кампанию» наветов, лжи и клеветы против неугодных им партий и политических деятелей. Царизм преследовал грубо, дико, зверски. Республиканская буржуазия преследует *грязно*, стараясь запачкать ненавистного ей пролетарского революционера и интернационалиста клеветой, ложью, инсинуациями, наветами, слухами и прочее и прочее.

Большевики в особенности имели честь испытать на себе эти приемы преследования республиканских империалистов. Большевик вообще мог бы применить к себе известное изречение поэта:

Он слышит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья^[52].

Дикие крики озлобленья почти тотчас вслед за началом русской революции несутся против большевика со страниц всей буржуазной и почти всей мелкобуржуазной печати. И большевик, интернационалист, сторонник пролетарской революции, по справедливости, может в этих диких криках озлобления «слышать» звуки одобрения, ибо бешеная ненависть буржуазии часто служит лучшим доказательством правильной и честной службы пролетариату со стороны оклеветанного, травимого, преследуемого.

Шантажный характер клеветнических приемов буржуазии мы можем особенно наглядно иллюстрировать на примере, *не* касающемся нашей партии, на примере эсера Чернова. Заведомые клеветники, члены кадетской партии, с Милюковым и Гессеном во главе, желая запугать или выгнать Чернова, подняли против него травлю за заграничные его, будто бы, «пораженческие» статьи и за прикосновенность его к людям, получавшим будто бы деньги от агентов немецкого империализма. Травля начала разгораться. Вся буржуазная пресса подхватила ее.

Но вот кадеты и эсеры «помирились» на определенном составе министерства. И – о чудо! – «дело» Чернова исчезло!! В несколько дней, без суда, без разбора, без оглашения документов, без опроса свидетелей, без заключения экспертов, – «дело» исчезло. Когда кадеты были недовольны Черновым, возникло клеветническое «дело». Когда кадеты, хотя бы на время, политически помирились с Черновым, «дело» исчезло.

Вот вам, как на ладони, политический шантаж. Газетная травля лиц, клеветы, инсинуации служат в руках буржуазии и таких негодяев, как Милюковы, Гессены, Заславские, Даны и пр., орудием политической борьбы и политической мести. Достигнута политическая цель, – и «дело» против NN или MM «исчезает», доказывая тем грязную натуришку, подлую бесчестность, шантажизм возбудившего «дело».

Ибо ясно, что *не* шантажист ни при каких политических переменах не прекратил бы разоблачения, если бы он разоблачал, руководясь честными побуждениями, что *не* шантажист во всяком случае давал бы свои разоблачения до конца, до приговора суда, до полного

осведомления публики, до сбора и оглашения *всех* документов или до признания открытого и прямого, что с его стороны была ошибка или недоразумение.

Пример Чернова, не большевика, наглядно показывает нам действительную сущность шантажистского похода на большевиков со стороны буржуазной и мелкобуржуазной печати. Когда политическая цель этих рыцарей капитала и прихвостней его казалась им достигнутой, когда большевиков арестовали, газеты их закрыли, – тогда шантажисты *замолчали!* Имея в руках все средства раскрытия истины: и печать, и деньги, и помощь заграничной буржуазии, и содействие «общественного мнения» всей буржуазии России, и дружественную поддержку государственной власти одного из крупнейших государств мира, имея в руках все это, герои похода на большевиков, Милюковы и Гессены, Заславские и Даны, – *замолчали.*

Для всякого честного человека ясно становится то, что сразу стало ясно сознательным рабочим, коих вся жизнь подготавливает к быстрому уразумению приемов буржуазии, – именно: что Милюковы и Гессены, Заславские и Даны и пр. и пр. суть *политические шантажисты*. Надо это закрепить, разъяснить это массам, печатать это ежедневно в газете, собрать документы об этом для брошюры, бойкотировать шантажистов и т. д. и т. д. Вот достойные пролетариата приемы борьбы с клеветой и шантажом!

Одним из последних пострадал от шантажа наш товарищ Каменев. Он «устранился от общественной деятельности» до разбора дела. По нашему мнению, это – ошибка. Шантажистам только того и надо было. Разбирать дело они не хотят. Каменеву достаточно было противопоставить негодяям доверие *своей* партии – и пусть потом лают собаки «Речи», «Биржевки», «Дня»^[53], «Рабочей Газеты» и прочих подлых газет.

Если наша партия будет соглашаться на отстранение от общественной деятельности ее вождей по случаю оклеветания их буржуазией, то партия страшно пострадает, принесет вред пролетариату, доставит удовольствие врагам его. Ибо газет у буржуазии много, шантажистских наемных перьев (вроде Заславского и К^о) у нее есть еще больше, слишком ей будет легко «отстранять» наших партийных работников! О разборе дела, о поисках истины она и не думает.

Нет, товарищи! Не будем поддаваться крикам буржуазной прессы! Не будем доставлять удовольствия негодяям шантажа – Милюковым, Гессенам, Заславским. Будем полагаться на суд пролетариев, сознательных рабочих, *своей* партии, состоящей из 240 000 интернационалистов. Не забудем, что во всем мире интернационалистов преследует буржуазия в союзе с оборонцами приемами лжи, клеветы, шантажа.

Будем стойки в клеймении шантажистов. Будем непреклонны в разборе малейших сомнений судом сознательных рабочих, судом *своей* партии, ей мы верим, в ней мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, в международном союзе революционных интернационалистов видим мы единственный залог освободительного движения рабочего класса.

И никакой податливости «общественному мнению» тех, кто сидит в одном министерстве с кадетами, кто подает руки Милюковым, Данам, Заславским!

Долой политических шантажистов! Презрение и бойкот им! Неустанное разоблачение их подлых имен перед рабочими массами! Мы должны твердо идти *своей* дорогой, охранять работоспособность *своей* партии, охранять ее вождей от того даже, чтобы они тратили время на пакостников и их пакостные клеветы.

«Пролетарий» № 10, 6 сентября (24 августа) 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Пролетарий»

Бумажные резолюции

Господин Церетели – один из самых болтливых «социалистических» министров и вождей мешанства. Трудно заставить себя прочитывать до конца его бесчисленные речи, до такой степени бессодержательны и пошлы эти, ровно ничего не говорящие, ни к чему не обязывающие, ровно никакого серьезного значения не имеющие, поистине «министерские» речи. Особенно невыносимым делает эти красноречивые «выступления» (которые именно своей пустотой должны были сделать из Церетели любимчика буржуазии) бесконечная самовлюбленность оратора, и трудно бывает решить, тупость ли сверхобычная или циничное политическое делячество прикрывается прилизанными, гладенькими и сладенькими фразами.

Чем бессодержательнее речь Церетели, тем с большей энергией надо подчеркнуть совершенно невероятное, исключительное происшествие, случившееся с этим оратором в пленарном заседании Петроградского Совета 18-го августа^[54]. Невероятно – но факт: Церетели обмолвился простым, ясным, дельным, правдивым словом. Он обмолвился таким словом, которое правдиво выражает глубокую и серьезную политическую истину, имеющую не случайное значение, а характеризующую все современное политическое положение в его существенных, коренных чертах, в его основах.

Церетели сказал, по отчету «Речи» (читатель помнит, конечно, что Церетели восставал против резолюции об отмене смертной казни):

«...Никакие ваши резолюции не помогут. Здесь необходимы не бумажные резолюции, а реальные дела...».

Что правда, то правда. Умные речи приятно и слушать...

Конечно, этой правдой Церетели бьет прежде всего и больше всего самого себя. Ибо именно он, как один из виднейших вождей Совета, способствовал протитуированию этого учреждения, низведению его до жалкой роли какого-то либерального собрания, оставляющего в наследство миру архив образцово бессильных добреньких пожеланий. Кто иной, а Церетели, прошедший через кастрированный эсерами и меньшевиками Совет сотни «бумажных резолюций», меньше всего имел бы право, когда дошло дело до принятия больно бьющей его самой резолюции, кричать о «бумажных резолюциях». Церетели поставил себя в особенно смешное положение парламентария, который больше всего с «парламентскими» резолюциями возился, больше всего превозносил до небес их значение, больше всего над ними хлопотал, а когда получил резолюцию *против себя*, то закричал во все горло «зелен виноград», собственно говоря, ведь резолюция-то бумажная.

А все же правда, хотя и фальшивым человеком, хотя и фальшивым тоном сказанная, остается правдой.

Резолюция бумажная не потому, почему ее объявил бумажной бывший министр Церетели, полагающий, что для защиты революции (не шутите!) необходима смертная казнь. Резолюция бумажная потому, что в ней повторяется шаблонная, с марта 1917 года наизусть заученная и бессмысленно повторяемая формула: «Совет требует от Временного правительства». Привыкли «требовать» и повторяют по привычке, не замечая, что положение изменилось, сила отошла, а «требование», не опирающееся на силу, смешно.

Мало того, шаблонно повторяемое «требование» внушает массам иллюзии, будто положение не изменилось, будто Совет сила, будто, заявив «требование», Совет сделал дело и может пойти лечь спать сном исполнившего свой долг «революционного» (извините...) «демократа».

Иной читатель, пожалуй, спросит: неужели не надо было большевикам, сторонникам политической трезвости, учета сил, противникам фразы голосовать за резолюцию.

Нет. Голосовать надо было за, уже потому, что в одном параграфе резолюции (§ 3) содержится прекрасная, верная мысль (основная, главная, решающая), что смертная казнь есть орудие против *масс* (другое дело, если бы речь шла об орудии против помещиков и капиталистов). Голосовать надо было за, хотя мещане эсеры испакостили текст Мартова и вместо ссылки на «чуждые интересам народа империалистические» цели вставили безусловно лживую, обманывающую народ, прикрашивающую грабительскую войну, фразу о «защите родины и революции».

Голосовать надо было за, оговоривши свое несогласие с отдельными местами и сделав заявление: рабочие! не думайте, что Совет в состоянии теперь что-либо требовать от Временного правительства. Не поддавайтесь иллюзиям. Знайте, что Совет *уже* не в силах требовать, а *теперешнее* правительство полный пленник контрреволюционной буржуазии. Думайте посерьезнее об этой горькой истине. Никто не мог помешать членам Совета голосовать *за*, сделав в той или иной форме такие оговорки.

И тогда резолюция перестала бы быть «бумажной».

И тогда мы обошли бы провокаторский вопрос Церетели, который спрашивал членов Совета, хотят ли они «свергать» Временное правительство – совершенно так же, буквально так же, как Катков спрашивал либералов при Александре III, хотят ли они «свергать» самодержавие. Мы бы ответили экс-министру: любезный гражданин, вы только что издали каторжный закон против тех, кто «посягает» или даже только покушается «свергать» правительство (образованное по соглашению помещиков и капиталистов с мелкобуржуазными предателями демократии). Мы вполне понимаем, что вас еще больше хвалили бы все буржуа, если бы вы «подвели» несколько большевиков под этот приятный (для вас) закон. Но не удивляйтесь, если мы не ставим своей задачей облегчать вам нахождение случаев применения этого «приятного» закона.

* * *

Как солнце в малой капле воды, отразился в инциденте 18-го августа весь политический строй России. Бонапартистское правительство, смертная казнь, каторжный закон, подслащивание этих «приятных» (для провокаторов) вещей совершенно такими же фразами, которые рассыпал Луи-Наполеон, – о равенстве, братстве, свободе, чести и достоинстве родины, о традициях великой революции, о подавлении анархии.

Сладенькие, до приторности сладенькие мелкобуржуазные министры и экс-министры, которые бьют себя в грудь, уверяя, что у них есть душа, что они ее губят, вводя и применяя против масс смертную казнь, что они плачут при этом – улучшенное издание того «педагога» 60-х годов прошлого века, который следовал заветам Пирогова и порол не попросту, не по-обычному, не по-старому, а поливая человеколюбивой слезой «законно» и «справедливо» подвергнутого порке обывательского сына.

Крестьяне, обманутые своими мелкобуржуазными вождями и продолжающие верить, что от бракосочетания блока эсеров и меньшевиков с буржуазией может родиться... отмена частной собственности на землю без выкупа.

Рабочие... ну, о том, что думают рабочие, мы помолчим, пока «гуманный» Церетели не отменит нового каторжного закона.

«Рабочий» № 2,8 сентября (26 августа) 1917 г.

Печатается по тексту газеты «Рабочий»

О Стокгольмской конференции

Многие интересуются теперь снова Стокгольмской конференцией. Вопрос о ее значении усиленно обсуждался газетами. Вопрос этот неразрывно связан с оценкой самых основ всего современного социализма, в его отношении к империалистической войне в особенности. Вот почему на Стокгольмской конференции следует остановиться поподробнее.

Революционные социал-демократы, т. е. большевики, с самого начала высказывались против участия в этой конференции. Они исходили при этом из принципиальных оснований. Всем известно, что социалисты во всем мире, во всех странах, как воюющих, так и нейтральных, раскололись по вопросу об отношении к войне на два крупных, основных деления. Одни встали на сторону своих правительств, своей буржуазии. Мы называем их социал-шовинистами, т. е. социалистами на словах, шовинистами на деле. Шовинистом зовется тот, кто понятием «защита отечества» прикрывает защиту грабительских интересов «своих» правящих классов. В настоящей войне буржуазия обеих воюющих коалиций преследует грабительские цели: немецкая – воюет за ограбление Бельгии, Сербии и т. д., английская и французская – за ограбление немецких колоний и проч., русская – за ограбление Австрии (Львов), Турции (Армения, Константинополь).

Поэтому те социалисты, которые стали на точку зрения своей буржуазии в настоящей войне, перестали быть социалистами, изменили рабочему классу, перешли на деле в лагерь буржуазии. Они стали классовыми врагами пролетариата. И история европейского и американского социализма, особенно за эпоху II Интернационала, т. е. за время с 1889 по 1914 год, показывает нам, что такой переход части социалистов, особенно большинства вождей и парламентариев, на сторону буржуазии – не случайность. Во всех странах именно оппортунистическое крыло социализма поставило главные кадры социал-шовинистов. Социал-шовинизм, если рассматривать его научно, т. е. не выхватывать отдельных лиц, а брать целое международное течение в его развитии, в совокупности его общественных связей, есть оппортунизм, дошедший до своего логического конца.

В пролетарских массах повсюду в более или менее ясной и острой форме наблюдается сознание предательства социализма социал-шовинистами, ненависть и презрение к виднейшим социал-шовинистам, каковы Плеханов в России, Шейдеман в Германии, Гед и Ренодель с К^о во Франции, Гайндман и т. д. в Англии и проч. и проч.

Во всех странах за время войны наметилось, несмотря на отчаянные преследования со стороны буржуазии и затыкание рта, течение революционного интернационализма. Это течение осталось верно социализму. Оно не поддавалось шовинизму, не позволило прикрывать его лживыми фразами о защите отечества, а разоблачало всю ложь этих фраз, всю преступность данной войны, которую буржуазия обеих коалиций ведет ради грабительских целей. К этому течению принадлежат, например, Маклин в Англии, осужденный на полтора года каторги за борьбу против грабительской английской буржуазии, Карл Либкнехт в Германии, осужденный на каторгу разбойниками германского империализма за такое «преступление», как призыв к революции в Германии и разоблачение грабительского характера войны с ее стороны. К этому же течению принадлежат большевики в России, преследуемые агентами русского республиканско-демократического империализма за такое же «преступление», за которое преследуют Маклина и Карла Либкнехта.

Это направление единственно верно социализму. Это направление одно только не изменило тому торжественному заявлению своих убеждений, тому торжественному обещанию, которое единогласно подписали социалисты всего мира, всех стран без исключения в ноябре 1912 года в Базельском манифесте^[55]. В этом манифесте говорится, как раз, не о войне вообще, – войны бывают разные, – а именно о той войне, которая в 1912 году явно для

всех подготавливалась и в 1914 году разразилась, о войне между Германией и Англией с их союзниками из-за мирового господства. И перед лицом такой войны Базельский манифест ни одним звуком не упоминает ни об обязанности, ни о праве социалистов «защищать отечество» (т. е. оправдывать свое участие в войне), а говорит с полнейшей определенностью, что такая война должна вести к «пролетарской революции». Измена социализму со стороны социал-шовинистов всех стран особенно наглядно видна из того, что они все обходят теперь трусливо, как вор обходит место кражи, то место Базельского манифеста, где говорится о связи именно данной войны с пролетарской революцией.

Понятно, какая непроходимая пропасть существует между социалистами, оставшимися верными Базельскому манифесту и «отвечающими» на войну проповедью и подготовкой пролетарской революции, и социал-шовинистами, отвечающими на войну поддержкой «своей» национальной буржуазии. Понятно, как беспомощны, наивны и лицемерны потуги «примирить» или «объединить» то и иное течение.

Именно такие потуги во всем их убожестве наблюдаются со стороны третьего течения в мировом социализме, так называемого течения «центра» или «каутскианства» (по имени самого видного представителя «центра» – Карла Каутского). За все три года войны это течение во всех странах обнаружило свою полную безыдейность и беспомощность. В Германии, например, ход событий заставил каутскианцев расколоться с немецкими Плехановыми и образовать особую, так называемую «независимую с.-д. партию»^[56], и все же эта партия боится сделать необходимые выводы, проповедует «единство» с социал-шовинистами в международном масштабе, продолжает обманывать рабочие массы надеждой на восстановление такого единства в Германии, тормозит единственно правильную пролетарскую тактику революционной борьбы со «своим» правительством, борьбы и во время войны, борьбы, которая может и должна изменять свои формы, но которая не может быть отсрочиваема, отодвигается.

Вот каково положение дел в международном социализме. Без ясной оценки этого положения, без принципиального взгляда на все течения международного социализма нельзя и подступиться к вопросу практического характера, например, к вопросу о Стокгольмской конференции. А между тем принципиальную оценку *всех* течений международного социализма дала *только* партия большевиков в подробной резолюции, принятой на конференции 24–29 апреля 1917 года и подтвержденной VI съездом нашей партии в августе. Забывать эту принципиальную оценку и рассуждать о Стокгольме помимо нее, значит становиться на почву полной беспринципности.

Как образец этой беспринципности, господствующей в среде всех мелкобуржуазных демократов, эсеров и меньшевиков, можно указать статью в «Новой Жизни» от 10 августа. Статья эта именно потому и заслуживает внимания, что собирает вместе, в газете, стоящей на самом левом крыле мелкобуржуазных демократов, самые распространенные ошибки, предрассудки, безыдейность насчет Стокгольма.

«Можно относиться к Стокгольмской конференции, – пишет передовица «Новой Жизни», – по тем или иным причинам отрицательно, можно принципиально осуждать попытки соглашения «оборонческих большинств». Но зачем же отрицать то, что своей очевидностью бьет в глаза? Ведь после известного решения английских рабочих, вызвавшего политический кризис в стране и произведшего первую глубокую трещину в «национальном единении» Великобритании, – конференция приобрела значение, которого она до сих пор еще не имела».

Это рассуждение – образец беспринципности. В самом деле, каким образом из того бесспорного факта, что по поводу Стокгольмской конференции дало глубокую трещину

«национальное единение» в Англии, можно вывести вывод, будто мы обязаны заклеивать, а не углублять эту трещину. Принципиальный вопрос стоит так и только так: разрыв с оборонцами (социал-шовинистами) или соглашение с ними. Стокгольмская конференция была одной из многих попыток соглашения. Она не удалась. Ее неудача вызвана тем, что англо-французские империалисты *сейчас* вести переговоры о мире не согласны, а немецкие империалисты согласны. Английские рабочие яснее почувствовали обман их английской империалистской буржуазией.

Спрашивается, как надо это использовать? Мы, революционные интернационалисты, говорим: это надо использовать для углубления разрыва пролетарских масс со своими социал-шовинистами, для доведения этого разрыва до конца, для устранения всех и всяких помех развитию революционной борьбы масс со своими правительствами, со своей буржуазией. Действуя так, именно мы и только мы углубляем трещину и доводим ее до разрыва.

А идущие в Стокгольм, или, вернее, проповедующие массам необходимость идти туда, теперь, когда жизнь «ушла» эту затею, – чего они достигают на деле? Только того, что заклеивают трещину, ибо Стокгольмская конференция заведомо собирается и поддерживается людьми, поддерживающими *свои* правительства, министерствами Черновыми и Церетели, Стаунингами, Брантингами, Трульстра, не говоря о Шейдеманах.

Вот что «своей очевидностью бьет всем в глаза», вот что забывают или затушевывают оппортунисты из «Новой Жизни», рассуждая совершенно беспринципно, вне общей оценки социал-шовинизма, как течения. Стокгольмская конференция есть собеседование министров, состоящих в империалистских правительствах. Как ни старается «Новая Жизнь» обойти этот факт, его не обойдешь. Звать рабочих идти в Стокгольм, звать их дожидаться Стокгольма, звать их возлагать какие бы то ни было надежды на Стокгольм, это значит говорить массам: вы можете, вы должны ждать добра от соглашения мелкобуржуазных партий и министров, состоящих в империалистских правительствах, поддерживающих империалистские правительства.

Именно эту беспринципнейшую, вреднейшую пропаганду «Новая Жизнь», сама того не замечая, и ведет.

Из-за конфликта между социал-шовинистами англо-французскими и их правительствами она забывает, что такими же социал-шовинистами, поддерживающими свои правительства, остаются Черновы, Скобелевы, Церетели, Авксентьевы, Брантинги, Стаунинги, Шейдемань. Разве это не беспринципность?

Вместо того, чтобы говорить рабочим: смотрите, англо-французские империалисты не позволили даже своим социал-шовинистам идти поговорить с социал-шовинистами немецкими, – значит война грабительская и со стороны Англии и Франции, – значит, кроме разрыва со *всеми* правительствами, со *всеми* социал-шовинистами до конца нет спасения, – вместо того, чтобы говорить это, «Новая Жизнь» утешает рабочих иллюзиями:

«В Стокгольме, – пишет она, – собираются прийти к соглашению о мире и совместно выработать общий план *борьбы*: отказ голосования кредитов, разрыв с «национальным единением», отзыв министров из правительств и т. п.».

Вся доказательность этой, насквозь лживой, фразы сводится к тому, что слово «борьба» набрано в ней жирным шрифтом. Нечего сказать, хорошее доказательство!

Через три года войны все еще кормить рабочих пустейшими посулами: «в Стокгольме собираются» разорвать с национальным единением...

Собираются это сделать кто? Шейдемань, Черновы, Скобелевы, Авксентьевы, Церетели, Стаунинги, Брантинги, т. е. именно люди (и партии), по несколько лет и по несколько месяцев проводящие политику национального единения. Как бы искренна ни была вера

«Новой Жизни» в такое чудо, как бы добросовестно она ни исповедовала убеждение, будто это возможно, мы должны все же сказать, что «Новая Жизнь» распространяет величайший обман среди рабочих.

«Новая Жизнь» обманывает рабочих, внушая им доверие к социал-шовинистам: у нее выходит так, что вот-де хотя до сих пор социал-шовинисты и входили в министерства и проводили политику национального единения, но в Стокгольме в ближайшем будущем они договорятся, согласятся, столкнутся и перестанут так поступать. Они начнут борьбу за мир, они откажутся от голосования кредитов и прочее, и прочее...

Все это сплошной и величайший обман. Все это есть реакционное утешение и успокаивание рабочих, внушение им доверия к социал-шовинистам. Но ведь те социалисты, которые не на словах, не для самообмана, не для обмана рабочих «борются за мир», давным-давно начали такую борьбу, не дожидаясь никаких международных конференций, начали такую борьбу именно разрывом национального единения, именно так, как Маклин в Англии, Карл Либкнехт в Германии, большевики в России.

«Мы вполне понимаем, – пишет «Новая Жизнь», – законный и здоровый скептицизм большевиков по отношению к Реноделям и Шейдеманам, но публицисты из «Рабочего и Солдата» доктринерски не хотят из-за деревьев видеть леса: они не учитывают перемены настроения в массах, на которые опирались Ренодель и Шейдеман». Дело не в скептицизме, господа, – это у вас преобладающее настроение есть интеллигентский скептицизм, прикрывающий и выражающий беспринципность. Мы не скептики по отношению к Реноделям и Шейдеманам, мы враги их. Это «две большие разницы». Мы порвали с ними и зовем массы рвать с ними. Именно мы и только мы «учитываем» и перемену настроения в массах, и нечто еще гораздо более важное и более глубокое, чем настроение и его перемена: основные интересы масс, непримиримость этих интересов с политикой социал-шовинизма, представляемой Реноделями и Шейдеманами. В Стокгольме господчики из «Новой Жизни» вместе с министрами российского империалистического правительства встретятся как раз с Шейдеманами и Реноделями (ибо Стаунинг и Трульстра, не говоря уже об Авксентьеве и Скобелеве, ничем серьезно не отличаются от Реноделей). А мы от стокгольмской комедии между социал-шовинистами, в среде социал-шовинистов, отворачиваемся как раз с тем и для того, чтобы открывать глаза *массам*, чтобы их интересы выражать, их звать на революцию, их перемену настроения использовать не для беспринципного подлаживания под данное настроение, а для принципиальной борьбы за полный разрыв с социал-шовинизмом.

«...Большевики, – пишет «Новая Жизнь», – любят колоть глаза интернационалистам, идущим в Стокгольм, их соглашательством с Шейдеманами и Гендерсонами, «не замечая», что сами они по отношению к конференции, – разумеется, по глубоко различным причинам, – идут вместе с Плехановыми, Гедами и Гайндманами».

Неверно, что мы идем вместе с Плехановыми по отношению к конференции! Это явная нелепость. Мы совпадаем с Плехановыми в нежелании идти на половинчатую конференцию с частью социал-шовинистов. Но наше *отношение* к конференции совсем не то, ни принципиально, ни практически не то, каково отношение Плехановых. Между тем, вы, называющие себя интернационалистами, вы действительно идете вместе на конференцию с Шейдеманами, Стаунингами, Брантингами, вы действительно соглашательствуете с ними. Ведь это факт. «Великим делом объединения международного пролетариата» вы называете мелкое, мизерное, в значительной степени интриганское, зависимое от империалистов одной из коалиций, дело *объединения социал-шовинистов*. Это факт.

Вы, якобы интернационалисты, не можете проповедовать массам участия в Стокгольме (очень вероятно, что дальше проповеди дело не пойдет, ибо конференция не состоится, но

идейное значение проповеди останется), – вы не можете проповедовать массам участия в Стокгольме, не говоря кучи неправд, не сея иллюзий, не подкрашивая социал-шовинистов, не внушая массам надежды на то, будто Стаунинги и Брантинги, Скобелевы и Авксентьевы способны всерьез порвать «национальное единение».

Между тем, мы, большевики, в своей пропаганде против Стокгольма говорим массам всю правду, продолжаем разоблачать социал-шовинистов и политику соглашения с ними, ведем массы к полному разрыву с ними. Если дело сложилось так, что немецкий империализм считает для себя данный момент удобным для участия в Стокгольме и посылает туда своих агентов – Шейдеманов, а английский империализм считает момент для себя неудобным, не хочет теперь даже говорить о мире, то мы разоблачаем английский империализм и пользуемся конфликтом между ним и английскими пролетарскими массами для углубления их сознания, для усиленной пропаганды интернационализма, для разъяснения им необходимости полного разрыва с социал-шовинизмом.

Якобы интернационалисты из «Новой Жизни» поступают как интеллигентские импрессионисты, т. е. люди, бесхарактерно поддающиеся настроению минуты и забывающие основные принципы интернационализма. Люди из «Новой Жизни» рассуждают так: раз английский империализм *против* Стокгольмской конференции, значит мы должны быть *за*. Значит конференция приобрела значение, которого она до сих пор не имела.

Рассуждать так, значит на деле впасть в беспринципность, ибо ведь немецкий империализм сейчас *за* Стокгольмскую конференцию из-за своих корыстных и грабительских империалистических интересов. Чего же стоит «интернационализм» таких «интернационалистов», которые боятся прямо признать этот бесспорный и очевидный факт, которые вынуждены прятаться от него. Где же у вас гарантии, господа, что, участвуя в Стокгольме вместе с Шейдеманами, Стаунингами и К^о, вы не явитесь фактически игрушкой, орудием в руках тайных дипломатов немецкого империализма? У вас таких гарантий быть не может. Их нет. Стокгольмская конференция, если она все же состоится, что очень мало вероятно, будет попыткой немецких империалистов позондировать почву насчет возможности такого-то или такого-то обмена аннексий. Вот каково будет реальное, действительное значение красноречивых речей Шейдеманов со Скобелевыми и К^о. А если эта конференция не состоится, реальное значение будет иметь ваша проповедь массам, внушающая им лживые надежды на социал-шовинистов, на их близкое, возможное, вероятное «исправление».

В обоих случаях вы, желая быть интернационалистами, на деле оказываетесь пособниками социал-шовинистов то одной коалиции, то обеих коалиций.

А мы учитываем все перипетии и частности политики, оставаясь последовательными интернационалистами, проповедуя братский союз рабочих, разрыв с социал-шовинистами, работу над пролетарской революцией.

«Рабочий» № 2,8 сентября (26 августа) 1917 г. Подпись: Н. К—ов

Печатается по тексту газеты «Рабочий»

Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие

В № 88 «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов»^[57] от 19 августа напечатана чрезвычайно интересная статья, которая должна бы стать одним из основных документов в руках всякого партийного пропагандиста и агитатора, имеющего дело с крестьянством, в руках всякого сознательного рабочего, направляющегося в деревню или соприкасающегося с ней.

Эта статья – «Примерный наказ, составленный на основании 242-х наказов, доставленных местными депутатами на 1-й Всероссийский съезд крестьянских депутатов в Петрограде в 1917 году».

Было бы крайне желательно, чтобы Совет крестьянских депутатов опубликовал как можно более подробные данные обо всех этих наказах (если уже абсолютно невозможно напечатать все их полностью, что было бы, конечно, всего лучше). Например, особенно необходим полный список губерний, уездов, волостей с указанием, сколько наказов из каждой местности доставлено, время составления или доставления наказов, анализ основных хотя бы требований, чтобы можно было видеть, заметны ли различия по районам относительно тех или других пунктов. Скажем, район подворного и общинного землевладения, районы великорусские и инонациональные, районы центра и районы окраин, районы, не знавшие крепостного права, и пр. – отличаются ли они постановкой вопроса об отмене права собственности на все *крестьянские* земли, о периодических переделах земли, о недопущении наемного труда, о конфискации инвентаря и скота у помещиков и проч. и проч. Научное изучение необыкновенно ценного материала крестьянских наказов без таких подробных данных невозможно. А мы, марксисты, всеми силами должны стремиться к научному изучению фактов, лежащих в основе нашей политики.

За неимением лучшего материала *сводка наказов* (так мы будем называть «примерный наказ»), пока не доказана в ней какая-либо фактическая неверность, остается единственным в своем роде материалом, который, повторяем, обязательно должен быть в руках каждого члена нашей партии.

Первая часть сводки наказов посвящена общим политическим положениям, требованиям политической демократии; вторая – вопросу о земле. (Будем надеяться, что Всероссийский Совет крестьянских депутатов или кто-либо другой произведет сводку крестьянских наказов и резолюций по вопросу о войне.) На первой части мы не будем сейчас останавливаться подробно и отметим лишь два пункта. В § 6 требуется выборность всех должностных лиц; в 11 § упразднение, по окончании войны, постоянной армии. Эти пункты делают политическую программу крестьян *всего ближе* стоящей к программе партии большевиков. Опираясь на эти пункты, мы должны во всей своей пропаганде и агитации указывать и доказывать, что меньшевистские и эсеровские вожди суть изменники не только социализма, но и демократии, ибо они отстаивали, например, в Кронштадте, вопреки воле населения, вопреки принципам демократии, в угоду капиталистам, должность комиссара, *утверждаемого* правительством, т. е. не чисто выборную. Эсеровские и меньшевистские вожди в районных думах Питера и в других учреждениях местного самоуправления, вопреки принципам демократии, борются против большевистского требования немедленно начать введение рабочей милиции, а затем переход ко всенародной милиции.

Земельные требования крестьянства, по сводке наказов, состоят прежде всего в безвозмездной отмене частной собственности на земли всех видов, вплоть до крестьянских; в передаче государству или общинам земельных участков с высококультурными хозяйствами; в конфискации всего живого и мертвого инвентаря конфискованных земель (исключаются малоземельные крестьяне), с передачей его государству или общинам; в недопущении наем-

ного труда; в уравнительном распределении земли между трудящимися, с периодическими переделами, и т. д. В качестве мер переходного времени до созыва Учредительного собрания крестьяне требуют *немедленного* издания законов о запрещении купли-продажи земли, отмены законов о выделе из общины, отрубам и пр., об охране лесов, рыбных и пр. промыслов и т. д., об отмене долгосрочных и пересмотре краткосрочных арендных договоров и т. под.

Достаточно небольшого размышления над этими требованиями, чтобы увидеть полную невозможность осуществлять их *в союзе* с капиталистами, без полного разрыва с ними, без самой решительной и беспощадной борьбы с классом капиталистов, без свержения его господства.

В том-то и состоит самообман социалистов-революционеров и обман ими крестьянства, что они допускают и распространяют мысль, будто такие преобразования, будто *подобные* преобразования возможны без свержения господства капиталистов, без перехода всей государственной власти к пролетариату, без поддержки беднейшим крестьянством самых решительных, революционных мер пролетарской государственной власти против капиталистов. В том-то и значение выделяющегося левого крыла «социалистов-революционеров», что оно доказывает рост сознания этого обмана внутри самой этой партии.

В самом деле, конфискация всей частновладельческой земли означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большею частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов. При этом речь идет о наиболее централизованном, банковом капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден только не менее централизованной силой городского пролетариата.

Далее. Передача государству высококультурных хозяйств. Не очевидно ли, что «государство», способное взять их и вести хозяйство действительно в пользу трудящихся, а не в пользу чиновников и тех же капиталистов, должно быть пролетарским революционным государством.

Конфискация конских заводов и проч., затем всего живого и мертвого инвентаря – это не только еще и еще гигантские удары по частной собственности на средства производства. Это – шаги к социализму, ибо переход *инвентаря* «в исключительное пользование государства или общины» означает необходимость крупного, социалистического земледелия или по крайней мере социалистического контроля за объединенными мелкими хозяйствами, социалистического регулирования их хозяйства.

А «недопущение» наемного труда? Это пустая фраза, беспомощное, бессознательно-наивное пожелание забитых мелких хозяйчиков, которые не видят, что вся капиталистическая промышленность встанет при отсутствии резервной армии наемного труда в деревне, что нельзя «не допустить» наемного труда в деревне, допуская его в городе, что, наконец, «недопущение» наемного труда и означает не что иное, как шаг к социализму.

И здесь мы подошли к коренному вопросу об отношении рабочих к крестьянам.

Более 20-ти лет существует массовое социал-демократическое рабочее движение в России (если считать с больших стачек 1896 года). За этот большой промежуток времени, через две великие революции, красной нитью через всю политическую историю России тянется вопрос: рабочему ли классу вести крестьян вперед, к социализму, или либеральному буржуа оттащить их назад, к примирению с капитализмом.

Оппортунистическое крыло социал-демократии все время рассуждает по следующей премудрой формуле: *так как* социалисты-революционеры мелкие буржуа, поэтому «мы» отбрасываем их мещански-утопический взгляд на социализм *во имя* буржуазного отрицания социализма. Марксизм благополучно подменяется струвизмом, и меньшевизм скатывается

до роли кадетского лакея, «примиряющего» крестьян с господством буржуазии. Церетели и Скобелев, под ручку с Черновым и Авксентьевым, занятые подписыванием, от имени «революционной демократии», реакционных помещичьих указов кадетов – таково последнее и самое наглядное выражение этой роли.

Революционная социал-демократия, никогда не отказывавшаяся от критики мелкобуржуазных иллюзий эсеров, *никогда не блокировавшаяся* с ними иначе как *против* кадетов, все время борется за *вырывание* крестьян из-под влияния кадетов и противопоставляет мещански-утопическому взгляду на социализм не либеральное примирение с капитализмом, а революционно-пролетарский путь к социализму.

Теперь, когда война необыкновенно ускорила развитие, обострила кризис капитализма невероятно, поставила народы перед немедленным выбором: гибель или тотчас решительные шаги к социализму, – теперь вся пропасть расхождения между полулиберальным меньшевизмом и революционно-пролетарским большевизмом выступает наглядно, практически, как вопрос действия десятков миллионов крестьян.

Миритесь с господством капитала, *ибо* для социализма «мы» еще не созрели, – вот что говорят крестьянам меньшевики, подменяя, между прочим, абстрактным вопросом о «социализме» вообще конкретный вопрос, можно ли лечить раны, нанесенные войной, без решительных шагов к социализму.

Миритесь с капитализмом, *ибо* социалисты-революционеры – мелкобуржуазные утописты, – вот что говорят крестьянам меньшевики и вместе с эсерами идут поддерживать кадетское правительство...

А эсеры, бия себя в грудь, уверяют крестьян, что они против всякого мира с капиталистами, что они никогда не считали русскую революцию буржуазной, – и *поэтому* идут в блок *именно* с оппортунистами социал-демократами, идут поддерживать *именно* буржуазное правительство... Эсеры подписывают какие угодно, самые что ни на есть революционные, программы крестьянства – с тем, чтобы не исполнять их, с тем, чтобы класть их под сукно, чтобы обманывать крестьян пустейшими обещаниями, на деле занимаясь месяцами «соглашательством» с кадетами в коалиционном министерстве.

Эта вопиющая, практическая, непосредственная, осязательная измена эсеров интересам крестьянства чрезвычайно видоизменяет положение. Надо учесть эту перемену. Нельзя только по-старому агитировать против эсеров, только так, как мы это делали в 1902–1903 годах и в 1905–1907 годах. Нельзя ограничиваться теоретическими разоблачениями мелкобуржуазных иллюзий «социализации земли», «уравнительного землепользования», «недопущения наемного труда» и т. п.

Тогда был канун буржуазной революции или недовершенная буржуазная революция, и вся задача состояла в том, чтобы довести ее до свержения монархии, прежде всего.

Теперь монархия свергнута. Буржуазная революция завершена постольку, поскольку Россия оказалась демократической республикой с правительством из кадетов, меньшевиков и эсеров. А война за три года подтащила нас вперед лет на тридцать, создала в Европе всеобщую трудовую повинность и принудительное синдицирование предприятий, довела самые передовые страны до голода и неслыханного разорения, заставляя делать шаги к социализму.

Только пролетариат и крестьянство могут свергнуть монархию – таково было основное, по тогдашнему времени, определение нашей классовой политики. И это определение было верно. Февраль и март 1917 года лишний раз подтвердили это.

Только пролетариат, руководящий беднейшим крестьянством (полупролетариями, как говорит наша программа), может кончить войну демократическим миром, залечить ее раны, начать ставшие безусловно необходимыми и *неотложными* шаги к социализму – таково определение нашей классовой политики теперь.

Отсюда вывод: центр тяжести в пропаганде и агитации против эсеров надо переносить на то, что они изменили крестьянам. Они представляют не массу крестьянской бедноты, а меньшинство зажиточных хозяев. Они ведут крестьянство не к союзу с рабочими, а к союзу с капиталистами, т. е. к подчинению им. Они продали интересы трудящейся и эксплуатируемой массы за министерские местечки, за блок с меньшевиками и с кадетами.

История, ускоренная войной, так далеко шагнула вперед, что старые формулы заполнились новым содержанием. «Недопущение наемного труда», это значило раньше *только*: пустая фраза мелкобуржуазного интеллигента. Это значит теперь в жизни иное: миллионы крестьянской бедноты в 242-х наказах говорят, что они хотят идти к отмене наемного труда, но не знают, как это сделать. Мы знаем, как это сделать. Мы знаем, что это можно сделать только в союзе с рабочими, под их руководством, против капиталистов, а не «соглашательства» с капиталистами.

Вот как должна измениться теперь основная линия нашей пропаганды и агитации против эсеров, основная линия наших речей к крестьянству.

Эсеровская партия изменила вам, товарищи крестьяне. Она изменила хижинам и стала на сторону дворцов, если не дворцов монарха, то тех дворцов, где кадеты, злейшие враги революции и крестьянской революции особенно, заседают в одном правительстве с Черновыми, Пешехоновыми, Авксентьевыми.

Только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может *на деле* выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах. Ибо революционный пролетариат *действительно* идет к отмене наемного труда единственным верным путем, свержением капитала, а не запрещением нанимать работничка, не «недопущением» этого. Революционный пролетариат действительно идет к конфискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий, к тому, чего крестьяне хотят, и чего эсеры им дать *не могут*.

Вот как должна измениться теперь основная линия речей рабочего к крестьянину. Мы, рабочие, можем дать и дадим вам то, чего крестьянская беднота хочет и ищет, не всегда зная, где и как искать. Мы, рабочие, *против капиталистов* отстаиваем интересы свои и в то же время интересы гигантского большинства крестьян, а эсеры, идя в союз с капиталистами, изменяют этим интересам.

* * *

Напомним читателю, что говорил Энгельс незадолго до своей смерти о крестьянском вопросе. Энгельс подчеркивал, что социалисты в мыслях не имеют экспроприировать мелких крестьян, что лишь *силой примера* будут выясняться им преимущества машинного социалистического земледелия^[58].

Война поставила сейчас практически перед Россией вопрос именно подобного рода. Инвентаря мало. Конфисковать его и «не делить» высококультурных хозяйств.

Это крестьяне начали понимать. Нужда заставила понять. Война заставила, ибо инвентаря взять негде. Надо беречь его. А крупное хозяйство – это и значит сбережение труда на инвентаре, как и на многом другом.

Крестьяне хотят оставить у себя мелкое хозяйство, уравнительно его нормировать, периодически снова уравнивать... Пусть. Из-за этого ни один разумный социалист не разойдется с крестьянской беднотой. Если земли будут конфискованы, *значит* господство банков подорвано, если инвентарь будет конфискован, *значит* господство капитала подорвано, – то *при господстве пролетариата в центре*, при переходе политической власти к пролетариату, остальное приложится *само собою*, явится в результате «силы примера», подсказано будет самой практикой.

Переход политической власти к пролетариату – вот в чем суть. И тогда все существенное, основное, коренное в программе 242-х наказов *становится осуществимым*. А жизнь покажет, с какими видоизменениями это осуществится. Это дело девятое. Мы не доктринеры. Наше учение не догма, а руководство к деятельности.

Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор. Мы знаем направление этого пути, мы знаем, какие классовые силы ведут по нему, а конкретно, практически, это покажет лишь *опыт миллионов*, когда они возьмутся за дело.

Доверьтесь рабочим, товарищи крестьяне, рвите союз с капиталистами! Только в тесном союзе с рабочими вы *можете* начать осуществлять на деле программу 242-х наказов. В союзе с капиталистами, под руководством эсеров, вы никогда не дождетесь *ни одного* решительного, бесповоротного шага в духе этой программы.

А когда в союзе с городскими рабочими, в беспощадной борьбе против капитала вы *начнете* осуществлять программу 242-х наказов, тогда весь мир придет на помощь вам и нам, тогда успех этой программы – не в ее данной формулировке, а в ее сути – будет обеспечен. Тогда наступит конец господству капитала и наемному рабству. Тогда начнется царство социализма, царство мира, царство трудящихся.

«Рабочий» № 6, 11 сентября (29 августа) 1917 г. Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Рабочий»

О клеветниках

В № «Речи» от 20-го августа, а равно в «Русской Воле», газете, основанной на заведомо темные деньги и рекомендующей избирателям, если они «социалистически настроены», голосовать за «Единство»^[59] и за «народных социалистов»^[60], помещены еще раз клеветнические заявления относительно меня.

Сведения эти принадлежат, по сообщению обеих газет, «военному министерству», а «Речь» *даже утверждает*, что они устанавливаются «по документальным данным и многочисленными показаниями отдельных лиц».

Закон о клевете в печати фактически в России приостановлен. Господам клеветникам, особенно в буржуазной печати, предоставлена полная свобода: выступай в печати анонимно, лги и клевети, сколько хочешь, прикрывайся не подписанными ни одним официальным лицом, но якобы официальными сообщениями, – все сойдет с рук! Грязные клеветники с гг. Милюковыми во главе пользуются привилегией неприкосновенности.

Клеветники утверждают, будто у меня были известные отношения к «Союзу освобождения Украины». Газета Милюкова пишет: «Германским правительством было поручено Ленину пропагандировать мир». «В Берлине были два собрания социалистов, в которых принимали участие Ленин и Иолтуховский». А «Русская Воля» к этой последней фразе добавляет: «Ленин останавливался у Иолтуховского».

Если г-ну Милюкову и другим, подобным же негодям, рыцарям гнусной клеветы, предоставлена безнаказанность, мне остается одно: еще раз повторить, что это клевета, еще раз противопоставить рыцарям шантажа, ссылающимся на отношение свидетелей, ссылку на известного массе свидетеля.

Один деятель «Союза освобождения Украины», Басок, мне известен с 1906 года, когда он, будучи меньшевиком, участвовал вместе со мной на Стокгольмском съезде^[61]. Осенью 1914 или в начале 1915 года, когда я жил в Берне, ко мне на квартиру зашел известный кавказский меньшевик Триа, приехавший из Константинополя. Триа рассказал мне про участие Баска в «Союзе освобождения Украины» и про связь этого Союза с немецким правительством. Триа передал мне при этом письмо Баска ко мне, в этом письме Басок выразил мне сочувствие и надежду на сближение наших взглядов. Я был так возмущен, что немедленно, в присутствии Триа, написал ответ Баску⁵ и отдал письмо тому же Триа для передачи, ибо Триа собирался еще раз побывать в Константинополе.

В письме к Баску я заявлял, что, так как он вступает в сношения с одним из империалистов, то наши дороги безусловно расходятся и у нас нет ничего общего.

Этим ограничились какие бы то ни было мои «отношения» к «Союзу освобождения Украины».

«Рабочий» № 8, 12 сентября (30 августа) 1917 г. Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту газеты «Рабочий»

⁵ См. Сочинения, 4 изд., том 35, стр. 136. Ред.

В Центральный Комитет РСДРП

Возможно, что эти строки опоздают, ибо события развиваются с быстротой иногда прямо головокружительной. Я пишу это в среду, 30 августа, читать это будут адресаты не раньше пятницы, 2 сентября. Но все же, на риск, считаю долгом написать следующее.

Восстание Корнилова есть крайне неожиданный (в такой момент и в такой форме неожиданный) и прямо-таки невероятно крутой поворот событий.

Как всякий крутой поворот, он требует пересмотра и изменения тактики. И, как со всяким пересмотром, надо быть архиосторожным, чтобы не впасть в беспринципность.

По моему убеждению, в беспринципность впадают те, кто (подобно Володарскому) скатывается до оборончества или (подобно другим большевикам) до *блока* с эсерами, до *поддержки* Временного правительства. Это архиневерно, это беспринципность. Мы станем оборонцами *лишь после* перехода власти к пролетариату, *после* предложения мира, *после* разрыва тайных договоров и связей с банками, *лишь после*. Ни взятие Риги, ни *взятие Питера* не сделает нас оборонцами. (Очень бы просил дать это прочесть Володарскому.) До тех пор мы за пролетарскую революцию, мы против войны, мы *не* оборонцы.

И поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят: неужели не биться против Корнилова? Конечно, да! Но это не одно и то же; тут есть грань; ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий.

Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя.

В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова?

В том, что мы видоизменяем *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорим: надо *учесть* момент, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость* и *шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение.

Далее, видоизменение в том, что теперь *главным* стало: усиление агитации за своего рода «частичные требования» к Керенскому – арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, Выборгские и Гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянку, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. и пр. И не только к Керенскому, *не столько* к Керенскому должны мы предъявлять эти требования, сколько к рабочим, солдатам и к крестьянам, *увлеченным* ходом борьбы против Корнилова, *Увлечать* их дальше, поощрять их избивать генералов и офицеров, высказывавшихся за Корнилова, настаивать, чтобы *они* требовали тотчас передачи земли крестьянам, наводить *их* на мысль о необходимости ареста Родзянки и Милюкова, разгона Государственной думы, закрытия «Речи» и др. буржуазных газет, следствия над ними. «Левых» эсеров особенно надо толкать в эту сторону.

Неверно было бы думать, что мы *дальше* отошли от задачи завоевания власти пролетариатом. Нет. Мы чрезвычайно приблизились к ней, но *не прямо*, а со стороны. И агитировать надо *сию минуту* не столько прямо против Керенского, сколько *косвенно*, против него же, но косвенно, именно: требуя активной и активнейшей, истинно революционной войны с Корниловым. Развитие этой войны одно только может *нас* привести к власти и *оговорить* в агитации об этом поменьше надо (твердо памятуя, что завтра же события могут нас поставить у власти и тогда мы ее не выпустим). По-моему, это бы следовало в письме к агитаторам

рам (не в печати) сообщить коллегиям агитаторов и пропагандистов, вообще членам партии. С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства и проч. и проч. надо бороться беспощадно, именно как с *фразами*. Теперь-де время *дела*: вы, гг. эсеры и меньшевики, давно эти фразы истрепали. Теперь время *дела*, войну против Корнилова надо вести революционно, втягивая массы, поднимая их, разжигая их (а Керенский *боится* масс, *боится* народа), В войне против немцев именно теперь нужно *дело*: *тотчас* и *безусловно предложить мир* на *точных* условиях. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную, иначе все меньшевики и эсеры остаются лакеями империализма.

* * *

Р. S. Прочитав, *после* написания этого, шесть номеров «Рабочего»^[62], должен сказать, что совпадение у нас получилось полное. Приветствую ото всей души превосходные передовицы, обзор печати и статьи В. М – на и Вол – го. О речи Володарского прочел письмо его в редакцию^[63], которое тоже «ликвидирует» мои упреки. Еще раз лучшие приветы и пожелания!

Ленин

Написано 30 августа (12 сентября) 1917 г.

Впервые напечатано 7 ноября 1920 г. в газете «Правда» № 250

Печатается по рукописи

Из дневника публициста

1. Корень зла

Если мы возьмем писателя Н. Суханова из «Новой Жизни», то наверное все согласится, что это не худший, а один из лучших представителей мелкобуржуазной демократии. У него есть искреннее тяготение к интернационализму, доказанное им в самые трудные времена, в разгар царистской реакции и шовинизма. У него есть знания и желание разбираться в серьезных вопросах самостоятельно, что он доказал своей долгой эволюцией от эсеровщины по направлению к революционному марксизму.

Тем характернее, что даже такие люди могут, в ответственные моменты революции, по коренным вопросам ее, угощать читателя столь легкомысленными суждениями, как нижеследующее:

«...Как ни много революционных завоеваний мы утратили в последние недели, все же одно из них, и быть может важнейшее, остается в силе: правительство и его политика могут держаться лишь волею советского большинства. Все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию; вернуть его демократические органы могли бы еще вполне легко; и при надлежащем понимании требований момента могли бы без труда ввести политику Временного правительства в надлежащее русло» («Новая Жизнь» № 106 от 20-го августа).

В этих словах содержится самая легкомысленная, самая чудовищная неправда по самому важному вопросу революции, и притом именно такая неправда, которая чаще всего распространялась в самых различных странах в среде мелкобуржуазной демократии и которая больше всего революций загубила.

Когда вдумываешься в ту сумму мелкобуржуазных иллюзий, которая содержится в приведенном рассуждении, то невольно приходит в голову мысль, а ведь граждане из «Новой Жизни» совсем не случайно сидят на «объединительном» съезде^[64] вместе с министрами, министерскими социалистами, вместе с Церетели и со Скобелевыми, вместе с членами правительства товарищами Керенского, Корнилова и К^о. Совсем не случайно. У них действительно одна общая идейная основа: бессмысленная, без критики перенятая из обывательской среды, мещанская доверчивость к добрым пожеланиям. Ибо именно такой доверчивостью проникнуто все рассуждение Суханова, как и вся деятельность тех из меньшевиков-оборонцев, которые действуют добросовестно. В этой мелкобуржуазной доверчивости – корень зла нашей революции.

Наверное Суханов подписался бы обеими руками под требованием, которое предъявляет марксизм всякой серьезной политике, именно: чтобы в основе ее лежали, за основу ее брались *факты*, допускающие точную объективную проверку. Попробуем с точки зрения этого требования подойти к утверждению Суханова в приведенной цитате.

Какие факты лежат в основе этого утверждения? Чем мог бы Суханов доказать, что правительство «может держаться лишь волею» Советов, что им «вполне легко» «вернуть все свое влияние», что они без «труда» могли бы изменить политику Временного правительства.

Суханов мог бы сослаться, во-первых, на свое общее впечатление, на «очевидность» силы Советов, на явку Керенского в Совет, на любезные слова того или иного министра и т. п. Это было бы, конечно, совсем уже плохим доказательством, вернее признанием полного отсутствия доказательств, полного отсутствия объективных фактов.

Суханов мог бы сослаться, во-вторых, на тот объективный факт, что гигантское большинство резолюций рабочих, солдат и крестьян высказывается решительно за Советы и за поддержку их. Эти резолюции, дескать, доказывают волю большинства народа.

Такое рассуждение столь же обычно в обывательской среде, как и первое. Но оно совершенно несостоятельно.

Во всех революциях воля большинства рабочих и крестьян, т. е., несомненно, воля большинства населения, была за демократию. И тем не менее громадное большинство революций кончилось поражением демократии.

Учитывая этот опыт большинства революций и в особенности революции 1848 года (наиболее похожей на нашу теперешнюю), Маркс беспощадно высмеивал мелкобуржуазных демократов, которые хотели побеждать резолюциями и ссылкой на волю большинства народа.

Наш собственный опыт еще нагляднее подтверждает это. Весной 1906 года, несомненно, большинство резолюций рабочих и крестьян было за первую Думу. Большинство народа, несомненно, стояло за нее. И тем не менее царю удался разгон ее, потому что подъем революционных классов (рабочие стачки и крестьянские волнения весной 1906 года) оказался слишком слаб для новой революции.

Вдумайтесь в опыт теперешней революции. И в марте-апреле и в июле-августе 1917 года большинство резолюций было за Советы, большинство народа было за Советы. А между тем все и каждый видят, знают, чувствуют, что в марте-апреле революция шла вперед, а в июле-августе она идет назад. Значит ссылка на большинство народа ничего еще в конкретных вопросах революции не решает.

Одна эта ссылка, как доказательство, есть именно образец мелкобуржуазной иллюзии, нежелание признать, что в революции надо *победить* враждебные классы, надо *свергнуть* защищающую их государственную власть, а для этого недостаточно «воли большинства народа», а необходима *сила* революционных классов, желающих и способных сражаться, притом сила, которая бы в решающий момент и в решающем месте *раздавила* враждебную силу.

Сколько раз бывало в революциях, что маленькая, но хорошо организованная, вооруженная и централизованная сила командующих классов, помещиков и буржуазии, подавляла по частям силу «большинства народа», плохо организованного, плохо вооруженного, раздробленного.

Подменять конкретные вопросы классовой борьбы в момент особого обострения ее революцией «общими» ссылками на «волю народа» было бы достойно только самого тупого мелкого буржуа.

В-третьих, Суханов в приведенном рассуждении приводит один «аргумент», тоже довольно обычный в обывательской среде. Он ссылается на то, что «все влияние революционной демократии уступлено ею по собственному желанию». Отсюда как бы выводится, что уступленное «по собственному желанию» легко и вернуть назад...

Рассуждение никуда не годное. Прежде всего, возврат добровольно уступленного предполагает «добровольное согласие» того, кто уступку получил. Отсюда следует, что такое добровольное согласие имеется налицо. Кто получил «уступку»? Кто воспользовался «влиятием», уступленным «революционной демократией»?

Крайне характерно, что этот основной для всякого, не лишнего головы, политика вопрос совсем обойден Сухановым... Ведь в этом же гвоздь, в этом суть дела: в чьих руках *на деле* то, что «добровольно уступила» «революционная» (простите за выражение) «демократия».

Именно эту суть дела Суханов и обходит, как обходят ее все меньшевики и эсеры, все мелкобуржуазные демократы вообще.

Далее. Может быть, в детской «добровольная уступка» указывает легкость возврата: если Катя добровольно уступила Маше мячик, то возможно, что «вернуть» его «вполне легко». Но на политику, на классовую борьбу переносить эти понятия кроме российского интеллигента не многие решатся.

В политике добровольная уступка «влияния» доказывает такое бессилие уступающего, такую дряблость, такую бесхарактерность, такую тряпичность, что «выводить» отсюда, вообще говоря, можно лишь одно: кто добровольно уступит влияние, тот «достоин», чтобы у него отняли не только влияние, но и право на существование. Или, другими словами, факт добровольной уступки влияния, сам по себе, «доказывает» лишь неизбежность того, что получивший это добровольно уступленное влияние отнимет у уступившего даже его права.

Если «революционная демократия» добровольно уступила влияние, значит, это была не революционная, а мещански-подлая, трусливая, не избавившаяся от холопства демократия, которую (именно после этой уступки) смогут разгонять ее враги или просто свести ее на нет, предоставить ей умереть так же «по собственному желанию», как «по собственному желанию» она уступила влияние.

Рассматривать действия политических партий, как *каприз*, значит отказаться от всякого изучения политики. А такое действие, как «добровольная уступка влияния» двумя громадными партиями, имеющими, по всем сведениям, сообщениям и объективным данным выборов, большинство в народе, такое действие надо *объяснить*. Оно не может быть случайно. Оно не может не стоять в связи с определенным экономическим положением какого-либо большого класса народа. Оно не может не стоять в связи с историей развития этих партий.

Рассуждение Суханова потому и является замечательно типичным для тысяч и тысяч однородных обывательских рассуждений, что оно базируется, в сущности, на понятии доброй воли («собственное желание»), игнорируя *историю* рассматриваемых партий. Суханов просто-напросто вычеркнул из своего рассмотрения эту историю, забыл, что добровольные уступки влияния начались, собственно, с 28 февраля, когда Совет выразил доверие Керенскому и одобрил «соглашение» с Временным правительством. А 6-е мая было уступкой влияния прямо-таки в гигантских размерах. Взятое в целом, перед нами до очевидности ясное явление: партии эсеров и меньшевиков сразу встали на наклонную плоскость и покатались вниз все с большей и большей быстротой. Они скатились после 3–5 июля совсем в яму.

И теперь говорить: уступка сделана по собственному желанию, «вполне легко» можно повернуть большие политические партии направо кругом, «без труда» можно побудить их взять направление обратное их направлению за много лет (и за много месяцев революции), «вполне легко» выбраться из ямы и взобраться вверх по наклонной плоскости – разве это не предел легкомыслия?

Наконец, в-четвертых, Суханов мог бы сослаться в защиту своего мнения на то, что рабочие и солдаты, выражающие доверие Совету, вооружены и что потому им «вполне легко» вернуть себе все влияние. Но именно по этому, едва ли не наиболее важному, пункту особенно плохо обстоит дело в обывательских рассуждениях, воспроизводимых писателем «Новой Жизни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Тезисы «Политическое положение», написанные В. И. Лениным 10 (23) июля 1917 года, определяли новую тактическую линию большевистской партии в связи с изменившейся политической обстановкой после расстрела демонстрации рабочих и солдат 4 (17) июля и перехода всей власти в руки контрреволюционного Временного правительства. Тезисы обсуждались на расширенном совещании Центрального Комитета РСДРП(б) с представителями Петербургского комитета, Военной организации при ЦК РСДРП(б), Московского областного бюро, Московского комитета и Московского окружного комитета, состоявшемся 13–14 (26–27) июля 1917 г.

2.

Власть в стране полностью перешла в руки контрреволюционного Временного правительства после событий 3–5 июля.

3.

Партия кадетов (конституционно-демократическая партия) – ведущая партия либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. В дальнейшем кадеты превратились в партию империалистической буржуазии. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам.

4.

Социалисты-революционеры (эсеры) – мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 – начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», партия социалистов-революционеров и др.). Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 285). В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

5.

Письмо в редакцию «Новой Жизни», опубликованное в газете, было подписано также Г. Зиновьевым и Ю. Каменевым.

6.

Имеется в виду ежедневная легальная большевистская газета «Правда». В ночь с 4 на 5 (с 17 на 18) июля 1917 года помещение редакции «Правды» было разгромлено юнкерами и казаками.

7.

«Живое Слово» – ежедневная газета бульварно-черносотенного типа; издавалась в Петрограде с 1916 года под редакцией А. М. Уманского сначала под названием «Новая Маленькая Газета», затем, с 8 (21) марта 1917 года – «Живое Слово». С августа 1917 года выходила под названием «Слово», затем «Новое Слово». Газета вела яростную клеветническую кампанию против большевиков. Была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в октябре 1917 года.

8.

«Социал-Демократ» – нелегальная газета, Центральный Орган РСДРП; издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. После выхода № 1 газеты в России ее издание было перенесено за границу; №№ 2–32 (февраль 1909 – декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33–58 (ноябрь 1914 – январь 1917) – в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок Ленина.

9.

«Бюллетень «Правды»» на немецком языке выходил в Стокгольме с июня по ноябрь 1917 года под заглавием «Russische Korrespondenz «Prawda»» («Русский Бюллетень «Правды»»). Издавался заграничным представительством Центрального Комитета РСДРП(б). В бюллетене публиковались статьи по важнейшим вопросам революции в России, документы, обозрения, хроника, освещавшие жизнь партии и страны. Бюллетень выходил также на французском языке.

10.

После опубликования в черносотенной газете «Живое Слово» гнусной клеветы на Ленина меньшевистско-эсеровский Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих и солдатских депутатов 5 (18) июля 1917 года по требованию большевистской фракции образовал комиссию для расследования клеветнических обвинений, выдвинутых против В. И. Ленина и других большевиков. Но как только Временное правительство вынесло постановление о том, что расследование дела «об организации вооруженного выступления в г. Петрограде 3–5 июля 1917 года против государственной власти» сосредоточивается в руках прокурора Петроградской судебной палаты, следственная комиссия ЦИК сложила свои полномочия и 9 (22) июля опубликовала в газете «Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» заявление, в котором сообщалось, что она «прекращает свою деятельность и собранные ею материалы передает в распоряжение правительственной комиссии». 13 (26) июля на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов меньшевики и эсеры провели резолюцию, в которой заявили, что считают совершенно недопустимым уклонение Ленина от суда. В резолюции указывалось, что все лица, к которым предъявляются обвинения судебными властями, отстраняются от участия в работе Советов.

11.

В. И. Ленин имеет в виду так называемое «Дело Дрейфуса» – провокационный процесс, организованный в 1894 году реакционно-монархическими кругами французской военщины против офицера французского генерального штаба, еврея Дрейфуса, ложно обвинявшегося в шпионаже и государственной измене. Инспирированное реакционной военщиной осуждение Дрейфуса, приговоренного к пожизненному заключению, было использовано реакционными кругами Франции для разжигания антисемитизма и наступления против

республиканского режима и демократических свобод. В 1898 году, когда социалисты и передовые представители буржуазной демократии (среди них – Э. Золя, Ж. Жорес, А. Франс и др.) подняли кампанию за пересмотр дела Дрейфуса, оно приобрело ярко политический характер и раскололо страну на два лагеря: республиканцев и демократов, с одной стороны, и блок монархистов, клерикалов, антисемитов и националистов – с другой. В 1899 году под давлением общественного мнения Дрейфус был помилован и освобожден; в 1906 году решением кассационного суда он был признан невиновным и восстановлен в армии.

12.

Письмо в редакцию «Пролетарского Дела», опубликованное в газете, было подписано также Г. Зиновьевым.

13.

«Новое Время» – ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. С 1905 года – орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, занимая контрреволюционную позицию, вела бешеную травлю против большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», – писал он, – стало выражением, однозначным с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 5 изд., том 22, стр. 44).

14.

Дело Бейлиса – провокационный судебный процесс, организованный в 1913 году в Киеве царским правительством против еврея Бейлиса, ложно обвиненного в убийстве христианского мальчика Ющинского с ритуальной целью (в действительности убийство было организовано черносотенцами). Инсценировкой этого процесса царское правительство стремилось разжечь антисемитизм и вызвать еврейские погромы с целью отвлечения масс от революционного движения, нараставшего в стране. Процесс вызвал сильное общественное возбуждение; в ряде городов состоялись рабочие демонстрации протеста. Бейлис был по суду оправдан.

15.

См. Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, том II, 1955, стр. 303).

16.

«Листок «Правды»» – одно из названий ежедневной легальной большевистской газеты «Правда». Вышел один номер 6 (19) июля 1917 года (вместо очередного номера «Правды») в связи с разгромом помещения редакции газеты юнкерами и казаками в ночь с 4 на 5 (с 17 на 18) июля. В «Листке «Правды»» было напечатано воззвание Центрального и Петербургского комитетов РСДРП(б) и Военной организации РСДРП(б) под заглавием «Спокойствие и выдержка», а также статьи В. И. Ленина «Где власть и где контрреволюция?», «Гнусные клеветы черносотенных газет и Алексинского», «Злословие и факты», «Близко к сути», «Новое дело Дрейфуса?» (см. Сочинения, 5 изд., том 32, стр. 410–417, 418, 419–420, 421, 422).

17.

В. И. Ленин имеет в виду следующие факты. 20 апреля (3 мая) в газетах была опубликована нота министра иностранных дел Милюкова правительствам союзных государств, в которой Временное правительство подтверждало, что будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца. Империалистическая политика Временного правительства вызвала возмущение широких масс трудящихся. 21 апреля (4 мая) по призыву партии большевиков рабочие Петрограда прекратили работу и вышли на демонстрацию с требованием мира. В демонстрации приняло участие свыше 100 тысяч рабочих и солдат. Демонстрации и митинги протеста проходили также в Москве, на Урале, Украине, в Кронштадте и других городах и районах страны. В адрес Петроградского Совета поступили от Советов многих городов резолюции с протестом против ноты Милюкова.

18.

Речь идет о принятом 9 (22) июня 1917 года постановлении первого Всероссийского съезда Советов о запрещении демонстрации, назначенной большевистской партией на 10 (23) июня. Решение о проведении демонстрации было принято 8 (21) июня на расширенном совещании Центрального Комитета и Петроградского комитета РСДРП(б) совместно с представителями районов, воинских частей, профсоюзов, фабрично-заводских комитетов. Демонстрация должна была выявить перед Первым Всероссийским съездом Советов волю петроградских рабочих и солдат, требовавших передачи всей государственной власти в руки Советов. Меньшевики и эсеры решили не допустить демонстрации и провели на съезде резолюцию, запрещающую демонстрацию.

19.

Статья «Ответ» была опубликована 26 и 27 июля 1917 года в №№ 3 и 4 газеты «Рабочий и Солдат» под заглавием «Ответ тов. Н. Ленина».

20.

В. И. Ленин с 29 июня по 4 июля (с 12 по 17 июля) находился на даче В. Д. Бонч-Бруевича в деревне Нейвола, около станции Мустамяки (ныне Рощинский район, Ленинградской области).

21.

«Дело Народа» – ежедневная газета, орган партии эсеров; издавалась в Петрограде с марта 1917 до июля 1918 года, неоднократно меняя названия. Газета занимала позицию оборончества и соглашательства, поддерживала буржуазное Временное правительство. Издание газеты возобновилось в октябре 1918 года в Самаре (вышло четыре номера) и в марте 1919 года в Москве (вышло десять номеров). Газета была закрыта за контрреволюционную деятельность.

22.

Речь идет о воззвании ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета и Военной организации при ЦК РСДРП(б) к рабочим и солдатам Петрограда, написанном в ночь на 4 (17) июля, с призывом к мирной и организованной демонстрации. Воззвание было выпущено отдельной листовкой и 4 (17) июля распространено в рабочих районах Петрограда. На следующий день после июльской демонстрации, 5(18) июля, текст листовки был напечатан в газете «Дело Народа» под заглавием «Документы».

23.

Имеется в виду воззвание Центрального Комитета РСДРП(б), Петербургского комитета, Межрайонного комитета РСДРП(б), Военной организации при ЦК РСДРП(б) о прекращении демонстрации. Воззвание было напечатано в № 99 газеты «Правда» от 5 (18) июля 1917 года. В связи с тем, что в ночь с 4 на 5 (с 17 на 18) июля помещение редакции газеты было разгромлено юнкерами и казаками, этот номер газеты широко распространен не был.

24.

«Рабочая Газета» – ежедневная газета меньшевиков, выходила в Петрограде с 7 (20) марта по 30 ноября (13 декабря) 1917 года; с 30 августа (12 сентября) – орган меньшевистского ЦК. Газета поддерживала буржуазное Временное правительство, боролась против большевистской партии и ее вождя В. И. Ленина. Октябрьскую социалистическую революцию и установление Советской власти встретила враждебно.

25.

«Биржевка» – «Биржевые Ведомости» – буржуазная газета; основана в 1880 году. Издавалась в Петербурге вначале три раза в неделю, потом четыре, а затем ежедневно. С 1902 года выходила два раза в день. Приспособленчество, продажность, беспринципность сделали название газеты нарицательным («биржевка»). После Февральской буржуазно-демократической революции газета вела погромную агитацию против большевистской партии и В. И. Ленина. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в конце октября 1917 года.

26.

«Речь» – ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года активно поддерживала внутреннюю и внешнюю политику Временного правительства, вела погромную травлю против В. И. Ленина и партии большевиков. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. Позднее (до августа 1918 года) продолжала выходить под названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век».

27.

«Колокол» («Die Glocke») – двухнедельный журнал, издававшийся в Мюнхене, а затем в Берлине в 1915–1925 годах членом Германской социал-демократической партии социал-шовинистом Парвусом (А. Л. Гельфандом).

28.

«Союз освобождения Украины» («Сшлка визволення Украши») – буржуазно-националистическая организация, созданная группой украинских буржуазных националистов в 1914 году, в начале первой мировой войны. Рассчитывая на разгром царской России в войне, «Сшлка» ставила задачей добиваться отделения Украины от России и создания буржуазно-помещичьей украинской монархии под немецким протекторатом.

29.

В. М. Чернов, лидер партии эсеров, министр Временного правительства, был обвинен буржуазной печатью в том, что, находясь за границей в начале мировой империалистической войны, он писал пораженческие статьи и участвовал в литературном органе, издававшемся якобы на немецкие деньги. 20 июля (2 августа) Чернов вышел из состава Временного правительства, мотивируя свой уход тем, что о нем распространяются компрометирующие

слухи. Он заявил, что вернется в правительство лишь после полной реабилитации. Уход Чернова из правительства был санкционирован Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкомом Всероссийского Совета крестьянских депутатов. ЦК партии эсеров потребовал от Временного правительства разбора дела Чернова в трехдневный срок. 24 июля (6 августа) на заседании Временного правительства министр юстиции в своем докладе заявил о полной несостоятельности выдвинутых против Чернова обвинений. Во вновь сформированное Керенским правительство Чернов снова вошел в качестве министра земледелия.

30.

Статья «О конституционных иллюзиях» была впервые опубликована в 1917 году в газете «Рабочий и Солдат». В целях сохранения газеты от закрытия буржуазным Временным правительством при публикации статьи в текст рукописи редакцией были внесены изменения. Так, в первом разделе статьи в печатном тексте были опущены слова: «без свержения власти контрреволюционной буржуазии (кадетов в первую голову)»; текст: «беспощадная расправа с контрреволюционной буржуазией, т. е. с кадетами и с командными верхами армии прежде всего», заменен следующим: «решительная борьба с контрреволюционной буржуазией прежде всего». Во втором разделе статьи слова: «борьба классов и борьба масс вплоть до вооруженной борьбы их» заменены словами: «борьба классов и борьба масс вплоть до решительных ее форм». С этими же изменениями в тексте статья была издана в 1917 году отдельной брошюрой под заглавием «К моменту». Во втором, третьем, четвертом, а также в настоящем, пятом, изданиях Сочинений В. И. Ленина статья опубликована по рукописи.

31.

О созыве Учредительного собрания Временное правительство заявило в своей декларации 2(15) марта 1917 года. 14 (27) июня Временное правительство приняло постановление о назначении выборов в Учредительное собрание на 17 (30) сентября. Однако в августе оно перенесло выборы на 12 (25) ноября.

32.

I Государственная дума была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года. В Думу было избрано 478 депутатов, из них более одной трети принадлежало к партии кадетов.

33.

Имеется в виду I Всероссийский съезд крестьянских депутатов, происходивший 4–28 мая (17 мая – 10 июня) 1917 года в Петрограде. Главными организаторами съезда выступали эсеры, оказавшие большое влияние на выборы делегатов на местах. На съезде присутствовало 1115 делегатов от губернских крестьянских съездов и армейских крестьянских организаций. Значительное большинство на съезде составляли эсеры. По своему социальному составу большинство делегатов съезда принадлежало к состоятельному крестьянству, деревенская беднота была представлена военными делегатами.

34.

«Воля Народа» – ежедневная газета, орган правого крыла партии эсеров. Издавалась в Петрограде с 29 апреля 1917 года; закрыта в ноябре 1917 года. Позднее выходила и под другими названиями. Окончательно закрыта в феврале 1918 года.

35.

«Русская Воля» – ежедневная буржуазная газета, основанная царским министром внутренних дел А. Д. Протопоповым и существовавшая на средства крупных банков; выходила в Петрограде с декабря 1916 года. После Февральской буржуазно-демократической революции вела клеветническую кампанию против большевиков. Ленин называл ее «одной из наиболее гнусных буржуазных газет» (настоящий том, стр. 130). Закрыта Военно-революционным комитетом 25 октября (7 ноября) 1917 года.

36.

Ленин имеет в виду Франкфуртский парламент – общегерманское Национальное собрание, которое было создано после мартовской революции 1848 года в Германии и начало свои заседания в мае того же года во Франкфурте-на-Майне. Главная задача Собрания состояла в ликвидации политической раздробленности и в выработке общегерманской конституции. Однако из-за трусости и колебаний либерального большинства Собрания, нерешительности и непоследовательности мелкобуржуазного левого крыла, Собрание побоялось взять в свои руки верховную власть в стране и не сумело занять решительной позиции в основных вопросах германской революции 1848–1849 годов. Оно ничего не сделало для облегчения положения рабочих и крестьян, не оказало поддержки национально-освободительному движению в Польше и Чехии и одобряло политику угнетения, которую проводили Австрия и Пруссия по отношению к поработленным народам. Депутаты Собрания не решились мобилизовать силы народа для отпора наступлению контрреволюции и для защиты выработанной ими в марте 1849 года имперской конституции. Они «принимали всякие демократические «решения», «учреждали» всякие свободы, а на деле оставляли власть в руках короля» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 21).

37.

Ленин имеет в виду работу К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 115–217).

38.

См. К. Маркс. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 8, стр. 209).

39.

См. Ф. Энгельс. «Крестьянская война в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 7, стр. 343–437).

40.

Каносса – замок в Северной Италии. В 1077 году германский император Генрих IV, потерпев поражение в борьбе против римского папы Григория VII, был вынужден принести покаяния и три дня простоял в одежде кающегося грешника перед воротами замка, вымаливая свидания с папой, чтобы снять с себя отлучение от церкви и вернуть власть императора. Отсюда и возникло выражение «идти в Каноссу» – каяться, идти с повинной, идти на унижение перед противником.

41.

Речь идет о подготовлявшемся Временным правительством Государственном совещании с целью мобилизации контрреволюционных сил для разгрома революции. Идея созыва такого

совещания получила полную поддержку эсеров и меньшевиков. Опасаясь революционных рабочих Петрограда, буржуазия решила провести совещание в Москве.

42.

Речь идет о коалиционном Временном правительстве, образованном 24 июля (6 августа) 1917 года в составе министра-председателя и военного и морского министра А. Ф. Керенского (эсер), заместителя министра-председателя и министра финансов Н. В. Некрасова (кадет), министра внутренних дел Н. Д. Авксентьева (эсер) и других. В коалиционное правительство вошли кадеты, эсеры, меньшевики, «народные социалисты» и близкие к кадетам беспартийные. Правительство в новом составе оказалось в руках кадетов. На объединенном заседании Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов, состоявшемся 25 июля (7 августа), меньшевики и эсеры приняли резолюцию, в которой призвали к самой активной поддержке вновь созданного коалиционного правительства.

43.

Имеется в виду декларация Временного правительства от 8 (21) июля 1917 года. Декларация содержала ряд демагогических обещаний, с помощью которых Временное правительство рассчитывало успокоить массы после июльских дней. Оно обещало: провести в намеченный срок – 17 (30) сентября – выборы в Учредительное собрание, обеспечить скорейшее введение городского и земского самоуправления, уничтожить сословия, провести необходимые меры по борьбе с хозяйственной разрухой, разработать законы о восьмичасовом рабочем дне, охране труда, социальном страховании, выработать для рассмотрения в Учредительном собрании проект земельной реформы. Однако ни одно из этих обещаний выполнено не было.

44.

«Известия Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» – ежедневная газета; начала выходить с 28 февраля (13 марта) 1917 года.

45.

Временное правительство 12 (25) июля ввело смертную казнь на фронте. При дивизиях были учреждены «военно-революционные суды», приговоры которых вступали в силу немедленно после опубликования и должны были безотлагательно приводиться в исполнение.

46.

Контактная комиссия была образована по решению соглашательского Исполкома Петроградского Совета от 8 (21) марта для «воздействия» и «контроля» за деятельностью Временного правительства. В нее вошли М. И. Скобелев, Ю. М. Стеклов, Н. Н. Суханов, В. Н. Филипповский, Н. С. Чхеидзе (позднее также – В. М. Чернов и И. Г. Церетели). Контактная комиссия помогала Временному правительству использовать авторитет Петроградского Совета в целях маскировки своей контрреволюционной политики. С ее помощью меньшевики и эсеры рассчитывали удержать массы от активной революционной борьбы за переход власти к Советам. Контактная комиссия была упразднена в середине апреля 1917 года в связи с передачей ее функций Бюро Исполкома.

47.

Восстание Корнилова – контрреволюционный мятеж буржуазии и помещиков в августе 1917 года. Во главе мятежа встал верховный главнокомандующий армии, царский генерал Корнилов. Заговорщики ставили своей целью овладеть Петроградом, разгромить большевистскую партию, разогнать Советы, установить военную диктатуру в стране и подготовить восстановление монархии. В заговоре принимал участие глава Временного правительства А. Ф. Керенский, но, когда начался мятеж, он, опасаясь, что и сам будет сметен вместе с Корниловым, отмежевался от последнего и объявил его мятежником против Временного правительства.

48.

Вопрос о созыве международной конференции социалистов в Стокгольме возник в апреле 1917 года.

49.

Ленин имеет в виду резолюцию «Об объединении партии», принятую VI съездом РСДРП(б) (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 388).

50.

«Пролетарий» – Центральный Орган большевистской партии, ежедневная газета; выходила с 13 (26) августа по 24 августа (6 сентября) 1917 года вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда». Вышло 10 номеров.

51.

Настоящее письмо написано вслед за текстом листка и, судя по содержанию, было предназначено для Центрального Комитета партии. Публикуется впервые, по машинописной копии, хранящейся в Центральном партийном архиве ИМЛ. «Листок по поводу взятия Риги» опубликован не был. Возможно, что автором этого листка является В. И. Ленин.

52.

В. И. Ленин цитирует стихотворение Н. А. Некрасова «Блажен незлобивый поэт».

53.

«День» – ежедневная либерально-буржуазная газета; издавалась в Петербурге с 1912 года. В газете принимали участие меньшевики-ликвидаторы, в руки которых газета перешла целиком после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. Закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года.

54.

На пленарном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 18 (31) августа 1917 года лидер меньшевиков И. Г. Церетели решительно выступил против резолюции об отмене смертной казни на фронте, которая была введена Временным правительством после июльских дней. Резолюция с протестом против смертной казни была принята большинством голосов.

55.

Базельский манифест 1912 года – манифест о войне, принятый Чрезвычайным международным социалистическим конгрессом в Базеле, происходившим 24–25 ноября 1912 года. Манифест предостерегал народы от угрозы надвигавшейся мировой империалистической войны, вскрывал грабительские цели этой войны и призывал рабочих всех стран к решительной борьбе за мир, противопоставив «капиталистическому империализму мощь международной солидарности пролетариата». В Базельский манифест был включен сформулированный В. И. Лениным пункт из резолюции Штутгартского конгресса (1907) о том, что в случае возникновения империалистической войны социалисты должны использовать экономический и политический кризис, вызываемый войной, для ускорения падения капиталистического классового господства, для борьбы за социалистическую революцию.

56.

Независимая социал-демократическая партия Германии – центристская партия, образовавшаяся в апреле 1917 года на учредительном съезде в Готе в обстановке революционного подъема, на усиление которого большое влияние оказала Февральская буржуазно-демократическая революция в России. Оппортунистическое руководство социал-демократической партии Германии все более теряло доверие рядовых членов, и партия стояла под угрозой откола левых элементов. Чтобы предупредить откол и образование революционной партии рабочего класса, лидеры центризма предприняли попытку создать так называемую «независимую» партию, с помощью которой можно было бы удерживать массы под своим влиянием. «Независимцы», маскируясь центристской фразой, проповедовали единство с социал-шовинистами, скатывались к отказу от классовой борьбы. Основную часть партии составила каутскианская организация «Трудовое содружество» в рейхстаге.

57.

«Известия Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» – ежедневная газета, официальный орган Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Издавалась в Петрограде с 9 (22) мая по декабрь 1917 года; выражала взгляды правого крыла партии эсеров. Октябрьскую социалистическую революцию газета встретила враждебно; была закрыта за контрреволюционное направление.

58.

Ленин имеет в виду работу Ф. Энгельса «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 22, стр. 518–521).

59.

«Единство» – незначительная социал-демократическая группа, объединявшая в 1917–1918 гг. крайне правых меньшевиков-оборонцев, бывших ликвидаторов и др. Организационно оформилась в марте 1917 года. Кроме Петрограда, организации группы «Единство» существовали в Москве, Баку и некоторых других городах. Руководящую роль в ней играли Г. В. Плеханов и бывшие ликвидаторы А. Ф. Бурьянов и Н. И. Иорданский. Отвергая возможность победы социалистической революции в России, группа «Единство» безоговорочно поддерживала буржуазное Временное правительство, требовала продолжения империалистической войны «до полной победы», вместе с буржуазной и черносотенной прессой принимала участие в травле большевиков. После июльских событий вела агитацию за установление «твердой власти», т. е. военной диктатуры. Организационно группа распалась летом 1918 года.

60.

«Народные социалисты» (энесы) – члены мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требования всей земли» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 24). Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. В годы первой мировой войны «народные социалисты» стояли на социал-шовинистических позициях.

61.

Речь идет о Четвертом (Объединительном) съезде РСДРП, состоявшемся в Стокгольме 10–25 апреля (23 апреля – 8 мая) 1906 года. Анализ работ съезда дан Лениным в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» (см. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 1–66).

62.

«Рабочий» – Центральный Орган большевистской партии, ежедневная газета, выходившая с 25 августа (7 сентября) 2 (15) сентября 1917 года вместо закрытой Временным правительством газеты «Правда». Вышло 12 номеров (включая экстренные выпуски).

63.

В письме «Ко всем товарищам!», опубликованном в газете «Рабочий» № 2 от 8 сентября (26 августа) 1917 года, В. Володарский выступил с опровержением сообщения, напечатанного в ряде газет, в том числе и в «Новой Жизни», относительно его выступления 24 августа (6 сентября) на заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполнительного комитета Совета крестьянских депутатов по вопросу о положении на фронте. Газеты опубликовали его речь в искаженном виде, приписав ему слова, что «дело обороны самое важное в настоящий момент дело». Опровергая ложность этого сообщения, Володарский писал, что в своей речи он излагал положения декларации большевистской фракции по вопросу о прорыве немецких войск на Рижском фронте, резко осуждавшей империалистическую политику Временного правительства и призывавшей к революционному выходу из империалистической войны.

64.

«Объединительный съезд» меньшевиков происходил в Петрограде 19–26 августа (1–8 сентября) 1917 года. Задачей съезда было объединить в единую партию отдельные меньшевистские группы. На съезде присутствовали меньшевики-оборонцы (плехановцы, потресовцы), меньшевики-интернационалисты (сторонники Мартова) и представители газеты «Новая Жизнь», принимавшей активное участие в созыве съезда. Большинством голосов съезд принял резолюции, в которых высказался за продолжение войны «до победного конца», одобрил вхождение социалистов в состав буржуазного Временного правительства и выразил ему доверие. На съезде был избран Центральный комитет, в состав которого вошли: П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе и другие. Однако в ходе работ съезда среди его участников выявился полный разброд и задача объединения меньшевиков осталась фактически невыполненной.